A13 8/48
c.1

А13 8/48

ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА

(1798—1860 г.).

422

~~100~~

А 13 8/48

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

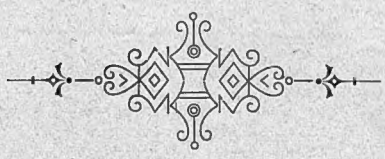
СУПРУГИ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

4221

составилъ И. Н. Божерянов.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Больш. Подъяческая, д. № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Декабря 1898 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 11196
„4" IX 1931 г.

ОТЪ АВТОРА.

1-го іюля сего года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія въ Бозѣ почивающей Императрицы Александры Ѳеодоровны, а спустя полтора мѣсяца послѣдовало открытіе въ Московскомъ Кремлѣ памятника Ея первородному Сыну, Императору Александру II.

Имѣя въ виду эти знаменательныя историческія событія, мы сочли своевременнымъ приступить къ составленію біографіи Супруги Императора Николая I, которую будемъ печатать выпусками со многими иллюстраціями. Въ настоящій, первый, выпускъ вошли двѣ главы и начало третьей, въ которой говорится о рожденіи Царя-Освободителя русскаго народа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Императрицу Александру Ѳеодоровну соединяла самая искренняя, самая горячая привязанность со своимъ Вѣнценоснымъ Супругомъ. Императоръ Николай I съ неменьшимъ обожаніемъ относился къ своей Августѣйшей Супругѣ, чему вѣчнымъ памятникомъ служатъ Александрія въ Петергофѣ и, наполняющіе его окрестности, роскошные дворцы, которые Императоръ Николай Павловичъ дарилъ своей нѣжнолюбимой женѣ: Царицынъ островъ, Озерки съ сампсоніевскимъ павильономъ, Бельведеръ на Бабьемъгонѣ, а также Оріанда на южномъ берегу Крыма.

Юная прусская принцесса Шарлота въ полномъ расцвѣтѣ молодости вступила въ бракъ, 1-го іюля 1817 года, въ день своего рожденія, когда ей исполнилось 19 лѣтъ. Красивое ея лицо имѣло большое сходство съ прелестными чертами прусской королевы Луизы, ея матери. Графиня Шуазель-Гуфье, увидѣвъ въ первый разъ Великую Княгиню Александру Ѳеодоровну, «была поражена изяществомъ и красотой ея стана. Окруженная придворными дамами, она была выше всѣхъ ихъ головой, точно Калипсо посреди своихъ нимфъ».

И впослѣдствіи, ставъ молодою Императрицею, величественная и стройная фигура Александры Ѳеодоровны производила на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе; поэтъ Пушкинъ съ восторгомъ описываетъ выходы

Государыни на придворные балы, когда она «колеблясь подобно лиліи крылатой», входитъ въ тѣсный кругъ придворныхъ

И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою.

Поселившись послѣ брака въ Аничковскомъ дворцѣ (который впослѣдствіи Императоръ Николай I повелѣлъ именовать Собственнымъ Его Императорскаго Величества Дворцомъ), Великій Князь его совершенно реставрировалъ, уничтожилъ громадныя залы, приспособивъ ихъ для тихой, счастливой семейной жизни, о которой свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Николая Павловича:

— «Если кто-нибудь спроситъ тебя,—говорилъ Великій Князь одному изъ своихъ приближенныхъ,—въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе пошли этого человѣка въ Аничковскій рай».

Давъ, въ началѣ сентября 1817 года, великолѣпный маскарадъ въ Аничковскомъ дворцѣ, Николай Павловичъ со своею супругою переѣхали въ Москву, гдѣ 17-го апрѣля 1818 года родился у нихъ будущій Императоръ Александръ II, и Жуковскій, въ то время учившій русскому языку Великую Княгиню Александру Ѳеодоровну, написалъ посланіе своей царственной ученицѣ, въ которомъ пророчески говорилъ о ея сынѣ:

«Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила Царей великихъ внуку».

Два года спустя тотъ же Жуковскій въ стихотвореніи «Цвѣтокъ» поднесенномъ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ день ея рожденія, словами Ея Высочества говорилъ:

«Изъ сѣверной, любовію избранной,
И Промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный,
Что младости мечты совершены,
Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
И что теперь плѣнительно, какъ прежде

* * *

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
Еще одинъ товарищъ приведенъ:
На путь земной изъ люльки безопасной
Ужъ подаетъ младую руку онъ;
Его лице невинностію ясно
И жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ;
Безпечному предавъ его веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

* * *

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердце мнѣ грядущаго мечта;
Веселый день младенчества промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ воспламенится,
И мужески созрѣетъ красота;
Услышитъ онъ возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести.

* * *

О, да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна,
Да перейдетъ, какъ чистое преданье
Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!»

Страстно любилъ Николай Павловичъ своего сына-первенца, но съ дѣтства воспитывалъ его по-спартански. Такъ, дочь Балугьянскаго, бывшаго наставника Императора Николая I, баронесса М М. Медемъ, разсказываетъ: «Въ 1821 г. послѣ нашего выпуска изъ Екатерининскаго Института, отецъ повезъ меня съ сестрой въ Аничковскій дворецъ представить Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій Великій Князь Николай Павловичъ, который присутствовалъ при этомъ представленіи, объявилъ, что желаетъ похвастать своимъ сыномъ, и, не смотря на протестъ Великой Княгини, ввелъ всѣхъ троихъ въ спальню сына, отодвинулъ ширму, разбудилъ спящаго ребенка и вынулъ его изъ кроватки, утверждая при этомъ, что солдатъ долженъ быть готовъ во всякое время. Потомъ, поставивъ сына на полъ, самъ сталъ рядомъ съ нимъ на колѣни, взялъ громадный барабанъ и, подъ звуки выбиваемаго имъ самимъ марша, заставилъ сына маршировать». («Рус. Арх.» 1885 г., т. III, стр. 418).

Точно также съ раннихъ лѣтъ пріучалъ Императоръ Николай и втораго своего сына Константина къ морю, какъ это видно на прилагаемомъ снимкѣ съ литографіи того времени.

Императоръ Николай I на катерѣ съ Императрицею и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Поэтъ Жуковскій въ посвященіи поэмы «Наль и Дамаянти» Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, вспоминаетъ берлинскій маскарадъ и живыя картины 1821 г., въ которомъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна являлась въ сценахъ изъ поэмы Томаса Мура—«Лалла-Рукъ», индѣйскою царевною, приносимою въ паланкинѣ. Декоративная часть и составленіе группъ было ввѣрено извѣстному Шинкелю, пояснительные романсы положены были на музыку композиторомъ Спонтини. Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ то время было двадцать три года; она находилась въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты. Ростъ ея и вся фигура были величественны. Великій Князь Николай Павловичъ, исполнявшій

роль Алариса, настолько же выдавался между мужчинами своей могучей красотою, насколько его супруга выдѣлялась между женщинами своей граціей. Онъ самъ составилъ себѣ костюмъ: голубой кафтанъ, плотно облегавшій тѣло, съ длинными концами широкій поясъ, желтыя туфли и зеленая чалма дополняли нарядъ.

Не менѣе оригинально было и другое торжество, устроенное Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ день рожденія Александры Ѳеодоровны въ первое пребываніе ея въ Берлинѣ послѣ воцаренія Императора Николая Павловича, которому берлинцы поднесли тогда званіе почетнаго гражданина своего города. Зная любовь своей дочери къ цвѣтамъ и особенно къ бѣлымъ розамъ, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшилъ устроить для нея «праздникъ бѣлой розы».

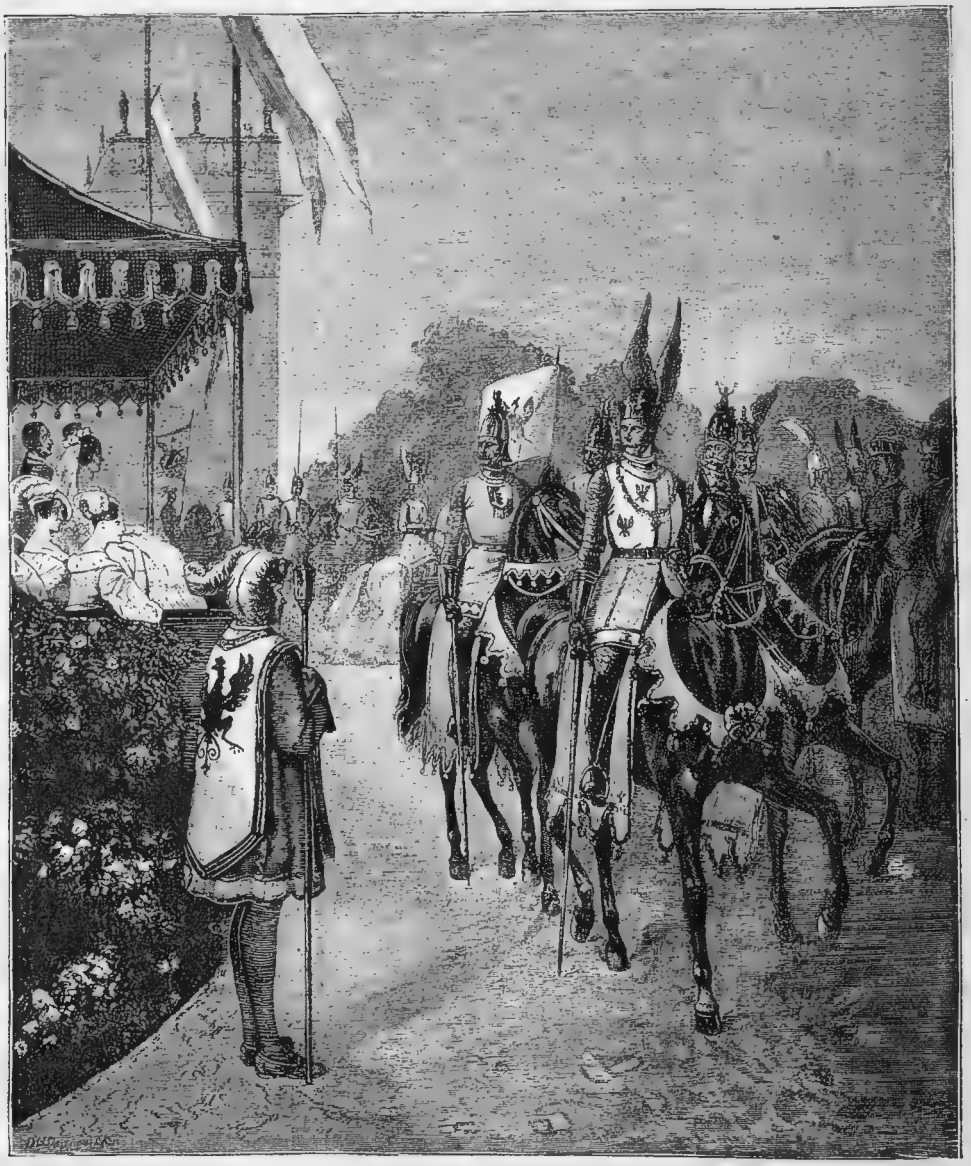
Для празднества избранъ былъ потсдамскій дворецъ. Главный дворъ былъ отведенъ для турнира; ристалище отдѣлялось отъ мѣстъ, предназначенныхъ для зрителей, баллюстрадою, увѣшанною алыми съ золотомъ драпировками, а самая трибуна декорирована щитами, на которыхъ были прикрѣплены особые значки, украшенные бѣлыми розами. По срединѣ, подъ зеленымъ балдахиномъ, возвышалась трибуна для царицы турнира.

Около 6 часовъ вечера Императрица появилась передъ зрителями: на Ней было бѣлое платье средневѣковаго покроя, вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ украшалъ Ея чело. Такое же украшеніе было на головѣ у всѣхъ сопровождавшихъ дамъ. Когда Императрица заняла свое мѣсто на трибунѣ, къ Ней подъѣхалъ герольдъ, испрашивая разрѣшенія нѣкоторымъ рыцарямъ явиться на арену. Показался рыцарскій поѣздъ, предшествуемый трубачами въ зеленой одеждѣ съ оранжевой отдѣлкой. Весь поѣздъ состоялъ изъ 10 отрядовъ, во главѣ которыхъ было нѣсколько принцевъ прусскаго королевскаго дома: принцъ Фридрихъ Нидерландскій, герцогъ Карлъ Мекленбургскій, герцогъ Вильгельмъ Брауншвейгъ-Эльскій и т. д. Одинъ изъ рыцарей обратился къ Императрицѣ съ рѣчью, въ которой, послѣ привѣтствій, заключалось предупрежденіе, что въ виду всѣмъ извѣстной кротости и миролюбія царицы турнира, обычныя состязанія на этотъ разъ будутъ замѣнены простыми рыцарскими играми.

Такъ баловалъ свою царственную дочь Фридрихъ-Вильгельмъ III, который вообще умѣлъ привести своего гостя въ изумленіе какой-нибудь неожиданностью почему Императрица Марія Ѳеодоровна говорила про него, что «онъ дѣлаетъ всегда болѣе, нежели можно думать или ожидать».

Насколько понравился этотъ праздникъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, можно судить потому, что впослѣдствіи Императоръ Николай I

устроилъ подобный же рыцарскій турниръ въ Царскомъ селѣ, въ которомъ участвовала вся Царская семья, и картина Зауервейда, изображающая



Турниръ въ Потсдамѣ 1-го іюля 1829 г.

этотъ рыцарскій кортежъ, украшаетъ одну изъ залъ Царскосельскаго дворца. Императоръ Николай I любилъ праздновать день рожденія своей Августѣйшей супруги. Однажды, 1-го іюля, въ Петергофѣ, по выходѣ изъ церкви, Императоръ сталъ во главѣ Кавалергардскаго полка, шефомъ

котораго была Государыня. Какъ простой генералъ, онъ командовалъ полкомъ во время парада, отдавъ воинскія почести своему шефу,—Императрицѣ,—смотрѣвшей на парадъ съ одной изъ дворцовыхъ террасъ. Небо, въ началѣ дня безоблачное, покрылось между тѣмъ тучами; по окончаніи развода, Императоръ подошелъ къ террасѣ и, подобно рыцарю, съ глубокимъ почтеніемъ, склонилъ голову предъ Императрицею, развелъ руки и поднялъ глаза къ небу, какъ бы желалъ этимъ сказать: «я сдѣлалъ все, что могъ, и не моя вина въ томъ, что ненастная погода омрачила праздникъ, начатый столь блистательно».

Императоръ Николай I.

Подъ бюстомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, работы Рауха, Императоръ приказалъ подписать слова: «счастіе моей жизни».

Императрица Екатерина II воспитывала дѣтей своего сына, строго отдѣляя ихъ другъ отъ друга, а Императрица Александра Ѳеодоровна, наоборотъ, помня свое воспитаніе, всячески старалась связать и соединить ихъ и по вечерамъ проводила съ ними время, принимая живое участіе въ ихъ играхъ. Заглавная гравюра Райта, представляющая копію съ картины, находящейся въ Романовской галлереѣ Эрмитажа, изображаетъ Государыню, играющую съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и Великою Княжною Маріею Николаевною. Привычка эта вошла въ обычай, и впослѣдствіи дѣти Императрицы не проводили дня, чтобы не повидать свою Мать.

Въ одномъ изъ писемъ Плетнева къ Гроту есть слѣдующія строки, подтверждающія вышесказанное: «Мы начали «Руслана и Людмилу», что понадобилось по предстоящей оперѣ Глинки сего самаго сюжета. Начали входить, начиная съ Наслѣдника Цесаревича, всѣ сыновья одинъ за другимъ и тѣмъ прерывали намъ чтеніе, такъ что Великая Княжна Ольга Николаевна въ нетерпѣніи воскликнула при послѣднемъ: «Что это, maman, сколько у васъ сыновей!» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I, стр. 598).

Великая Княгиня Ольга Николаевна, Королева Виртембергская.

Невольно тутъ вспоминается преданіе, что жена Леонида Спартанскаго, на замѣчаніе одной чужестранки, что только спартанки повелѣваютъ мужьями, отвѣчала: «потому что только мы рождаемъ мужей». Этотъ мудрый отвѣтъ, пробѣжавъ вѣка, бьетъ поучительною стороною своею въ жизнь всякаго народа. Первоначальное воспитаніе ребенка, принадлежащее матери, кладетъ основы нравственнаго его склада. Вотъ гдѣ высокая роль женщины. Еще выше эта задача въ царственной женѣ. Впрочемъ, мы должны оговориться, что Императрица Александра Ѳеодоровна не любила повелѣвать, и не разъ говорила, что слова Befehl (приказаніе) и befehlen (приказывать) понятны ей только въ устахъ Императора.

По вступленіи Императора Николая I на престолъ, управленію Императрицы Александры Ѳеодоровны были поручены: 7-го апрѣля 1827 г. Патріотическій Институтъ, а 17-го сентября—Институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ, учрежденный малороссійскимъ дворянствомъ. Какъ велики были царственныя заботы о воспитанницахъ этихъ институтовъ, видно изъ того, что Государыня Сама пожелала перевести на лѣто воспитанницъ Патріотическаго Института въ Царскосельскій дворецъ, предоставивъ имъ въ распоряженіе цѣлый флигель. Великая Княжна Марія

Николаевна не только проводила съ ними все свое время, раздѣляя ихъ дѣтскія игры и забавы, но даже носила институтское платье.

Когда принцесса прусская Елизавета прибыла съ мужемъ, наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ въ Петербургъ, то Императрица Александра Ѳеодоровна повезла свою невѣстку въ Смольный. Великія Княжны къ тому дню изготовили себѣ институтскіе костюмы и стали каждая въ ряду своего класса. Это былъ сюрпризъ для принцессы, которая никакъ не ожидала встрѣтить своихъ Августѣйшихъ племянницъ въ ряду воспитанницъ.

По кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны заведенія, находившіяся подъ ея покровительствомъ, поступили 6-го декабря 1828 г. подъ вѣдѣніе Императрицы Александры Ѳеодоровны, а именно: воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), находящіеся въ столицахъ воспитательные дома со всѣми принадлежащими къ нимъ учрежденіями, училище ордена св. Екатерины, Александровское училище въ Москвѣ, дѣвичье училище военно-сиротскаго дома (Павловскій Институтъ), харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, училище солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ-гвардіи, с.-петербургское и московское коммерческія училища, Павловская въ Москвѣ больница и странноприимный домъ Таранова-Бѣлозерова въ Симферополѣ; 28-го іюля 1829 г. одесскій институтъ благородныхъ дѣвицъ; 30-го августа того же года—учрежденный въ Царскомъ Селѣ Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ по части ученія и нравственнаго образованія, съ оставленіемъ по всѣмъ прочимъ частямъ управленія въ зависимости отъ главной дирекціи военно-учебныхъ заведеній.

Про этотъ корпусъ М. Ѳ. Каменская говоритъ: «Помню, что въ 1831 г. въ Александровскомъ корпусѣ были кадетами даже грудныя дѣти, которыхъ мамки въ форменныхъ красныхъ кокошникахъ носили на рукахъ, а сами ребяточки отличались только красными погончиками на бѣлыхъ рубашечкахъ; мѣста офицеровъ при корпусѣ занимали женщины, классныя дамы» («Истор. Вѣстн.», 1894 г., т. 57, стр. 39).

Изъ составленнаго, ко дню двадцатипятилѣтія принятія Императрицею Александрою Ѳеодоровною подъ свое покровительство учрежденій Императрицы Маріи, «*Обозрѣнія*» этихъ учрежденій съ 1828 по 1853 г., видно, что въ теченіе этихъ 25-ти лѣтъ число женскихъ учебныхъ заведеній возросло съ 14-ти до 38-ми (сюда вошли 7 предположенныхъ, но еще не открытыхъ институтовъ). Изъ открытыхъ въ 1853 г. было 2 въ Петербургѣ, 1 въ Москвѣ, 14 въ губерніяхъ. Къ учрежденіямъ Императрицы Маріи были, послѣ смерти статсъ-секретаря Лонгинова въ 1853 г.,

присоединены и находившіеся въ его вѣдѣніи институты: патріотическій, тамбовскій и полтавскій, три Елизаветинскихъ училища, дома Трудолюбія въ Рязани и Пензѣ, школы патріотическаго общества въ Петербургѣ, школы для бѣдныхъ въ Москвѣ тамошняго благотворительнаго общества 1837 года. Такимъ образомъ, включая сюда и сиротскіе дома, въ вѣдѣніи главнаго Совѣта находилось до 46-ти женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній. Въ этомъ числѣ было 39 закрытыхъ и 7 открытыхъ; 1-го разряда 14 заведеній; 2-го—11; 3-го—13; спеціальныхъ 8.

Изъ общаго числа учащихся 6860 большинство (6298) воспитывалось въ закрытыхъ заведеніяхъ, при чемъ на казенномъ содержаніи было 3626, а пансіонерокъ 3234 («Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи». Е. Лихачевой, часть 3, стр. 54).

Императрица Александра Ѳеодоровна, чуждая всякаго личнаго честолюбія, далекая отъ желанія властвовать, стремившаяся только дѣлать добро и пользоваться своимъ вліяніемъ, для того, чтобы помогать ближнимъ, чтобы облегчать ихъ страданія, поставила себѣ задачею жизни благотворительность во всѣхъ ея видахъ, которая практиковалась ею съ утонченною деликатностью, служившею какъ бы отголоскомъ прекрасныхъ качествъ ея души. Ничто не можетъ лучше характеризовать эту деликатную заботливость, какъ слова, сказанныя ею молодому чиновнику, на обязанности котораго лежало принимать прошенія бѣдныхъ, поступавшія въ ея канцелярію, и навѣщать ихъ.

— «На васъ возлагается трудная, подчасъ неблагодарная обязанность; не забывайте, однако, никогда, что вы имѣете дѣло съ несчастными, выслушивайте ихъ просьбы, памятуя объ ихъ нуждахъ. Я знаю, что эта задача будетъ иной разъ не легкая, но не забывайте, что вы дѣлаете при этомъ доброе дѣло и исполняете долгъ, достойный похвалы».

Оказывая массу благодѣяній, Государыня всегда тщательно старалась скрыть, что эти добрыя дѣла совершаются ею; истина открывалась иногда только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ... Чтобы дать понятіе о размѣрахъ ея благотворительности, достаточно будетъ сказать, что по кончинѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны, по бумагамъ ея оказалось, что ею тратилось ежегодно двѣ трети ея личныхъ суммъ на пенсіи, раздаваемыя неимущимъ и больнымъ, на содержаніе богадѣльни, учрежденной ею на Васильевскомъ островѣ (на Среднемъ проспектѣ, между 13 и 14 линіями), на случайныя пособія, оказанныя ею по случаю пожаровъ и иныхъ бѣдствій, и на разныя другія пособія («Рус. Стар.», т. 88, стр. 9—11).

Однимъ словомъ, дѣятельность Императрицы Александры Ѳеодоровны лучше всего можетъ быть характеризована стихомъ:

«Кому святая власть дана
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой
И, силу въ сердце водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой!»

Императрица Александра Ѳеодоровна никогда не спѣшила отвѣчать на вопросъ, предложенный ей о какомъ-нибудь важномъ предметѣ, помня всегда о томъ значеніи, какое имѣютъ слова, сказанныя Монархами; въ такихъ случаяхъ она сосредоточивалась на мгновеніе, чтобы обдумать вопросъ, и то, что могло казаться нерѣшительностью, было въ ней признакомъ рѣдкаго качества. Люди, не знавшіе Императрицы близко, не имѣли понятія о твердости, которая скрывалась подъ этой кажущеюся нерѣшительностью; принявъ же извѣстное рѣшеніе, Государыня болѣе не измѣняла его и дѣлала распоряженіе съ видомъ твердой рѣшимости, придававшимъ чертамъ ея лица и походкѣ характеръ величія и твердости.

Великая Княгиня Александра Николаевна.

Въ продолженіе всей своей жизни и особенно по вступленіи своего супруга на престолъ, Императрица Александра Ѳеодоровна подвергалась частымъ болѣзнямъ, упорно сопротивлявшимся всѣмъ усиліямъ врачей. Впослѣдствіи, потеря любимой дочери, Великой Княгини Александры Николаевны[1]), только-что вышедшей замужъ за принца Гессенъ-Кассель-

---

[1]) Въ память Великой Княгини Александры Николаевны, въ Александріи, у пруда, подъ горою, воздвигнутъ, въ 1846 г. памятникъ, состоящій изъ іоническ-ской колонны бѣлаго мрамора съ бронзовымъ крестомъ на верху.

скаго и наконецъ кончина супруга имѣли самое вредное вліяніе на ея здоровье. Глубоко огорченная мать еще ближе, еще дружественнѣе сошлась съ оставшеюся при ней Великою Княгинею Ольгою Николаевною, которая весьма сильно полюбила вступившую въ 1841 г. въ Царскую

Цесаревна Марія Александровна.

семью Цесаревну Марію Александровну; при чемъ ихъ связывала еще искренняя привязанность къ православной вѣрѣ.

Многократныя поѣздки за границу, долговременное пребываніе въ лучшемъ климатѣ приносили Государынѣ лишь временное облегченіе. Упомянемъ въ особенности о пребываніи Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Ниццѣ и въ Палермо съ 23-го октября 1845 г. по 16-е марта 1846 г., а также и о послѣднемъ ея пребываніи въ Ниццѣ, гдѣ память о ней увѣковѣчена сооруженіемъ прекрасной православной церкви, которая своимъ бѣлымъ куполомъ, сверкающимъ на этомъ далекомъ отъ Россіи

берегѣ, служитъ напоминаніемъ о Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, пожертвовавшей въ нее весь иконостасъ.

Населенія этихъ мѣстъ, осыпанныя милостями Государыни, встрѣчали ее съ восторгомъ, бросали ей цвѣты при проѣздѣ, а поэты писали въ честь ея хвалебныя поэмы: въ Публичной Библіотекѣ находятся—описаніе пребыванія Александры Ѳеодоровны въ Виттенбергѣ въ 1834 г. Августа Беринге ра и небольшая поэма на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ на французскій, Николаса ди Карло, въ которой описанъ отъѣздъ ея изъ Палермо. По возвращеніи Императрицы изъ Палермо построена въ Петергофѣ, въ 1858 г., бесѣдка въ итальянскомъ вкусѣ *Ренелла*, видъ изъ которой, въ ясную погоду, на берегъ Александріи съ зеркальною поверхностію залива, весьма живописенъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бывали иногда у Императрицы Александры Ѳеодоровны небольшіе домашніе концерты, на которыхъ она и Великія Княжны играли на фортепіано и пѣли вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ числа придворныхъ дамъ, фрейлинъ и кавалеровъ. Графъ М. Ю. Віельгорскій игралъ на віолончели, А. Ѳ. Львовъ на скрипкѣ и т. д. Были сочиняемы инструментальныя пьесы, нарочно для царственнаго персонала (обыкновенно А. Ѳ. Львовымъ) и для Государя самого была назначаема партія на трубѣ, т. е. cornet à piston, инструментѣ, на которомъ онъ любилъ играть. Во время репетицій Государь обыкновенно уводилъ Львова

къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ послѣдній долженъ былъ нѣсколько разъ сыграть ему на скрипкѣ его партію. Внимательно прослушавъ ее два или три раза, Государь возвращался къ Императрицѣ и принималъ участіе въ исполненіи назначенной пьесы, никогда не ошибаясь ни во времени своего вступленія, ни въ ритмѣ, ни въ нотахъ («Сбор. Рус. Истор. Общ.», т. 98, стр. 48).

Въ своихъ «*Запискахъ*» М. И. Глинка говоритъ: «Иногда приглашали меня на вечера къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, гдѣ Ея Величество принимала меня весьма ласково. Государыня говорила, бывало, фрейлинѣ Бартеневой [1]), говоря обо мнѣ: «Dites à votre ami de jouer ou chanter telle ou telle chose».

Великая Княгиня Марія Николаевна.

Знаменитая пѣвица Генріетта Зонтагъ была также искренне любима Государыней.

А. Ѳ. Львовъ также пишетъ: «Одинъ разъ я былъ приглашенъ на вечеръ къ Императрицѣ, и меня провели въ ея купальню. Это маленькая комната, прекрасно убранная, низкій диванъ, комелекъ, мраморная ванна, пушистый коверъ, нѣсколько низкихъ табуретокъ, одно окно и двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ на круглую лѣстницу и прямо въ кабинетъ Государя. Вошедъ, я увидалъ на диванѣ Императрицу, у ногъ которой сидѣли три ея дочери и Наслѣдникъ, графъ Вельегорскій и флигель адъютантъ Толстой стояли у комелька. Слабый свѣтъ покрытой лампы освѣщалъ комнату. Послѣ нѣсколькихъ минутъ Императрица предложила всѣмъ пѣть гимнъ: «Боже, Царя храни!» въ полголоса, и сама начала первая. Въ это самое время Государь спускался по лѣстницѣ. Услыша

[1]) Глинка съ извѣстною пѣвицею-любительницею Прасковьею Арсеньевной Бартеневою познакомился въ Москвѣ, и она съ нимъ проходила романсы его сочиненія.

пѣніе, онъ остановился, слезы покатились изъ глазъ его, наконецъ онъ вошелъ, кинулся цѣловать жену и дѣтей; легко можно вообразить, какъ мы всѣ были тронуты до глубины сердца, видя истинное счастіе семейное въ домѣ Царскомъ; а я, конечно, болѣе другихъ былъ счастливъ, что сочинилъ музыку, которая при подобныхъ минутахъ была пѣта». («Рус. Арх.», 1884 г., т. II, стр. 247»).

Великія Княжны, слѣдуя примѣру матери, занимались охотно музыкою и искусствами. Изъ нихъ Великая Княгиня Марія Николаевна по смерти своего мужа герцога Лейхтенбергскаго была назначена президентомъ Академіи Художествъ, а Великая Княжна Ольга Николаевна также работала карандашемъ и кистью подъ руководствомъ профессора Зауэрвейда. Въ день своего бракосочетанія она прислала въ даръ Училищу дѣвицъ духовнаго званія картину своей работы: Пречистая Дѣва еще отроковицей, на колѣняхъ своей матери поучается Закону Божію («Церковныя Вѣдомости», № 46, 1892 г.)

Герцогъ Максиміліанъ Лейхтенбергскій.

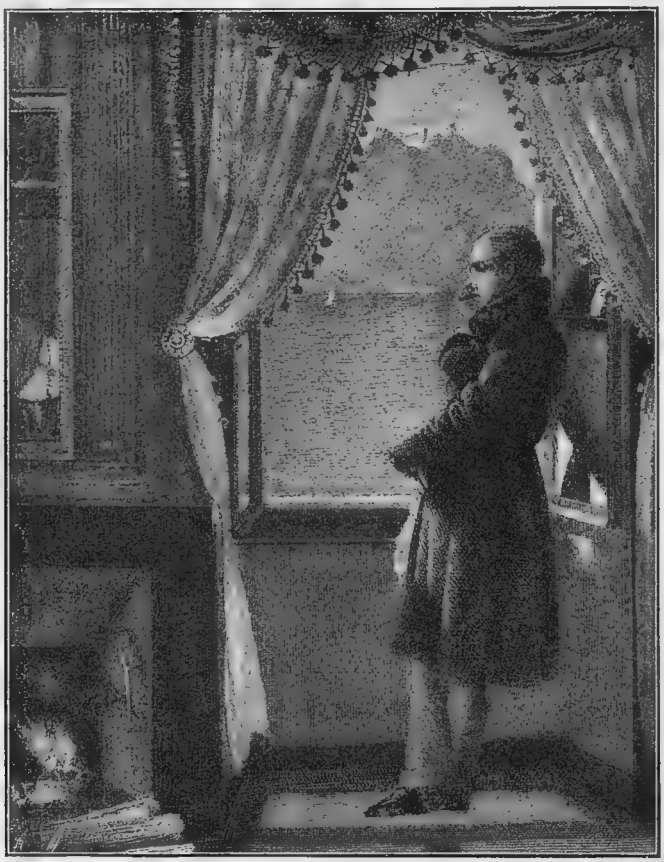
Духъ воспитанія, господствовавшій въ Императорской семьѣ, достаточно извѣстенъ; во главѣ воспитанія стоялъ В. А. Жуковскій, въ привѣтствіи къ которому князь П. А. Вяземскій сказалъ:

«Еще предъ нимъ раскрылся жребій славный:
Святой залогъ пріявъ изъ царскихъ рукъ,
Онъ пробудилъ въ младой семьѣ державной
Благой разсвѣтъ познаній и наукъ».

Насколько любилъ и былъ преданъ Жуковскій своей Царственной ученицѣ и послѣ оставленія Двора, могутъ служить заключительныя строки его письма отъ 7 го (19-го) августа 1841 г.: «Оканчиваю письмо мое повтореніемъ моей глубочайшей благодарности предъ Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, за всѣ благотворенія, коими такъ щедро

Вы осыпали меня въ прошедшемъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ изъ сихъ благотвореній почитаю *возможность*, которую Вы даровали мнѣ *знать близко Вашу высокую душу*. Это знаніе всегда было и навсегда останется моимъ любезнымъ сокровищемъ» (Пол. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX).

Другъ Жуковскаго П. А. Плетневъ, учившій русскому языку Великую Княжну Ольгу Николаевну, въ своихъ письмахъ къ Я. К. Гроту



В. А. Жуковскій.

разсказываетъ, какъ Императрица Александра Ѳеодоровна любила читать Квитку, и какъ ее смѣшилъ Плетневъ, разсказывая его біографію. Книга «Писемъ» Гоголя очень понравилась Императрицѣ, и она просила Плетнева доставить ей еще два экземпляра ея. Государыня Александра Ѳеодоровна интересовалась и всѣмъ тѣмъ, что появлялось въ свѣтъ за границей касательно Россіи. Такъ князь П. А. Вяземскій пишетъ, что «Государыня говорила о княгинѣ Дашковой и о запискахъ ея, пере-

веденныхъ недавно на нѣмецкій языкъ. Спрашивала, почему Иванъ Воронцовъ наслѣдовалъ имя Дашкова, но никто изъ насъ не умѣлъ отвѣчать» (Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, т. X, стр. 175). Точно также извѣстно, что баронъ Гакстгаузэнъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ 1843 г. съ письмомъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ отъ ея брата, короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, получилъ около 12.000 тысячъ руб. на изданіе и переводы своего труда: «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands», въ которомъ собранъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ наблюденій надъ различными явленіями внутренней жизни Россіи того времени. Императоръ Вильгельмъ I по кончинѣ своей сестры, Императрицы Александры Ѳеодоровны, поручилъ Гримму, бывшему воспитателю Великаго Князя Константина Николаевича, написать ея біографію, которая и вышла въ свѣтъ въ 1866 г.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Библіотека Императрицы Александры Ѳеодоровны вошла въ составъ Московскаго Музея и помѣщается какъ-разъ въ центрѣ зданія, подъ тѣмъ мѣстомъ, откуда отецъ составительницы этой библіотеки, Вильгельмъ-Фридрихъ III, со своими сыновьями привѣтствовалъ Москву, какъ спасительницу Германіи.

Тревоги 1848 г. въ Европѣ въ связи со смутами снова подорвали слабыя силы Государыни. Въ то время даже путешествіе на нѣмецкія воды, обыкновенно подкрѣплявшія Императрицу, было немыслимо.

Въ 1849 г. Венгерская кампанія отозвала отъ Государыни ея втораго сына, а неожиданная кончина Великаго Князя Михаила Павловича имѣла гибельное вліяніе на ея здоровье. Въ Бозѣ почившій Великій Князь Михаилъ Павловичъ еще при жизни своей указалъ себѣ преемникомъ по званію генералъ-фельцейхмейстера своего племянника и крестника Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича.

Грустно текла жизнь Императрицы Александры Ѳеодоровны до 1852 г., когда старшая ея дочь Марія Николаевна схоронила своего супруга герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго. Вскорѣ послѣ этого Государыня отправилась на шлангенбадскія воды, гдѣ она тихо провела нѣсколько недѣль въ особомъ выстроенномъ для нея chalet въ швейцарскомъ вкусѣ, изъ оконъ котораго любовалась прекрасными окрестностями. Какъ бы предчувствуя новое ожидавшее ее горе, грустно простилась она со своимъ chalet и возвратилась въ Россію. Тутъ ее ожидали вѣсти о бѣдствіяхъ крымской кампаніи, видъ постепенно угасающихъ силъ Императора Николая I и, наконецъ, его кончина, которая для всѣхъ была неожиданною. Имя «Незабвеннаго», данное покойному Родителю вступившимъ на престолъ его преемникомъ, пронеслось до самыхъ отдаленныхъ уголковъ обширнаго Русскаго Царства, могучимъ властелиномъ котораго былъ Императоръ Николай I.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Московскій митрополитъ Филаретъ въ письмѣ своемъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ говорилъ:

«По истинѣ, Матерь благословенно-воцарившагося Царя, Праматерь Наслѣдника Царева, въ сихъ наименованіяхъ не заключается-ли для Тебя утѣшеніе такъ же праведное и сильное, какъ Твоя печаль? Да утѣшитъ Тебя воспоминаніе, что Твой Державный Супругъ, во все продолженіе царствованія, среди неутомимыхъ трудовъ и въ часъ скорби или огорченій, всегда своимъ любящимъ сердцемъ находилъ успокоеніе близъ Твоего любящаго сердца. Храня Его спокойствіе, Ты хранила сокровище Россіи.

«Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, какъ значительно Господь благословилъ Его жизнь въ Его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ которыхъ свѣтлыя черты Царя и Отца семейства—христіанина, несмотря на изнеможеніе внѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно. Твоя молитва соединилась съ Его послѣднею молитвою. Надъ

симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть: онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу и близъ сего средоточія существъ и міровъ неразлученно то, что является разлученнымъ въ мірѣ перемѣнъ. *Молитвою вѣры и упованія возверзи на Господа печаль Твою.* Съ утѣшеніемъ помышляемъ, что и Твоя любовь къ Твоему Державному Сыну побуждаетъ Тебя умѣрить Твою печаль, чтобы ею не увеличивать тяготу души Его тогда, какъ онъ взялъ на свои рамена великое бремя—Россію» и т. д.

Въ отвѣтъ на это письмо Императрица писала митрополиту:

«Письмо вашего высокопреосвященства, отъ 25-го февраля, дошло до меня на сихъ дняхъ. Спѣшу благодарить Васъ отъ всего сердца, проникнутаго горестью невыразимою, но и глубоко тронутаго вашими словами утѣшенія. Такъ можетъ утѣшать, такъ можетъ говорить только религія чрезъ своихъ проповѣдниковъ. Она одна, показывая намъ свѣтъ во тмѣ бѣдствій, коихъ цѣль для насъ непостижима, увѣряя насъ въ необходимости и спасительности самыхъ болѣзненныхъ испытаній, — имѣетъ власть повелѣвать намъ и давать силу жить для исполненія долга. Но то же завѣщалъ Мнѣ и Супругъ, Мною оплакиваемый.

Великій Князь Николай Николаевичъ.

«На одрѣ смертномъ, почти въ часъ кончины, равно ознаменованной умилительными чувствами христіанина съ спокойною твердостью Царя, Онъ еще просилъ Меня беречь жизнь Мою для семейства, для тѣхъ, которыхъ Онъ, конечно, не перестаетъ любить и нынѣ. Семействомъ своимъ Онъ называлъ всю Россію; при послѣднемъ прощаніи съ Наслѣдникомъ своего Престола, сказалъ, что идетъ молиться за нее и за насъ. Смѣемъ думать, что сей обѣтъ Его уже совершается, что Богъ правды и милости принялъ въ свои отеческія объятія исполненную благихъ и чистыхъ намѣреній душу Его.

«Оканчиваю отвѣтъ мой вашему высокопреосвященству такъ же,

какъ Вы заключили письмо свое, изъявленіемъ сердечнаго желанія Васъ видѣть и испросить вашего архипастырскаго благословенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ и сожалѣнія, столь же искренняго, что сему препятствуютъ обстоятельства и состояніе вашего здоровья». («Рус. Стар.», т. 88, стр. 355—56).

Какъ любилъ свою супругу Императоръ Николай, это видно изъ его духовнаго завѣщанія, въ которомъ онъ писалъ: «Завѣщаю всѣмъ дѣтямъ и внучатамъ моимъ любить и чтить ихъ родительницу и пещись объ ея успокоеніи, предупреждать ея желанія и стараться утѣшать ея старость нѣжною ихъ попечительностію. Никогда и ничего важнаго во всю ихъ

Исакіевскій соборъ.

жизнь не предпринимать, не спрося предварительно ея совѣта и материнскаго благословенія».

По кончинѣ Императора наружность Государыни измѣнилась до неузнаваемости; Она сохранила лишь свою обычную доброту и величественную походку.

Первое, что хотя на время прервало тоску Императрицы, была свадьба младшаго ея сына Великаго Князя Николая Николаевича на дочери принца Ольденбургскаго.

Когда же политическій горизонтъ нѣсколько прояснился, Императрица Александра Ѳеодоровна, для возстановленія своего здоровья, снова отправилась за границу на вильдбаденскія воды близъ Штутгарта. Воды возстановили силы Императрицы и дали ей возможность вернуться къ концу лѣта въ Россію, чтобы принять участіе въ коронаціонныхъ торже-

ствахъ своего сына-первенца. Но зиму провести въ Петербургѣ доктора не позволили Государынѣ, и ей снова пришлось ѣхать въ Ниццу и осуществить свою давнюю мечту—побывать въ Римѣ, для осмотра музеевъ и достопримѣчательностей вѣчнаго города.

Императрица возвратилась въ Россію въ сравнительно очень хорошемъ состояніи здоровья и здѣсь провела слѣдующую зиму, мало видясь съ людьми, окруженная книгами. Но это кажущееся отчужденіе отъ свѣта не мѣшало ей принимать живѣйшее участіе въ общественныхъ событіяхъ того времени, готовившихъ освобожденіе крестьянъ. «Два брата, сказала она, Императоръ Александръ и Императоръ Николай, полстолѣтія подготовляли это дѣло: да поможетъ Богъ сыновьямъ моимъ осуществить его!»

Памятникъ Императору Николаю I.

Но Богъ не судилъ дожить Государынѣ до радостнаго дня 19-го февраля 1861 года, этого величайшаго дня въ исторіи Россіи. 30-го мая 1858 г. Императрица Александра Ѳеодоровна присутствовала на освященіи Исакіевскаго собора, начатаго своимъ сооруженіемъ въ 1818 г., т. е. въ годовщину рожденія Императора Александра II.

Точно также Императрица Александра Ѳеодоровна видѣла памятникъ, поставленный Императору Николаю I, на площади Маріинскаго дворца, нынѣ зданія Государственнаго Совѣта.

Между тѣмъ здоровье Государыни все замѣтнѣе стало ослабѣвать, и доктора опять потребовали ея отъѣзда на берега Средиземнаго моря. Это извѣстіе было встрѣчено больною почти съ испугомъ. «Неужели же, говорила она, я не могу провести послѣдніе мои дни моей жизни спокойно, въ кругу моихъ дѣтей? Устала я скитаться! Покойный Государь, умирая, завѣщалъ мнѣ жить для семьи, значитъ, въ ея средѣ, а не вдали отъ нея, на чужбинѣ». Однако, врачи настояли на отъѣздѣ въ Ниццу. Живя за границею, Императрица постоянно выражала сожалѣніе по поводу того,

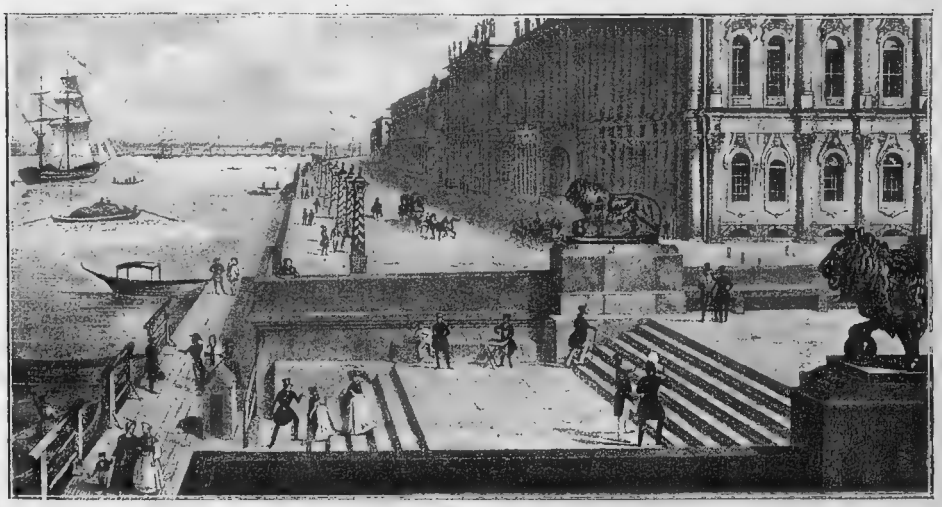
что многіе русскіе бываютъ вынуждены жить въ чужихъ краяхъ для своего здоровья, и находила, что жить вдали отъ родины - большая жертва, которая ложится тяжелымъ бременемъ на страну. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, она отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ на просьбу своего Августѣйшаго сына, который умолялъ ее подчиниться совѣтамъ врачей и вторично поѣхать за границу осенью въ 1860 году.

Въ концѣ лѣта Государыня изъ Петергофа переѣхала въ Царское Село, гдѣ 8-го сентября, испуганная паденіемъ съ лошади Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, не участвовала въ парадномъ обѣдѣ въ честь дня его рожденія и кушала отдѣльно съ нѣкоторыми приближенными лицами; за столомъ съ ней случился обморокъ.

Послѣ этого состояніе Государыни все ухудшалось, и, наконецъ, 19-го октября 1860 г., она тихо въ Бозѣ почила.

За нѣсколько дней до своей кончины Императрица Александра Ѳеодоровна писала:

«Я желаю, чтобы мои комнаты въ Зимнемъ дворцѣ не стояли долгое время пустыми и чтобы чрезъ годъ послѣ моей смерти онѣ были предназначены для кого-либо изъ новобрачныхъ въ Царской Фамиліи, которые, поселившись въ нихъ, будутъ пользоваться, надѣюсь, тѣмъ же семейнымъ счастьемъ, какимъ пользовалась въ нихъ я. Когда изъ окна моего кабинета будутъ смотрѣть на прекрасную Неву, на которой такъ часто отдыхалъ мой взоръ, пусть почтутъ воспоминаніемъ любви крестъ на куполѣ Петропавловскаго собора, гдѣ я буду покоиться».



Видъ Дворцовой набережной въ 1842 году.

Глава I.

ДО БРАКА.

ольшимъ и тяжкимъ испытаніямъ подверглась Пруссія, когда 16-го ноября 1797 г. принялъ прусскую корону Фридрихъ-Вильгельмъ III [1]).

Вѣнецъ побѣды, закрѣпившій за Фридрихомъ-Великимъ земли послѣ семилѣтней войны и 25-ти лѣтняго славнаго его царствованія, былъ присвоенъ въ полтора года въ Италіи генераломъ Бонапартомъ, которому шелъ всего 28-й годъ отъ роду.

Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1798 г. король Фридрихъ-Вильгельмъ поѣхалъ въ Кенигсбергъ для принятія присяги, въ то самое время Бонапартъ отплылъ въ Египетъ, и Александрія была во власти молодого завоевателя—прежде, чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ возвратился въ Берлинъ, чтобы и здѣсь принести присягу.

---

[1]) Старшій сынъ Фридриха-Вильгельма II, отъ Гессенъ-Дармштадтской принцессы Луизы, родившійся 3-го августа 1770 г.

Вскорѣ послѣ этого событія королева Луиза [1]) разрѣшилась отъ бремени, именно 1-го іюля 1798 года, первою дочерью, названною Шарлотою, будущею русскою императрицею. Королева Луиза, прославляемая всею артистическою и мыслящею Германіею того времени, спокойно занималась первоначальнымъ воспитаніемъ своей дочери до 8-го года, развивая въ ней преимущественно религіозныя чувства.

Императоръ Александръ I видѣлся въ первый разъ послѣ вступленія на престолъ съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ, въ 1802 г.; онъ тутъ же завязалъ съ нимъ узы искреннѣйшей дружбы, которыя имѣли огромнѣйшее вліяніе на послѣдующія взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи. Въ продолженіе всего своего царствованія Александръ I поддерживалъ постоянную собственноручную переписку съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, въ которой затрогивались самые важные текущіе политическіе вопросы. Поэтическая натура прусской королевы Луизы, обожаемой народомъ, произвела на Императора Александра сильнѣйшее чарующее впечатлѣніе, и къ ней онъ сохранялъ, до самой ея преждевременной кончины, чувства глубочайшаго почтенія и искреннѣйшей преданности.

Съ 1803 года русская политика выбивалась изъ силъ, чтобы заставить Пруссію препятствовать французскимъ завоевательнымъ планамъ, направленнымъ также противъ Германіи. Когда французскія войска, вопреки постановленіямъ базельскаго трактата, стали подвигаться все больше на сѣверъ Германіи и наконецъ угрожали занять Ганноверъ, прусское правительство сильно испугалось и стало опасаться за свою собственную судьбу. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Гаугвицъ, сталъ умолять русское правительство не допускать такого посягательства на самостоятельность всей сѣверной Германіи.

Александръ I согласился исполнить это желаніе и препроводилъ къ прусскому королю проектъ союзной конвенціи съ

---

[1]) Дочь герцога Карла Мекленбургъ-Стрелицкаго, родилась въ 1776 г.; вышла замужъ за кронпринца въ 1793 году. Лейбъ-акушеромъ у ней былъ Рибке, котораго королева, несмотря на свою беременность, предлагала отправить въ Петербургъ для Императрицы Маріи Ѳеодоровны на мѣсто умершаго Моренгейма. («Рус. Стар.» 1873 г., т. VIII, стр. 263).

Россіей, въ силу которой русскія войска должны были придти на помощь прусскимъ, если Наполеонъ приступитъ къ завладѣнію Ганноверскимъ курфиршествомъ.

Но король не рѣшился соединиться съ Россіей противъ Франціи. Наконецъ самъ Наполеонъ принудилъ Пруссію выйти изъ своего нейтральнаго положенія и искать союза съ Россіею. Убійство герцога Энгіенскаго, совершенное Наполеономъ, и постоянныя нарушенія его войсками неприкосновенности территоріи Германской Имперіи убѣдили короля въ необходимости соединиться съ Россіей.

Король
Фридрихъ-Вильгельмъ III.

Въ маѣ 1804 года былъ подписанъ секретнѣйшій союзный договоръ между Россіей и Пруссіей, получившій въ 1805 году болѣе торжественную форму въ видѣ конвенціи, подписанной въ Потсдамѣ, между Россіей, Пруссіей и Австріей. Однако, даже эти акты не могли заставить прусскаго короля открыто соединить свои войска съ русскими арміями, которыя должны были въ 1805 году вступить въ предѣлы Пруссіи для военныхъ дѣйствій противъ Наполеона, противъ котораго Россія и Австрія объявили войну. Король никакъ не желалъ понять, что подписанный имъ договоръ обязываетъ его идти противъ Франціи.

«Вступленіе вашихъ войскъ», писалъ онъ Императору Александру 21-го сентября 1805 года, «въ мои области невозможно при настоящихъ обстоятельствахъ. Оно предрѣшитъ всѣ вопросы, разрушитъ всѣ наши отношенія, оно приведетъ Европу къ неминуемой погибели» [1]).

---

[1]) См. статью профессора Мартенса: «Россія и Пруссія въ началѣ нынѣшняго столѣтія», «Новь», 1885 г., т. V.

*

Наконецъ, 11-го (23) октября, съ разрѣшенія короля прусскаго, русская армія, подъ начальствомъ Михаила Иларіоновича Кутузова, впослѣдствіи князя Смоленскаго, вступила въ прусскую Силезію и двинулась въ Баварію на соединеніе съ австрійцами.

Тогда же Императоръ Александръ отправился въ Берлинъ, куда и прибылъ 13 (25) октября. Населеніе приняло его съ неописаннымъ восторгомъ. За милю до Берлина Государя встрѣтили братья короля. Онъ сѣлъ въ коляску съ старшимъ принцемъ Генрихомъ и въѣхалъ въ Берлинъ при пушечной пальбѣ. Весь гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ. Молодой, статный и красивый, русскій Царь обворожилъ всѣхъ своимъ обращеніемъ. Видя въ немъ безкорыстнаго поборника справедливости, мужчины бѣгали за нимъ толпами, а дамы придумывали разныя средства, чтобы доказать ему свое расположеніе. Такъ, во время пребыванія Государя въ Берлинѣ среди дамъ явилась мода носить букеты подъ названіемъ *Александровскихъ*, которые составлялись изъ цвѣтовъ, названія которыхъ заключало имя *Alexander* [1]). Большіе букеты носились на груди, а маленькіе въ волосахъ, и ни одна женщина высшаго общества не являлась безъ букета ни въ общество, ни въ театръ, ни на гулянье. Это новое свиданіе Императора съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и еще болѣе близкое знакомство съ королевою Луизою упрочило ихъ дружбу и положило основаніе многолѣтнему союзу Россіи съ Пруссіею. Александръ I всегда сохранялъ сердечную симпатію къ королевѣ, «прекраснѣйшей женщинѣ съ еще болѣе прекраснѣйшею душою». Луиза обладала даромъ слова и страстью ко всему высокому и изящному. Ея большіе голубые глаза блистали свѣтомъ ума, силой мужества и добротою, въ высшей степени женственною. Все это подходило къ душевному настроенію и къ особенностямъ увлекающагося характера Александра. «Всѣ нѣмцы бредили молодою королевою, которая, какъ звѣзда, сіяла тогда на сѣверѣ Германіи». Примѣру истыхъ нѣмцевъ слѣдовали и русскіе

[1]) Anemon, Lilie, Eicheln, Xeranthemum, Accazie, Nelke, Dreifoltigkeitsblume, Ephen et Rosa.

нѣмцы, въ числѣ которыхъ были Вигель и Константинъ Бенкендорфъ, сочинившіе акростихъ на имя королевы Луизы.

Les grâces aujourd'hui favorisent nos armes,
O Reine, c'est vous dont les yeux, pleins de charmes
Usant du pouvoir qu'ils ont sur nos guerriers,
Inspirent le desir de cueillir les lauriers,
Soyez pour les Russes et pour leur Souverain,
Et nos drapeaux bientot flotteront sur le Rhin.

Она много содѣйствовала заключенію договора, подписаннаго въ Потсдамѣ 3-го ноября нов. стиля. По этому договору постановлено было требовать отъ Наполеона независимости Германіи, Голландіи, Швейцаріи и Неаполя, востановленія сардинской династіи и самостоятельности Итальянскаго королевства.

Къ сожалѣнію, политическія событія шли такъ быстро, что австрійская армія была уничтожена ранѣе, чѣмъ союзники успѣли придти къ ней на помощь. По Пресбургскому миру, подписанному 14-го (26) декабря 1805 г., Австрія принуждена была уступить Франціи Венецію съ Венеціанскою областью и признать Наполеона королемъ Италіи. Тироль съ Форарльбергомъ переданы Баваріи, нѣкоторыя владѣнія Австріи по верхнему Дунаю и Рейну перешли къ Виртембергу и Бадену, въ вознагражденіе за союзъ ихъ съ Наполеономъ Такимъ образомъ Австрія лишилась до 1.114½ квадр. миль съ населеніемъ въ 2.785.090 человѣкъ и осталась только тѣнью великой державы.

Такая хирургическая операція была необходима Наполеону для полнаго господства въ Германіи и удержанія въ повиновеніи Пруссіи, которая одинаково боялась войны, какъ въ случаѣ побѣды Наполеона, такъ и въ случаѣ успѣха союзниковъ; она опасалась, что и послѣдніе, при успѣхѣ, возьмутъ себѣ львиную долю и что легко можетъ послѣдовать усиленіе Австріи, столь нежелательное для Пруссіи. Эта зависть и всегдашнія стремленія къ преобладанію другъ надъ другомъ дали возможность Наполеону бить ихъ по частямъ, каждую отдѣльно, и заставили Фридриха-Вильгельма еще 3-го (15) декабря, ранѣе Прес-

[1]) Записки Вигеля, «Рус. Арх.», 1892 г. № 1, приложеніе, стр. 177.

бургскаго мира, заключить союзный договоръ съ Франціею. По этому договору Франція передала Пруссіи всѣ свои права на Ганноверъ, чтобы скорѣе поссорить ее съ Англіею, а въ замѣнъ того получила княжество Невшательское и заставила Пруссію уступить Аншпахъ въ пользу Баваріи. Такимъ образомъ во второй половинѣ декабря 1805 г. оба союзника отложились отъ Россіи, что́, вмѣстѣ съ неудачею нашею подъ Аустерлицемъ, сильно подѣйствовало на Императора Александра.

Зная нерѣшительный характеръ Фридриха, Наполеонъ относился къ нему съ презрѣніемъ, старался изолировать Пруссію, лишить ее посторонней помощи и унизить въ глазахъ бывшихъ ея союзниковъ. Фридрихъ-Вильгельмъ пытался, однако, выйти изъ такого подчиненнаго положенія, велъ тайные переговоры съ Россіею. Императоръ Александръ обнадежилъ его своею помощью и приводилъ свою армію на военное положеніе. Опираясь на поддержку Россіи, но не принявъ въ соображеніе, что русскія войска могутъ прибыть на помощь не ранѣе трехъ мѣсяцевъ, Фридрихъ-Вильгельмъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ послалъ Наполеону ультиматумъ, въ которомъ требовалъ, чтобы расположенныя въ Германіи французскія войска немедленно отошли за Рейнъ, чтобы со стороны Наполеона не было никакого препятствія къ образованію Сѣвернаго союза изъ государствъ, не вошедшихъ въ составъ Рейнскаго союза, и чтобы безотлагательно были открыты переговоры для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ.

Наполеонъ отвѣтилъ на ультиматумъ воззваніемъ къ своей арміи о началѣ войны и оскорбительною выходкою въ бюллетенѣ противъ короля и королевы Пруссіи [1]). Произошло то, что случилось съ Австріею въ 1805 г., когда она, не дождавшись прибытія союзныхъ войскъ, рѣшилась одна вступить въ борьбу съ сильнѣйшимъ противникомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1806 г. королева послѣдовала за королемъ, выступившимъ въ Тюрингію, на встрѣчу французскимъ войскамъ, но громъ Іенскихъ пушекъ заставилъ ее поспѣшить обратно въ Берлинъ, съ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи

---

[1]) «Рус. Вѣстн.» 1895 г. Апрѣльская книга, статья Н. Дубровина: «Наполеонъ I, въ современномъ ему русскомъ обществѣ».

прусской арміи, и здѣсь, на-скоро собравшись къ бѣгству, она уѣхала въ Кенигсбергъ, куда еще прежде отправила дѣтей.

Въ переполненномъ всякимъ сбродомъ городѣ явился тифъ. Маленькій сынъ короля, принцъ Карлъ занемогъ нервической горячкой такъ опасно, что вызвали съ курьеромъ доктора Гуфеланда. «Въ два часа ночи пріѣхалъ я, писалъ Гуфеландъ, и нашелъ ребенка больнымъ при смерти. Я рѣшился посадить его въ ароматическую ванну, хотя, при его ужасной слабости, онъ могъ и не вынести ея. Но Богъ благословилъ, и съ этой минуты началось выздоровленіе. Почти всѣ переселенцы подверглись заразительному тифу. Почти цѣлые дни и ночи просиживалъ я у больныхъ и только по какому-то чуду уцѣлѣлъ. Наконецъ наша безподобная королева заразилась злокачественнымъ тифомъ; она слегла опасно больная, и я не забуду никогда ночь на 22-е декабря 1806 г., когда жизнь ея висѣла на ниточкѣ; я сидѣлъ у изголовья, а на дворѣ ревѣла и рвалась страшная буря и снесла шпиль стараго замка, въ которомъ лежала королева; и корабль, нагруженный цѣнными вещами, послѣдними драгоцѣнностями, которыя спасли отъ непріятеля, находился въ морѣ. Однако и тутъ Господь благословилъ леченіе, и ей стало лучше. Въ самое это время пришло извѣстіе, что французы наступаютъ. Королева объявила рѣшительно: «Лучше отдамъ душу Богу, нежели отдамъ себя въ руки этихъ людей». И такъ пришлось снести королеву на рукахъ изъ ея комнаты и положить въ карету, укутанную одѣялами и подушками, 3-го января 1807 года, въ сильный морозъ, въ страшную бурю и снѣжную мятель, и везти ее по берегу Куришгафа, за 20 миль (140 верстъ) до Мемеля. Ѣхали мы три дня и три ночи, при самыхъ плохихъ ночлегахъ. Первую ночь королева провела въ комнатѣ, гдѣ стекла окошекъ были выбиты и заносило снѣгомъ кровать, на которой больная лежала, и лежала даже безъ подкрѣпляющей пищи. Я тутъ сидѣлъ около нея въ безпрестанномъ тревожномъ опасеніи, чтобы у нея не сдѣлалось паралича. Но и въ этомъ положеніи она сохраняла всю бодрость духа, всю *свою* свѣтлую вѣру въ милость Божію и упованіе на Него. Онъ насъ всѣхъ сохранилъ. Даже этотъ слишкомъ свѣжій воздухъ благодѣтельно подѣйствовалъ: вмѣсто того чтобы ухудшиться, здоровье стало

поправляться въ это бѣдственное путешествіе. Наконецъ увидѣли мы издали Мемель на другомъ берегу залива; въ первый разъ проглянуло солнце сквозь туманъ и тучи, освѣщая городъ, который долженъ былъ сдѣлаться нашимъ убѣжищемъ и главной квартирой. Съ какой радостію мы привѣтствовали этотъ добрый признакъ» [1]).

Въ теченіе весны королева оправилась, и дворъ воротился въ Кенигсбергъ, но не на долго: 2-го іюня пришлось ей опять уѣхать съ дѣтьми въ Мемель.

Въ Мемелѣ, какъ и въ мрачномъ Кенигсбергѣ, огорченная королева Луиза не переставала внушать своей дочери религіозныя правила, и впослѣдствіи Императрица Александра Ѳеодоровна вспоминала съ благодарностію, что религіозное чувство руководило ею во всѣхъ случаяхъ жизни и было лучшимъ наслѣдствомъ, завѣщаннымъ ей матерью [2]).

Въ это же время королева Луиза, не будучи сама въ состояніи заставить своего супруга уволить министра Гаугвица, обратилась секретнѣйшимъ образомъ къ Императору Александру и просила его написать королю энергичное письмо съ указаніемъ на весь вредъ, который приноситъ его министръ общему дѣлу союзниковъ. Александръ I исполнилъ эту просьбу, но только было уже поздно, чтобъ увольненіемъ графа Гаугвица поправить дѣла Пруссіи.

Побѣды Наполеона при Іенѣ и Ауэрштедтѣ рѣшили судьбу Пруссіи: Берлинъ былъ занятъ французами, и король просилъ мира. Наполеонъ потребовалъ, чтобы Фридрихъ не допускалъ въ свои владѣнія никакихъ чужеземныхъ войскъ, т. е. русскихъ. Такое требованіе было равносильно уничтоженію самобытности Пруссіи, и король, отказавшись подписать мирныя условія, поручилъ свою судьбу великодушію Императора Александра I. Послѣдній 22-го октября (9 ноября) писалъ ему:

«Соединимся тѣснѣе, нежели когда-либо; пребудемъ вѣрны чести и славѣ и предоставимъ прочее Промыслу, который, рано

[1]) «Рус. Арх.» 1873 г., стр. 2094.

[2]) П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту, отъ 21-го апрѣля 1843 года: «Государыня была удивительно сообщительна. Она такъ чувствуетъ для блага жизни цѣну нравственно-религіознаго преобладанія» (см. т. II ихъ переписки, стр. 61).

[3]) Біографія его написана Минуталли въ 1844 г. «Graf von Haugwitz».

Королева Луиза съ принцами Карломъ и Вильгельмомъ.
Съ портрета Стефека.

или поздно, положитъ конецъ успѣхамъ хищенія и тиранства, даруя торжество святому дѣлу».

Фридрихъ отвѣчалъ:

«Нѣтъ ничего столь неизмѣннаго, Государь, какъ мною принятое намѣреніе—слѣдовать вмѣстѣ съ Вами одной и той же политикѣ. Каждый день утверждаетъ меня въ этомъ намѣреніи, потому что въ каждый день болѣе и болѣе развиваются обширные планы необыкновеннаго властолюбія Наполеона, побуждая всѣ государства, сохранившія независимость, соединиться противъ отъявленнаго врага ихъ самостоятельности».

Отвѣтомъ на это письмо былъ манифестъ отъ 16-го ноября о войнѣ съ Франціею [1]).

Русскія войска перешли прусскую границу, и въ апрѣлѣ 1807 г., въ Бартенштейнѣ, былъ подписанъ новый союзный договоръ, который уже не остался мертвою буквою, но дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе. Русскія и прусскія арміи сражались съ рѣдкою храбростью при Эйлау и Фридландѣ, но, несмотря на побѣду, одержанную въ первомъ сраженіи, все-таки война противъ Наполеона была неудачна для обоихъ союзниковъ, къ которымъ не примкнули ни Англія, ни Австрія, ни Швеція. Вся Пруссія, вмѣстѣ съ столицею Берлиномъ, была во власти французовъ, и самъ король принужденъ былъ просить у Александра I убѣжища для себя и своей семьи на русской территоріи.

Но эта чаша минула короля и королевской четы. Императоръ Александръ, убѣдившись въ физической невозможности продолжать войну противъ Наполеона одними своими средствами, согласился принять предложенія Наполеона вступить въ переговоры о мирѣ. Въ Тильзитѣ имѣла мѣсто личная встрѣча двухъ Императоровъ и короля прусскаго, и здѣсь былъ подписанъ знаменитый мирный трактатъ, въ силу котораго Россія пріобрѣла Бѣлостокскую область, бывшую подъ прусскою властью. Пруссія была уменьшена на цѣлую треть своихъ владѣній и должна была принять на себя обязательства, исполненіемъ которыхъ Наполеонъ желалъ низвести ее на ступень незначительнаго государства.

---

[1]) Пол. Собр. Законовъ, т. XIX, № 22356.

Въ іюнѣ 1807 г. Жозефъ де-Местръ писалъ: «Между Наполеономъ и королемъ прусскимъ происходили сильныя, личныя сцены. Одинъ разъ, между прочимъ, они до того возвысили голосъ, что Императоръ Александръ I принужденъ былъ стать между ними, и это—буквально. Бонапартъ однажды внезапно спросилъ короля прусскаго:—Вы все еще занимаетесь тактикой? Король, приложивъ палецъ къ шляпѣ, какъ гренадеръ, отдающій честь, отвѣчалъ: точно такъ, Государь!»

Сокрушаясь о бѣдственной участи Пруссіи, въ Тильзитъ пріѣхала и королева Луиза, которая рѣшилась ходатайствовать предъ Наполеономъ и испросить у надменнаго завоевателя нѣкоторое снисхожденіе «ради ея прекрасныхъ глазъ». Она разсчитывала плѣнить Наполеона своимъ невиннымъ кокетствомъ, но попытка не удалась, и ей не суждено было стать Юдиѳью, а ему Олоферномъ, хотя дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы ему отрубить голову, а только вскружить ее. Какъ-бы въ вознагражденіе за грубую холодность Наполеона, Императоръ Александръ оказывалъ королевѣ Луизѣ въ Тильзитѣ истинно рыцарскую внимательность, и съ того времени ихъ связала взаимная сердечная пріязнь, идеальная симпатія, сродство душъ, нѣмецкое Wahlverwandschaft.

11-го іюля, послѣ Тильзитскаго свиданія, королева Луиза писала: «Чтобы смягчить участь Пруссіи, черезъ какую пытку я прошла, знаетъ цѣлый свѣтъ; и какъ мало пользы изъ всего этого! Я должна была исполнить мою обязанность, какъ вѣрная жена къ мужу, какъ любящая мать къ моимъ дѣтямъ, какъ королева къ моему народу. Но чувство исполненія долга одно служитъ мнѣ наградой».

Въ октябрѣ 1807 г. королева Луиза писала: «Послѣднія предложенія или лучше сказать, *приказанія*, которыя намъ присланы уже въ видѣ формальной конвенціи, такого свойства, что я въ первый разъ видѣла, какъ баронъ Штейнъ окаменѣлъ [1]).

— «Савари увѣряетъ, что посредничество Россіи не по-

[1]) Dass Stein zum ersten Mal wie zu Stein würde. По требованію Наполеона король долженъ былъ удалить отъ себя Штейна; за него королева Луиза просила Императора Александра, который принялъ его на русскую службу, но не ранѣе 1812 года.

можетъ, а совѣтуетъ намъ лучше свои драгоцѣнности и бриллианты вытащить изъ кладовыхъ и продать. Оскорбительная насмѣшка»!

Дѣйствительно очевидцы, послѣ посѣщенія короля и королевы въ Мемелѣ, разсказывали, что «обѣдъ у нихъ такой простой и несытный, что у любого мѣщанина тогда лучше ѣли». Золотой столовый сервизъ, родовое наслѣдство, былъ давно расплавленъ на монетномъ дворѣ не для собственныхъ нуждъ, но на расходы для подданныхъ, обремененныхъ тяжестью военныхъ издержекъ.

Въ 4-й статьѣ мира, заключеннаго 9-го іюня между Франціей и Пруссіей, было сказано: «Изъ уваженія къ Императору Всероссійскому императоръ Наполеонъ соглашается отдать королю прусскому нижепоименованныя покоренныя владѣнія»[1]). «Вашъ король», сказалъ Наполеонъ графу Гольцу, «всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему Императора Александра: безъ него династія короля лишилась бы престола, и я бы отдалъ Пруссію брату моему Іерониму».

Относительно Пруссіи, спасенной отъ окончательной гибели заступничествомъ Императора Александра, въ манифестѣ было сказано: «Союзнику нашему возвращены многія страны и области, жребіемъ войны отторгнутыя и оружіемъ покоренныя».—«Чувство скромности,—говоритъ Н. К. Шильдеръ [2]), свойственное Государю, не позволяло сказать болѣе».

Вообще, положеніе Пруссіи послѣ Тильзитскаго мира останется навсегда памятнымъ для прусскаго народа. Трудно себѣ представить, чтобъ въ самое короткое время могло обрушиться на одинъ народъ столько невзгодъ, несчастій и ударовъ, наносимыхъ систематически рукою неумолимаго врага, сколько Наполеонъ I нанесъ Пруссіи и ея королевскому дому съ 1807 г. по 1813 годъ. Несмотря на заключеніе мира съ Пруссіей, Наполеонъ все-таки оставилъ на содержаніе въ этой разоренной и опустошенной странѣ армію въ 160.000 чел. и занялъ ею главнѣйшія прусскія крѣпости, вопреки буквальному тексту Тиль-

---

[1]) «Всеобщая Исторія» Іегера, т. 4, стр. 185.

[2]) «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» Т. II. стр. 194 и 208.

зитскаго трактата. Въ продолженіе двухлѣтней оккупаціи французскими войсками прусскихъ провинцій, населеніе ихъ уплатило, въ видѣ денежныхъ контрибуцій, реквизицій и всевозможныхъ поставокъ, громаднѣйшую сумму въ одинъ милліардъ 129 милліоновъ франковъ. Одна провинція Прусская уплатила 119 милліоновъ [1]).

Послѣ Тильзитскаго мира Императоръ Александръ I вступилъ въ союзъ съ заклятымъ врагомъ своего сердечнаго друга и долженъ былъ удерживать Пруссію отъ такой политики, которая могла бы вызвать новую войну противъ нея со стороны Франціи и привести ее къ окончательной гибели. Этого мало: соглашенія, подписанныя въ Тильзитѣ, могли заставить Россію поднять оружіе на свою недавнюю союзницу, Пруссію. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Императоръ Александръ I повторялъ въ продолженіе трехъ лѣтъ своему вѣнценосному другу: «сохраните пока миръ, въ немъ одномъ ваше спасеніе». Во время заключенія Тильзитскаго мира, дочери королевы Луизы было девять лѣтъ; необходимо было приступить къ серьезнымъ занятіямъ, но кто бы повѣрилъ, что королевской семьѣ не доставало къ тому средствъ. Одинъ французскій эмигрантъ, молодой Шамбо, сопутствовалъ въ бѣгствѣ королевѣ Луизѣ и всѣмъ дѣтямъ ея давалъ уроки. Жизнь въ сыромъ, нездоровомъ климатѣ Мемеля была не только проста, но положительно бѣдна. Съ королевскаго стола исчезла всякая роскошь украшеній, потому что король все превратилъ въ деньги, чтобы хотя нѣсколько облегчить гнетъ своихъ подданныхъ отъ налоговъ, возложенныхъ на нихъ Наполеономъ. Самая маленькая сумма имѣла тогда во дворцѣ небывалую дотолѣ цѣну. Принцессѣ Шарлотѣ какъ-то разъ понадобилось сшить платье, и король на эту покупку могъ дать ей всего пять талеровъ. Такая нужда давала себя чувствовать и въ воспитаніи дѣтей. Трудно было рѣшиться взять чужого въ такую скудную домашнюю жизнь. И при всемъ томъ, пишетъ Гриммъ [2]),

---

[1]) Treitschke, «Deutsche geschichte» I, 276, 321 flg.

[2]) Авторъ сочиненія: «Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland». Leipzig 1866 г. Гриммъ былъ въ числѣ наставниковъ Великаго Князя Константина Николаевича, поэтому вторая часть труда его отличается бо́льшимъ

біографъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, одинъ старикъ проведшій цѣлый вечеръ въ Мемелѣ въ тѣсномъ кружкѣ королевской семьи, разсказывалъ о видѣнномъ тутъ, что́ онъ не промѣнялъ-бы на воспоминаніе о тысячѣ придворныхъ праздниковъ. «За бѣдно-убраннымъ столомъ, лишеннымъ, какъ и сама королева, всякаго внѣшняго украшенія, сидитъ Луиза и возлѣ нея, какъ нѣжный бутонъ близъ пышно-расцвѣтшей розы, старшая принцесса, и обѣ онѣ, раздѣляя маленькія хозяйственныя обязанности, восхищали своимъ вниманіемъ, и оставили въ душѣ моей живой образъ, котораго ни одно послѣдовавшее событіе не изгладило изъ памяти».

Около того же времени королева, описывая своему отцу характеры своихъ дѣтей, говорила: «Дѣти наши сокровище. Дочь моя Шарлота сосредоточена и замкнута сама въ себѣ, но, подобно отцу своему, скрываетъ за холодной повидимому оболочкой, теплое, полное участія сердце. Вслѣдствіе этого въ ея пріемахъ есть что-то величавое. Если Господь ее сохранитъ, предчувствую для нея блестящую будущность».

Въ 1808 году королевская семья вновь переѣхала въ Кенигсбергъ и зажила въ довольствѣ, но съ прежней простотой, устраняя стѣснительный этикетъ придворнаго церемоніала. Жизнь въ Кенигсбергѣ, чуждая суетнаго блеска, согрѣвала юныя сердца королевскихъ дѣтей несравненно болѣе, чѣмъ способна къ тому обыкновенная придворная жизнь. Принцы и принцессы наслаждались вполнѣ счастьемъ золотого дѣтства. Будучи уже Императрицею Всероссійскою, Александра Ѳеодоровна относила Кенигсбергъ къ лучшимъ воспоминаніямъ своей молодости.

интересомъ, чѣмъ первая, разработанная очень сжато. Въ 1856 г. Гриммъ вновь былъ вызванъ въ Петербургъ В. П. Титовымъ, завѣдывавшимъ ученіемъ дѣтей Императора Александра II; онъ вовсе не зналъ русскаго языка, но слылъ почему-то отличнымъ педагогомъ, говоритъ покойный Я. К. Гротъ (см. «Нѣсколько данныхъ къ его біографіи». Спб. 1895 г.). «Этотъ знатокъ древнихъ языковъ, пишетъ Н. И. Пироговъ, глухой на одно ухо отъ роду, какъ онъ самъ полагалъ, пріѣхавъ съ Государынею въ Ревель, обратился къ доктору Эренбушу, боясь, чтобъ не оглохнуть на другое ухо, но какъ же Гриммъ и всѣ мы были удивлены, когда, послѣ нѣсколькихъ спринцовокъ водой, изъ глухого отъ роду уха выскочила горошина» («Рус. Стар.», т. 46, стр. 261).

Любимою прогулкою ея съ братьями бывала ходьба на дачу Бузольта, гдѣ небольшой садъ доставлялъ имъ такъ много радостей: они играли здѣсь въ мячикъ, рвали цвѣты, ловили бабочекъ, и принцесса Шарлота несказанно бывала рада и счастлива, когда могла принести своей матери вѣнокъ, собственноручно сплетенный ею изъ васильковъ. Уѣзжая въ Россію, принцесса Шарлота подарила своимъ сестрамъ по простому полевому цвѣтку, какъ залогъ ихъ взаимнаго воспоминанія. Это обстоятельство дало поводъ написать В. А. Жуковскому стихотвореніе «Цвѣтокъ завѣта», помѣченное имъ 1-го іюля 1819 года, которое мы и приведемъ подъ этою датою.

Вотъ его начало:

«Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя нашла рука родная;
До нынѣ ты, съ непышной красотой,
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью не примѣтна,
Чужда любви, и сердцу безотвѣтна.

* * *

Но для меня твой видъ очарованье!
Въ твоихъ листкахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ тайное цвѣтетъ воспоминанье,
И вѣетъ съ нихъ бывалаго привѣтъ.
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
Съ моей душой, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною примчалося толпою,
И прошлое воскресло предо мною, и т. д.

Жизнь въ Кенигсбергѣ сблизила королевскихъ дѣтей со многими ихъ сверстниками изъ другихъ сословій и тѣмъ рано пріучила ихъ различать разнообразіе, представляемое человѣческими характерами. Все это сильно дѣйствовало на принцессу Шарлоту, нѣжная и стройная фигура которой тогда уже очаровывала всѣхъ встрѣчавшихся съ нею. Нѣмецкіе офицеры, присутствовавшіе при играхъ королевскихъ дѣтей во время своихъ дежурствъ, уже стариками съ одушевленіемъ разсказывали о легкости движеній и милой улыбкѣ принцессы Шарлоты, съ

которою она кланялась, хотя улыбку эту всегда какъ-бы сдерживала какая-то серьезность. Подъ материнскимъ надзоромъ, принцесса Шарлота ознакомилась въ это время съ произведеніями нѣмецкой литературы. Она внимательно прислушивалась къ бесѣдамъ королевы съ серьезными людьми, и если не всегда понимала о чемъ шла рѣчь, за то многоиспытавшая горя мать внушала дочери ту глубокую вѣру въ Бога и дѣтски-покорный взглядъ на ходъ міровыхъ событій, съ которыми легче вѣрится въ способность человѣчества къ развитію и въ непреложность побѣды истины и добра, олицетвореніемъ которыхъ являлся Императоръ Александръ I.

Насколько были искренни дружескія чувства Императора Александра I къ королю прусскому и ко всему его семейству, наглядно обнаружилось это во время пребыванія королевской четы въ С.-Петербургѣ.

Въ концѣ 1808 г. королева Луиза съ своимъ супругомъ пріѣзжала въ Петербургъ. Въ день Рождества Христова, 25-го декабря 1808 г., прибыли въ Стрѣльну король и королева прусскіе, сопровождаемые братомъ короля, принцемъ Вильгельмомъ, и дядею, принцемъ Августомъ; здѣсь они были встрѣчены Императоромъ Александромъ. На слѣдующій день царственные гости въ сильнѣйшій морозъ имѣли «церемоніальный въѣздъ» въ Петербургъ при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Гвардія была размѣщена въ городѣ по пути слѣдованія Высочайшихъ особъ до Зимняго дворца, Государь и король ѣхали верхомъ [1]). По этому поводу сардинскій посланникъ графъ де-Местръ [2]), въ своемъ письмѣ отъ 5-го января 1809 г., разсказываетъ слѣдующее:

«Имъ былъ сдѣланъ пріемъ великолѣпный и исполненный самой дружеской внимательности. Кавалергарды раздѣлились на два отряда: одинъ дожидался Августѣйшихъ путешественниковъ у Петергофской заставы, другой у подъѣзда дворца.

[1]) «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», Н. К. Шильдера, т. II, стр. 237; въ книгѣ, указанной нами на стр. 225, помѣщена гравюра Лемана: «Въѣздъ въ Петербургъ короля прусскаго Вильгельма въ 1808 г.».

[2]) Письма графа Жозефа де-Местра, «Рус. Арх.» 1871 г. № 6, стр. 54—192.

Императоръ и Великій Князь (Константинъ Павловичъ) были также верхомъ».

«Послѣдній, принявшій тогда команду надъ войсками, на этотъ разъ былъ очень любезенъ. Онъ позволилъ кавалеріи ѣхать рысью, что̀ въ сильные холода большое облегченіе; далѣе, онъ позволилъ пѣхотѣ быть въ шинеляхъ и велѣлъ зажечь на Дворцовой площади большіе костры, около которыхъ всѣ могли грѣться поочередно. Было всего 10 градусовъ мороза, что̀ здѣсь бездѣлица».

Любопытенъ также разсказъ о пріѣздѣ королевы Луизы въ воспоминаніяхъ А. Д. Блудовой [1]), записанный со *словъ* ея тетки Маріи Андреевны Поликарповой, находившейся въ свитѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

«Весь дворъ собрался въ сѣняхъ посольскаго подъѣзда. Государь выѣхалъ на встрѣчу; Императрицы Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна ожидали на верху великолѣпной лѣстницы. Тетушка была тутъ и разсказывала весь этотъ пріемъ. Изъ кареты вышла королева Луиза. Государь подалъ ей руку, и они съ королемъ вошли на лѣстницу. Королева была во всемъ блескѣ своей молодой, необыкновенной красоты; ослѣпительная бѣлизна и свѣжесть ея лица выступали еще ярче на темномъ фонѣ синей бархатной шубы на собольемъ мѣху (подарокъ Императора Александра). Ласковымъ взглядомъ и привѣтливымъ склоненіемъ головы отвѣчала она на поклоны ожидавшихъ ее придворныхъ, на которыхъ оставила впечатлѣніе самое симпатичное. Для королевской четы были приготовлены комнаты, носившія названіе «короля прусскаго» [2]). Нечего говорить о роскоши, съ которою онѣ были отдѣланы; я еще хо-

---

[1]) «Руск. Арх.» 1873 г., стр. 2090—92.

[2]) Однако не тутъ останавливалась королева: тетушка сказала мнѣ, что кто-то изъ приближенныхъ императрицы, осматривая комнаты, замѣтилъ, что эти бѣлыя каріатиды у постели королевы могли бы ей напомнить *Бѣлую Даму* и сдѣлать непріятное впечатлѣніе. Тогда приготовили комнаты для нея и короля въ Эрмитажѣ. *Примѣчаніе А. Д. Блудовой. Бѣлая Дама*—призракъ графини Орламюнде, являвшійся членамъ Гогенцоллернскаго дома предъ ихъ смертью. Королева Луиза вѣрила въ него и даже сама видѣла его. Литографированный посмертный портретъ ея продавался въ лавкахъ съ описаніемъ явленій ей Бѣлой Дамы.

рошо помню ихъ: особенно каріатиды въ спальнѣ, отдѣланной атласными шпалерами въ позолоченныхъ рамахъ, съ тяжелыми атласными занавѣсками. Шкапы и комоды были наполнены дорогими подарками; въ однихъ висѣли разныя бархатныя и шелковыя одежды, подбитыя мѣхомъ; въ другихъ лежали турецкія шали, сибирскіе камни въ брилліантовой отдѣлкѣ, которою такъ славились петербургскіе брилліантщики. Гостепріимство истинно царское, со всею утонченностію пріемовъ европейскихъ и почти сказочною роскошью азіатскою. На другой или на третій день, было большое представленіе королевѣ всѣхъ «ко двору имѣющихъ пріѣздъ». Королева Луиза, съ ногъ до головы залитая золотомъ и брилліантами, была еще болѣе ослѣпительна своею юною царственною красотой, чѣмъ нарядомъ; прекрасный станъ, нѣжный оттѣнокъ бѣлокурыхъ волосъ, свѣтлый взглядъ голубыхъ глазъ и особенная грація и достоинства, ей свойственныя, обращали на нее всѣ глаза; не могли на нее налюбоваться. Красавица изъ красавицъ! Ей нѣтъ соперницы, кажется, во всемъ мірѣ, поговаривали въ нарядной, раззолоченной толпѣ. Всѣ дамы постарались въ этотъ день быть особенно богато одѣтыми; бархатъ, парчи, золотое шитье, жемчуги, брилліанты, драгоцѣнные каменья, пестрѣя, сверкали всюду кругомъ. Вдругъ подошла поклониться королевѣ другая знаменитая красавица того времени Марья Антоновна Нарышкина (урожденная княжна Четвертинская). Такая же ослѣпительная свѣжесть, такая же безукоризненность формъ, такія же тонкія черты; только темные волосы и совершенная простота наряда: вся въ бѣломъ; ни золота, ни брилліантовъ; никакихъ дорогихъ украшеній; на

Королева Луиза
съ портрета Каннегисера.

*

головѣ простой вѣнокъ изъ васильковъ. Королева невольно выпрямилась, и одну секунду онѣ молча поглядѣли другъ на друга. Рѣшительно нельзя было сказать кто лучше. Умная уловка Нарышкиной была верхъ искусства кокетки. Это презрѣніе всякаго украшенія было высшее торжество красоты».

Радушный и почетный пріемъ, оказанный прусской королевской четѣ, былъ своего рода демонстраціей нашего двора Наполеону. Понятно, что его посланникъ, Коленкуръ, былъ этимъ возмущенъ и, не обладая способностями истиннаго дипломата, позволялъ себѣ казарменныя выходки.

1-го января 1809 г. въ Большой церкви Зимняго Дворца происходило обрученіе Великой княжны Екатерины Павловны [1]) съ принцемъ Петромъ-Фридрихомъ-Георгомъ Ольденбургскимъ. «На парадномъ балѣ, который происходилъ во дворцѣ, пишетъ де-Местръ, въ день сговора (обрученія), Коленкуръ въ качествѣ французскаго герцога, заявилъ притязаніе танцовать съ принцами Вильгельмомъ и Августомъ прусскими, которые находились возлѣ Государей. Таково было постоянное притязаніе Наполеона, и его уважили въ Эрфуртѣ, гдѣ герцогамъ, которыхъ онъ создалъ, былъ данъ шагъ впереди находившихся тамъ нѣмецкихъ принцевъ. Тутъ однакоже Императоръ не уступилъ, и Коленкуръ отказался отъ танцевъ. Онъ небрежно сѣлъ играть въ карты со вдовствующею Императрицей (Маріею Ѳеодоровною), говоря, что у него болитъ нога».

Не менѣе интересенъ и другой разсказъ, слышанный отъ очевидца, который Н. И. Гречъ приводитъ въ своихъ *Запискахъ* [2]).

«Въ началѣ 1809 г., въ пребываніе здѣсь Прусскаго короля и королевы, всѣ знатнѣйшія государственныя и придворныя особы давали великолѣпные балы въ честь знаменитыхъ гостей. А. Л. Нарышкинъ сказалъ при этомъ о своемъ балѣ: «J'ai fait ce que je dois, mais je dois aussi tout ce que j'ai fait» [3]). Въ

[1]) Очеркъ ея жизни изданъ нами въ 1888 г., подъ заглавіемъ: «Великая Княгиня Екатерина Павловна, Герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская».

[2]) «Рус. Арх.», 1871 г., стр. 264—56.

[3]) «Я сдѣлалъ все то, что было моимъ долгомъ, но я дѣлалъ все это въ долгъ».

числѣ первыхъ лицъ Двора былъ графъ А. С. Строгановъ, врагъ Наполеона, тогдашняго нашего союзника, удалявшійся отъ всякаго соприкосновенія съ Коленкуромъ. На балѣ у Нарышкина Александръ сказалъ старику Строганову: «Ты дашь балъ и не будешь дурачиться. Понимаешь?» Графъ безмолвно поклонился. Это значило пригласить и Коленкура. Графъ исполнилъ приказаніе. Но вотъ что случилось. Наканунѣ бала пріѣзжаетъ къ нему чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ и привозитъ записку Коленкура, къ графу Румянцеву, съ жалобой, что онъ не приглашенъ на завтрашній вечеръ къ графу Строганову. Посылаютъ за секретаремъ графскимъ, Ласковскимъ. «Какъ не приглашенъ!» сказалъ Ласковскій чиновнику: «Его имя стоитъ первымъ въ спискѣ. Ваши же курьеры развозили билеты». «Призвать курьеровъ». Явились. «Развезли-ли билеты по адресамъ?»—Развезли, только одного не нашли. «А кого?»—«Дюка де Висанса». Тутъ недоразумѣніе объяснилось. Новый титулъ посла не дошелъ еще до свѣдѣнія экзекутора въ министерствѣ. Ласковскій отправился съ чиновникомъ къ Коленкуру и объяснилъ причину ошибки. Великолѣпный балъ кончился ужиномъ. Въ одномъ концѣ залы [1]) накрытъ былъ круглый столъ на девять кувертовъ, по числу царственныхъ особъ, удостоившихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ этого круглаго стола тянулись два длинные стола для прочихъ гостей. Предъ самымъ окончаніемъ танцевъ, Коленкуръ вошелъ въ столовую, увидѣлъ распоряженіе, по которому онъ исключался изъ общества царскихъ особъ, и рѣшился захватить свое мѣсто наглостью: сталъ у круглаго стола и взялся за стулъ. Входятъ гости. Императоръ Александръ, въ первой парѣ, велъ королеву; взглянулъ на Коленкура, догадался и сказалъ королевѣ:—«сегодня позвольте мнѣ не садиться подлѣ васъ. Ужъ и такъ мнѣ нѣтъ покоя отъ моей жены. Буду ходить вокругъ стола и ухаживать за всѣми». Королева стала смѣясь возражать. Императрица Елисавета Алексѣевна, понявъ мысль Государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и былъ до крайности любезенъ со всѣми и особенно

[1]) Домъ графа А. С. Строганова, построенный знаменитымъ Растрелли, сохранился до сихъ поръ, онъ находится у Полицейскаго моста на Невскомъ.

съ Коленкуромъ, который жестоко поплатился за свою наглость.

Княгиня З. А. Волконская [1]), въ неизданномъ стихотвореніи «Пѣснь Невская», которое начинается словами:

Стоитъ царскій дворецъ на Невѣ рѣкѣ,
Передъ нимъ лежитъ площадь бѣлая.

и далѣе вспоминаетъ пребываніе королевы Луизы въ Зимнемъ дворцѣ такъ:

Изъ Порусьи давно тамъ являлася
Королева—краса чужеземная,
Словно лунный свѣтъ въ окна царскія.
Она много терпѣла за свой край родной,
И въ день черный ему всѣмъ пожертвовала,
Ему все отдала, камни, золото—
И одни жемчуга сохранила себѣ
Въ жемчугахъ и въ слезахъ она помнится мнѣ» [2]).

Отъѣздъ прусскихъ гостей состоялся 19-го (31) января 1809 г. Пребываніе въ столицѣ Сѣвера не оставило въ сердцѣ Луизы *особенно пріятныхъ впечатлѣній*; вѣрнѣе наоборотъ, такъ какъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ, она писала: «Я воротилась съ тѣмъ же предчувствіемъ бѣды. Ничто теперь не можетъ ослѣпить меня и еще разъ скажу: мое царство уже не отъ міра сего».

Спустя ровно годъ, послѣ въѣзда въ Петербургъ, 23-го декабря 1809 г., королева Луиза съ принцессою Шарлотою и съ семействомъ возвратилась, послѣ трехлѣтняго изгнанія, въ Берлинъ, куда въѣхала, сидя въ богатой каретѣ, присланной ей въ подарокъ отъ города.

Услыша радостные клики народа, привѣтствовавшаго Фридриха-Вильгельма III, королева была ими потрясена до глубины души.

«Боже мой, какая божественная музыка!» воскликнула

[1]) Письма Императора Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской, см. въ III томѣ «Сбор. Рус. Импер. Истор. Общ.», стр. 910—14. Писательница и музыкантша, Зинаида Алекс., урожденная Бѣлосельская-Бѣлозерская, жена кн. Никиты Гр. Волконскаго, которую воспѣвали и Пушкинъ, и Баратынскій, и Козловъ, и Веневитиновъ. Она скончалась въ Римѣ, въ 1862 г.

[2]) «Рус. Арх.», 1872 г., стр. 1980.

она, обращаясь къ дочери;—для меня она также полна гармоніи, какъ священные звуки органа: весь городъ кажется мнѣ сегодня обширнымъ храмомъ. Дорогая Шарлота, слушай эти радостные крики и звонъ колоколовъ съ благоговѣніемъ; нѣтъ ничего священнѣе, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и пріятнѣе для Монарха, какъ радостные возгласы его народа, спѣшащаго ему навстрѣчу. Тотъ, кто хочетъ заслужить это, долженъ отвѣчать любовью на любовь своего народа, долженъ имѣть сердце, способное раздѣлять его страданія и радости, главное—онъ долженъ быть съ людьми человѣкомъ; запомни это, дочь моя, и если тебѣ когда-нибудь суждено носить корону, вспомни этотъ торжественный часъ» [1]).

Несомнѣнно, событія этой памятной для Пруссіи эпохи оставили глубокій слѣдъ въ душѣ молодой принцессы Шарлоты, которая, вступивъ на русскій престолъ, исполнила завѣтъ матери и относилась къ Россіи и ея народу съ той же любовью, какую доблестная ея мать питала къ своей странѣ и къ своему народу.

Однако долголѣтній рядъ невзгодъ и тревогъ гибельно отозвался на черезчуръ нѣжномъ организмѣ королевы Луизы, и ей недолго суждено было наслаждаться порою спокойствія, наступившей для нея съ возвращеніемъ въ Берлинъ. Она сознавала сама быстрый упадокъ своихъ надломленныхъ силъ и съ особеннымъ чувствомъ тихой грусти встрѣтила день своего рожденія (10-го марта 1810 г.), сказавъ при этомъ пророчески: «Я въ послѣдній разъ праздную этотъ день». Дѣйствительно, 19-го іюля того же года ея не стало. На горе короля и семьи его болѣзненно откликнулась вся Германія, считавшая почившую королеву Луизу своей поэтической звѣздою, путеводнымъ лучомъ, свѣтившимъ лучшимъ геніямъ страны [2]).

При дворѣ королевы Луизы находились: профессоръ Сю-

[1]) Mühlbach, «Napoleon und Königin Luise», т. IX, стр. 215.

[2]) Послѣ кончины королевы Луизы Фридрихъ-Вильгельмъ собралъ всѣ ея портреты и, руководствуясь ими, поручилъ молодому художнику Терните написать ея изображеніе. Мало этого, желая видѣть словно живою покойную супругу, онъ предложилъ тому же живописцу даже раскрасить ея бюстъ (см. романъ Грегора Самарова «Безъ вѣсти пропавшій», гл. V, переводъ Назарьевой. Спб. 1879 г.).

вернъ, принцъ Гогенцоллернскій, аббатъ Оливскій, епископъ Эрмеландскій. Знаменитый Жанъ-Поль-Рихтеръ былъ другомъ королевской семьи и лучшее свое произведеніе «Титанъ» написалъ для принцессы Шарлоты и ея сестры.

Жанъ-Поль-Рихтеръ

Вспоминая короля Фридриха-Вильгельма въ своихъ «Запискахъ» [1]), графиня Антонина Дм. Блудова заключаетъ: «Героическая фигура его жены, блескъ ея красоты, восторженность ея характера, энергія, иниціатива, съ которыми она подняла духъ Германіи и, какъ древняя Валькирія, повела ее на подвигъ, весь этотъ лучезарный образъ Луизы слишкомъ затмевалъ короля. Но въ сущности онъ положилъ основаніе новой жизни Пруссіи».

Кончина королевы Луизы произвела въ семейномъ кругу ничѣмъ ненаполнимую пустоту, но для воспитанія принцессы Шарлоты это печальное событіе не имѣло тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыхъ можно было бы ожидать отъ внезапнаго прекращенія надзора такой умной матери. Швейцарка Маргарита Вильдерметъ [2]), состоявшая при принцессѣ Шарлотѣ въ

[1]) «Рус. Арх.» 1872 г., стр. 1283.

[2]) Сестры этой Вильдерметъ—Цецилія и Викторія были гувернантками въ Петербургѣ: первая у княженъ Волконскихъ, а вторая у княженъ Репниныхъ; послѣдняя потомъ вышла замужъ за профессора Раупаха. (См. «Рус. Арх.» 1897 г., т. II, стр. 483).

качествѣ наставницы съ 1805 года, успѣла усвоить воззрѣнія на дѣло воспитанія королевы Луизы, особенно чтившей ученіе Песталоцци и примѣнявшей его къ образованію всѣхъ своихъ дѣтей, при чемъ еще она руководствовалась самобытно выра-

Барельефъ королевы Луизы.

ботаннымъ убѣжденіемъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія для дѣтей царскихъ должна быть исторія, которая не только научаетъ познавать пути, которыми народы дошли до настоящаго, но развиваетъ и возвышаетъ душу такъ, какъ ни одна наука послѣ религіи. Недаромъ говорилъ Диз-

раэли, что «лучшая біографія—представляетъ единеніе съ человѣческой жизнью въ ея лучшей формѣ».

Такимъ образомъ г-жа Вильдермутъ добросовѣстно продолжала исполнять задачу, возложенную на нее, а графиня Фоссъ [1]), имѣвшая большое значеніе въ королевской семьѣ, являлась также воспитательницею будущей русской Императрицы, для образованія которой было приглашено нѣсколько ученыхъ лицъ; среди нихъ особенно выдавался молодой богословъ Гарнишъ, а также Вольтманъ и Гиртъ, ознакомившіе принцессу Шарлоту съ исторіею и искусствами.

Возвращаясь изъ Ниццы въ Россію, въ іюлѣ 1856 г., Императрица Александра Ѳеодоровна освѣдомилась въ Берлинѣ о своихъ бывшихъ учителяхъ и профессорахъ. Всѣ они уже умерли, кромѣ одного, именно Гарниша, который былъ въ то время ректоромъ въ одномъ маленькомъ прусскомъ городкѣ. Ему было въ то время уже 80 лѣтъ; Императрица пригласила его къ себѣ и долго бесѣдовала съ нимъ. Часъ спустя она говорила одной изъ своихъ фрейлинъ:

— «Я до сихъ поръ глубоко растрогана; я только-что видѣлась съ однимъ изъ моихъ бывшихъ наставниковъ. Онъ былъ тронутъ не менѣе меня. Мы вспоминали то время, когда были оба молоды, и когда оба мечтали о свободѣ Германіи. Поручаю вамъ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, напомнить мнѣ о моемъ старикѣ Гарнишѣ».

Императрица послала ему изъ Петербурга въ подарокъ прекрасный вызолоченный кубокъ, работы Сазикова (извѣстнаго въ то время фабриканта серебряныхъ издѣлій), на которомъ было изображено два вида Кремля, при рескриптѣ, въ коемъ говорилось, что въ память радости, испытанной ею при свиданіи съ нимъ, она посылаетъ ему вещь, на которой изображены «два вида зданій той страны, которая сдѣлалась моимъ вторымъ отечествомъ». Отпуская чиновника, которому было поручено передать этотъ подарокъ по назначенію, Го-

[1]) Эта придворная особа записала въ дневникѣ своемъ (69 Jahre am preussischen Hofe) подъ 24 февраля 1813 г. слѣдующія строки: «Ich höre das man mit den Stafetten vorsichtig sein muss. General Benckendorff soll in Müncheberg, wo er sich befindet, alle Brief öffnen die er auffangen kann» (см. «Арх. князя Воронцова», т. 35, стр. 125).

сударыня сказала ему: «Поспѣшите отправить его, ибо Гарнишъ такъ старъ, что можетъ умереть до его полученія» [1]). Однако старый богословъ пережилъ бывшую свою ученицу.

Возвращаемся къ годамъ воспитанія принцессы Шарлоты, которые проходили въ безмятежномъ спокойствіи, такъ какъ прерывались только на часы, посвящаемые ею отцу, который всецѣло привязался къ своей старшей дочери и съ нею одною отчасти дѣлилъ заботы и грусть, прежде раздѣляемые съ нимъ его любимою женою. Но жизнь не дремлетъ, изрѣдка лишь притихая, словно для того, чтобы дать отдыхъ, и снова влечетъ въ невѣдомую даль. Настала новая пора. Европа ополчилась.

Прусскій король писалъ Императору Александру:

«Если война начнется, мы сдѣлаемъ другъ другу вреда настолько, насколько требуется крайнею необходимостью, и мы всегда вспомнимъ, что мы друзья и что мы должны когда-нибудь опять сдѣлаться союзниками, и уступая непреодолимой силѣ, мы сохранимъ свободу и искренность нашихъ чувствъ.

Добрый братъ, другъ и союзникъ сердцемъ и душою».

И дѣйствительно, поведеніе Пруссіи во время нашествія великой французской арміи было настолько же двусмысленно, насколько и участіе Австріи въ этой войнѣ. Обѣ державы вынуждены были обстоятельствами и въ особенности страхомъ соединиться съ Наполеономъ, но обѣ имѣли намѣреніе ограничить свое участіе самыми тѣсными рамками.

Пруссія принуждена была выставить 20.000 войскъ; но когда Наполеонъ нашелъ неожиданную для себя гибель въ Россіи, то генералъ Іоркъ заключилъ съ нами перемиріе: русскія войска явились на границахъ Пруссіи и вездѣ были приняты съ восторгомъ, какъ друзья. Россія и Пруссія заключили, 15-го февраля 1813 г., въ Калишѣ договоръ, въ которомъ было опредѣлено возстановленіе прусской монархіи въ прежнемъ ея объемѣ.

23-го марта 1813 г. Императоръ Александръ I подарилъ прусскому королю хоръ русскихъ пѣсельниковъ, въ числѣ:

---

[1]) Изъ брюшюры, изданной въ 1860 г.: «A la mémoire de l'impératrice Alexandra Féodorovna».

4 фельдфебелей, 3 унтеръ-офицеровъ и 13 рядовыхъ, къ которымъ 15-го ноября 1815 г., при возвращеніи изъ Парижа черезъ Берлинъ русской гвардіи, для пополненія хора, прикомандировано было еще 7 человѣкъ изъ С.-Петербургскаго гренадерскаго имени короля прусскаго полка. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III на собственныя средства построилъ для этихъ пѣсельниковъ русскую колонію «Александровку», изъ 12 бревенчатыхъ домиковъ близъ Потсдама, существующихъ до сихъ поръ, въ которыхъ живутъ онѣмечившіеся внуки русскихъ пѣсельни-

Одинъ изъ домиковъ русской архитектуры въ колоніи «Александровкѣ» близъ Потсдама.

ковъ, носящіе фамиліи Яблоковыхъ и др., сохранившихъ впрочемъ православную вѣру. Хоръ этотъ часто пѣвалъ у Фридриха-Вильгельма, и юная принцесса Шарлота слушала русскія пѣсни.

Позже Пруссія заняла видное мѣсто между державами, свергнувшими грозный колоссъ гигантскимъ напоромъ своихъ совокупныхъ силъ, во главѣ которыхъ стоялъ Александръ Благословенный. Оба Монарха видѣлись въ Бреславлѣ, и свидѣтельницей ихъ союза была юная принцесса Шарлота. Ея воспріимчивую душу охватилъ могучею волною всеобщій энтузіазмъ. Она была свидѣтельницею, какъ берлинская молодежь для войны бросала университетъ, какъ сыновья разставались съ отцами и матерями своими, какъ невѣсты безропотно от-

пускали жениховъ, и сама она съ трепетомъ провожала отправлявшихся на бой своими напутственными пожеланіями. Въ 1814 г. братъ принцессы Шарлоты—Вильгельмъ, получилъ отъ Александра I орденъ Георгія 4-й степени; вотъ какъ это случилось: 15-го февраля въ семь часовъ утра, король Фридрихъ-Вильгельмъ III, приказавъ позвать двухъ старшихъ сыновей, сказалъ имъ: «Сегодня будетъ сраженіе; поѣзжайте впередъ, я васъ догоню; не подвергайте себя безъ нужды опасности; вы меня понимаете?» Оба принца поспѣшили сѣсть на коней и поскакали къ командующему русскими войсками князю Витгенштейну. Немного спустя выѣхалъ на русскихъ полевыхъ дрожкахъ и король, который затѣмъ также сѣлъ на коня. Бой кипѣлъ изъ-за обладанія виноградниками на небольшой возвышенности. Французы занимали виноградники и упорно защищались противъ атакъ русскихъ войскъ. Сначала противъ французской позиціи двинута была русская кавалерія—это былъ кирасирскій Псковскій полкъ,—которая, не достигнувъ цѣли, вынуждена была отступить, вслѣдствіе чего въ атаку пошли два русскихъ пѣхотныхъ полка, Калужскій и Могилевскій, за дѣйствіями которыхъ слѣдилъ съ своего мѣста король. Одинъ изъ этихъ полковъ рвался впередъ съ особеннымъ мужествомъ и упорствомъ: съ мѣста боя уносили множество раненыхъ. Король, желая узнать названіе полка, сказалъ принцу Вильгельму: «Поѣзжай назадъ и освѣдомись, какой это полкъ и къ какому полку принадлежатъ раненые, число которыхъ такъ быстро увеличивается». Не долго думая, принцъ далъ шпоры коню и поскакалъ къ сражающимся баталіонамъ, къ виноградникамъ, откуда возвращались раненые Калужскаго полка. Появленіе подъ огнемъ молодого прусскаго принца обрадовало солдатъ, которые съ удвоеннымъ мужествомъ бросились на непріятеля. Съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто увѣренный въ томъ, что ни одна пуля его не тронетъ, принцъ освѣдомился о названіи полка, сосчиталъ раненыхъ и затѣмъ рапортовалъ своему державному родителю обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Король выслушалъ молча донесеніе, ни взглядомъ, ни выраженіемъ лица не показывая, что во всемъ этомъ онъ видитъ что-нибудь чрезвычайное. Но въ главной квартирѣ поведеніе принца возбудило

много толковъ, и Императоръ Александръ рѣшилъ пожаловать принцу первый знакъ отличія, украсившій его грудь, Георгіевскій крестъ 4-й степени, который жалуется только за личные подвиги. Вслѣдъ затѣмъ принцъ получилъ также Желѣзный крестъ. Спустя 55 лѣтъ, полученный въ сраженіи подъ Бар-сюр-Обомъ крестъ Императоръ промѣнялъ на самую высшую степень военнаго ордена. Въ 1869 году, въ день Георгіевскаго праздника, Императоръ Александръ II пожаловалъ своему державному дядѣ орденъ св. Георгія первой степени, единственнымъ кавалеромъ котораго былъ тогда Императоръ. Въ то же время Императоръ Александръ сообщилъ въ присланной императору Вильгельму телеграммѣ, «что орденъ пожалованъ былъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ и на основаніи уставовъ ордена, что всѣкавалеры гордятся тѣмъ, что грудь прусскаго короля украшаетъ лента ордена и что король долженъ видѣть въ этомъ новое доказательство дружбы обоихъ монарховъ, дружбы, которая основана на воспоминаніи о той достопамятной эпохѣ, когда русская и прусская арміи вмѣстѣ сражались за святое дѣло» [1]).

Александръ I въ образѣ Родомысла.
(Медаліонъ работы гр. Толстого).

[1]) Въ 1884 г. 15-го (27) февраля въ Берлинѣ происходило военное торжество по случаю 70-ти лѣтней годовщины со времени полученія Вильгельмомъ I русскаго ордена св. Георгія IV степени. Къ этому дню въ Берлинъ прибыла депутація русскихъ георгіевскихъ кавалеровъ, во главѣ съ генералъ-фельдмаршаломъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ и нижними чинами Калужскаго полка, шефомъ котораго покойный германскій императоръ состоялъ съ 15-го февраля 1818 года.

День 16-й годовщины принцессы Шарлоты былъ отпразднованъ среди ликованій побѣды, а годъ спустя, когда ей минуло семнадцать лѣтъ, она привѣтствовала старика Блюхера, возвратившагося въ Берлинъ послѣ вторичнаго паденія Наполеона.

Бурные мѣсяцы, такъ внезапно смѣнившіе воинственными тревогами мирное учебное уединеніе принцессы Шарлоты, зажгли въ душѣ ея не одно возбужденіе политическихъ идей, они рѣшили всю ея будущность, какъ женщины.

Еще до взятія Парижа союзными войсками, Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи пріѣхали, 21-го февраля 1814 г. въ Берлинъ, проѣздомъ изъ Петербурга во Францію [1]). Пребываніе Великихъ Князей въ Берлинѣ хотя было самое кратковременное, тѣмъ не менѣе рѣшительное для будущности Великаго Князя Николая Павловича и старшей прусской принцессы. По прибытіи своемъ къ арміи, вступившей уже въ Парижъ, Великій Князь Николай открылся брату — Императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму въ чувствахъ своихъ къ принцессѣ Шарлотѣ, которая въ свою очередь рѣшилась на подобное же признаніе въ письмѣ къ брату своему, Вильгельму, будущему объединителю Германіи. Оба Монарха были рады такому обоюдному влеченію. Здѣсь нельзя не замѣтить, что до начала XVIII столѣтія, при заключеніи браковъ нашихъ Государей, супруги для нихъ выбирались не изъ иностранныхъ принцессъ, но изъ среды своихъ подданныхъ. Такіе браки нашихъ Самодержавцевъ имѣли большое неудобство, такъ какъ съ новой царицей обыкновенно поднимался и весь ея родъ. Нестроенія эти иногда достигали до размѣровъ государственныхъ смутъ. Несомнѣнно, желаніе избѣжать внутреннихъ неурядицъ руководило отчасти Петромъ Великимъ, когда онъ, заботясь о сближеніи Россіи съ Европой, женилъ наслѣдника своего Алексѣя Петровича на Брауншвейгской принцессѣ Софіи-Шарлотѣ, сестрѣ германской императрицы. А дочь Петра I — Императрица Елизавета Петровна, отличавшаяся чисто-русскими чувствами, послѣдовала примѣру своего

[1]) Подробности этого путешествія описаны въ нашемъ біографическомъ очеркѣ: «Первый Царственный Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ». Спб. 1898 г.

отца и выбрала въ супруги Великому Князю Петру Ѳеодоровичу германскую принцессу изъ мелкаго княжескаго дома—Ангальтъ-Цербскую. Въ этомъ дѣлѣ принималъ живѣйшее участіе прусскій король Фридрихъ, который, въ теченіе всей своей жизни, былъ, такъ сказать, постояннымъ сватомъ Русскаго Двора и при посредничествѣ его были избраны три супруги для наслѣдниковъ Русскаго престола: Екатерина II, Наталія Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна [1]). Имѣя все это въ виду, Фридрихъ-Вильгельмъ, обязанный спасеніемъ Пруссіи Императору Александру I, желалъ брака этого, а русскій Монархъ, обожавшій покойную королеву Луизу, видѣлъ въ чертахъ принцессы Шарлоты, напоминавшей собою свою прекрасную мать, идеалъ супруги для своего брата; но это желанное дѣло естественно должно было уступить первенству безотлагательныхъ и всепоглощавшихъ тогда интересовъ европейской войны и политики.

Въ это же время произошелъ слѣдующій любопытный случай изъ области семейной хроники. Дочь принца-регента англійскаго, принцесса Шарлота, отличавшаяся довольно капризнымъ нравомъ, бывъ нареченною невѣстою принца Оранскаго, получившаго свое воспитаніе въ Англіи, и сама его избравшая, вдругъ совершенно измѣнила свое поведеніе въ отношеніи своего жениха, надъ фигурою, умомъ и манерами котораго она стала насмѣхаться самымъ безпощаднымъ образомъ. Наконецъ она объявила, что не выйдетъ замужъ за принца Оранскаго, потому что она не желаетъ жить 6 мѣсяцевъ въ году въ Голландіи.

Принцъ-регентъ былъ въ отчаяніи и не могъ себѣ объяснить причину такой внезапной перемѣны. Но когда ее нашелъ, то пригласилъ къ себѣ нашего посла Ливена и объявилъ ему слѣдующее: Тайный Совѣтникъ Татищевъ, нашъ посланникъ при Мадридскомъ дворѣ, бывшій проѣздомъ въ Лондонѣ, былъ принятъ принцессою Шарлотою, которой онъ будто бы сказалъ, что Великій Князь Николай Павловичъ пріѣдетъ со своимъ братомъ Императоромъ въ Англію и что

[1]) Подробности сватовства послѣдней см. въ біографіи «Императрицы Маріи Ѳеодоровны» Е. С. Шумигорскаго, т. I, гл. III.

онъ охотно на ней женится, тѣмъ болѣе, что таково также искреннее желаніе самого Государя. Принцъ-регентъ выразилъ русскому послу полное свое негодованіе, что «иностранецъ» вмѣшивается въ дѣла его семьи и вноситъ въ нихъ раздоръ. Онъ далъ свое слово принцу Оранскому, котораго лично очень уважаетъ, и его дочь должна выйти замужъ за него, а не за другого.

Графъ Ливенъ старался защитить Татищева предъ принцемъ-регентомъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принужденъ былъ донести Государю объ этомъ дѣлѣ. Однако, извѣстно, что принцъ Оранскій женился впослѣдствіи на Великой Княжнѣ Аннѣ Павловнѣ [1]), а англійская принцесса Шарлота вышла замужъ за принца Саксенъ-Кобургскаго Леопольда. Понятно, что Императоръ Александръ сильно разсердился на Татищева и повелѣлъ ему немедленно отправиться къ своему посту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ графу Ливену конфиденціально сообщить принцу-регенту, что король Прусскій и Императрица-мать Марія Ѳеодоровна уже согласились между собою относительно женитьбы Великаго Князя Николая Павловича на прусской принцессѣ Шарлоттѣ. Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о бракѣ Великаго Князя съ дочерью принца-регента. А чтобы предупредить всякіе разговоры, Государь рѣшилъ не брать съ собою въ Англію Великихъ Князей, которые первоначально должны были его сопровождать [2]). Такимъ образомъ цѣлый годъ не было оффиціальнаго слуха о готовившемся бракѣ, и только на слѣдующій годъ, послѣ того, какъ разыгрался послѣдній сто-дневный эпизодъ наполеоновской драмы, въ Берлинѣ стало замѣтно необыкновенное движеніе, предвѣщавшее чрезвычайное торжество.

Изъ Парижа свита Императора Александра I слѣдовала на почтовыхъ лошадяхъ разными городами. «Въ Дижонѣ, говоритъ государственный секретарь Марченко [3]), съ Государемъ

[1]) Ранѣе того графъ Блака именемъ короля Людовика XVIII просилъ руки Великой Княгини Анны Павловны для герцога Беррійскаго, будущаго наслѣдника французскаго престола.

[2]) «Собраніе Трактатовъ и Конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Ф. Мартенсъ, т. XI, стр. 206—7.

[3]) «Русск. Стар.» 1896 г. апрѣльская книга, стр. 18.

были Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи и при нихъ генералъ Коновницынъ. Ихъ Высочества отправились оттуда прямо въ Берлинъ, гдѣ прожили двѣ недѣли по случаю свадебнаго сговора Великаго Князя Николая Павловича.»

Великая Княгиня Марія Павловна.

Первымъ прибылъ Великій Князь Николай Павловичъ 22-го октября 1815 года, въ день, крайне знаменательный для Гогенцоллернскаго дома; въ этотъ день праздновалась 4-хъ сотая годовщина владычества этой династіи надъ бранденбургскимъ курфюршествомъ. Два дня спустя прибылъ и Императоръ Александръ I, а вслѣдъ за нимъ сестры его: Великая Княгиня Екатерина Павловна, вдовствующая герцогиня Ольденбургская и Великая Княгиня Марія Павловна, герцогиня Веймарская [1]). 4-го ноября, въ Берлинъ вступилъ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король. «Въ русскомъ мундирѣ, говоритъ А. Михайловскій-Данилевскій [2]), ѣхалъ онъ передъ первымъ взводомъ и салютовалъ Государю. Офицеры обѣдали во дворцѣ за королевскимъ столомъ, а солдатъ угощала прусская гвардія. Примѣчательнѣе

---

[1]) Въ нынѣшнемъ году 12-го іюня исполнилось 80 лѣтъ ея сыну великому герцогу Карлу-Александру Саксенъ-Веймарскому, и въ числѣ подношеній маститому юбиляру была поднесена книга: «Goethe und Maria Pawlowna», въ которой говорится отъ отношеніяхъ Великой Княгини къ Гете и о ея заслугахъ возвышенія Веймара въ культурномъ отношеніи; приведены стихотворенія Гете, посвященныя Маріи Павловнѣ, и письма ея къ женѣ Шиллера, свидѣтельства совмѣстной дѣятельности Великой Княгини и отзывы о ней современниковъ. Дочь Великой Княгини Маріи Павловны—Марія-Августа-Елисавета, родившаяся 30-го сентября 1811 г., вышла замужъ 11-го іюня 1829 г. за брата Императрицы Александры Ѳеодоровны—Вильгельма I, объединителя Германіи.

[2]) См. его «Записки 1814—15 гг.» изданія 1841 г., стр. 233.

всего, что въ тотъ день караулы были заняты въ Берлинѣ русскими солдатами. Людовикъ XIV, возведя своего внука на испанскій престолъ, сказалъ: «Пиренейскія горы болѣе не существуютъ!» Русскимъ можно было, въ подражаніе ему, но съ бо́льшимъ правомъ, сказать, что при Александрѣ I Россія и Германія составляли одно семейство».

Въ тотъ же день, во дворцѣ, послѣдовалъ большой парадный обѣдъ, на которомъ за королевскій столъ, кромѣ членовъ

Графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

Императорской Фамиліи, сѣли только фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и старикъ Блюхеръ. Прочіе приглашенные находились въ смежной залѣ. Вдругъ съ мѣстъ своихъ поднялись оба Монарха и провозгласили тостъ за здоровье нареченныхъ жениха и невѣсты, Великаго Князя Николая Павловича и принцессы Шарлоты. Блюхеръ и Барклай передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свои поздравленія.

На слѣдующій день помолвки Великій Князь Николай Павловичъ съ невѣстой посѣтили гробницу королевы Луизы въ Шарлоттенбургѣ. Двухъ-недѣльное пребыванія Государя и Великихъ Князей и Княгинь въ Берлинѣ было рядомъ непрерывныхъ праздниковъ. Въ оперномъ театрѣ данъ былъ балъ, который открыли помолвленные [1]); такой же балъ дало и городское общество въ драматическомъ театрѣ. Свадьба состоялась черезъ два года, но женихъ часто въ это время посѣщалъ Берлинъ. Образовательная поѣздка Великаго Князя Николая Павловича по Европѣ и въ Англію, совершенная подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, который былъ посланъ Императоромъ Александромъ I вѣстникомъ въ Петербургъ къ Императрицамъ о взятіи Парижа, давала случай царственному жениху выказать свое вниманіе къ нѣжно любимой невѣстѣ. Такъ изъ сохранившихся счетовъ [2]) расходовъ этого путешествія, встрѣчаются слѣдующія записи:

	Ст.	Шил.	Пен.
За наряды для принцессы Шарлоты			
выдано Вигу.	30	8	3
тоже Штуцу	38	9	6

	Черв.	Франк.	Су.
По счету француженки Перронъ			
выдано.	—	1.596	—
ей же	165	4	—
ей же	—	1.410	—
За шляпу для принцессы	2	11	6
За гребень въ подарокъ	—	718	—
Кормилицѣ принцессы Шарлоты, принесшей, по мѣстному обычаю, башмаки принцессы	25	—	—

Въ это же время нареченные вели переписку, и письма своей невѣсты, какъ святыню, хранилъ Великій Князь Николай Пав-

[1]) Этотъ вальсъ, подъ музыку котораго принцесса Шарлота въ первый разъ танцовала въ Берлинѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, исполнялся неизмѣнно въ утренней серенадѣ, бывавшей почти ежегодно, 1-го іюля, въ день рожденія и свадьбы Императрицы Александры Ѳеодоровны.

[2]) «Рус. Арх.» 1877 г., т. II, стр. 203—220.

ловичъ. «Когда, въ 1837 г., Зимній дворецъ пылалъ въ огнѣ, пишетъ въ своихъ «Запискахъ» Каролина Бауэръ [1]), онъ говорилъ: «оставьте, пусть все сгоритъ, достаньте мнѣ только изъ моего рабочаго кабинета портфель съ письмами, которыя жена писала мнѣ, бывши моею невѣстою».

Какимъ жизнерадостнымъ былъ въ то время Великій Князь, тому доказательствомъ служитъ письмо [2]) леди Пемброкъ, изъ Лондона въ Москву, къ графинѣ М. В. де-Бальменъ:

«Нашъ дорогой Великій Князь Николай провелъ здѣсь два дня со своею свитою; въ его присутствіи всѣмъ намъ было легко: до такой степени онъ былъ любезенъ и добродушенъ. Конечно принцесса прусская Шарлота будетъ счастлива. Мери и Сидней очень ему понравились въ своихъ хорошенькихъ русскихъ нарядахъ, присланныхъ вами. Онъ былъ такъ любезенъ, что написалъ въ моемъ альбомѣ: «Уѣзжая отъ васъ я, прощаюсь съ вами и прошу, чтобы вы не совсѣмъ меня изгладили изъ своей памяти» (c'est ainsi qu'en partant je vous fais mes adieux en vous suppliant se ne pas m'effacer entièrement de votre souvenir)

Великій Князь Николай Павловичъ посѣтилъ и загородный дворецъ вышеупомянутой принцессы Шарлоты, вышедшей замужъ за Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Стокмаръ, докторъ англійской королевы Викторіи, съ восторгомъ описываетъ [3]) красоту Великаго Князя, восхищаясь «его большимъ и прямымъ, какъ дубокъ (droit comme un chêne) ростомъ, высокимъ лбомъ, глазами, носомъ и рѣзко обрисованнымъ подбородкомъ. Красота двадцатилѣтняго Князя выигрывала еще болѣе отъ простоты костюма конныхъ егерей; на немъ былъ темнозеленый сюртукъ, украшенный красными шнурками, серебряные эполеты, маленькая звѣзда на груди, бѣлая шапка и сабля безъ всякихъ украшеній, на простой кожанной портупеѣ. Онъ шутилъ мило, говоря прекрасно по-французски. За обѣдомъ Великій Князь ѣлъ умѣренно и пилъ лишь воду, что удивляло англичанъ, точно также, когда Николай Павловичъ поцѣловалъ руку

[1]) «Историч. Вѣст.», т. VII, 1888 г.
[2]) «Рус. Арх.», 1877 г., т. III, стр. 292.
[3]) «Revue des deux mondes», 1-er Janvier, 1876, page 79.

княгини Ливенъ, послѣ того какъ послѣдняя сыграла пьесу на фортепіано. Мистриссъ Камбель не переставала говорить: «Jl est diaboliquement beau, ce sera le plus bel homme de l'Europe». Но еще болѣе поразилъ Николай Павловичъ всѣхъ тѣмъ, что когда всѣ улеглись въ замкѣ, онъ отправился на конюшню и приказалъ набить кожанный мѣшокъ сѣномъ; это была его обычная постель».

Сопровождавшій Великаго Князя Николая Павловича Григорій Андреевичъ Глинка писалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, изъ Потсдама («Рус. Ар.» 1877 г., т. VI) отъ 22-го апрѣля 1817 г. слѣдующее:

«Какъ занятія, такъ и увеселенія Его Высочество ищетъ и находитъ въ кругу Августѣйшей королевской фамиліи, которой посвящено все время его здѣсь пребыванія, такъ что всякій наступающій день есть самый вѣрный отпечатокъ дня протекшаго. Сегодняшнее утро назначено для маневра, имѣющаго быть и послѣ завтра, по окончаніи коего Государь Великій Князь въ непродолжительномъ времени располагаетъ отправиться въ путь для возвращенія въ Россію».

Глава II.

БРАКЪ.

юня 13-го выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ принцесса Шарлота. Разлука съ нею была очень тяжела для короля, любимицей котораго она стала со смерти матери. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ принцессу Шарлоту, находился ея старшій братъ Вильгельмъ, которому исполнилось лишь 20 ть лѣтъ, графиня Трухзесъ, въ качествѣ оберъ-гофмейстерины, графиня Гаакъ, рожденная Таунценъ, дѣвица Вильдерметъ и французъ Шамбо, въ качествѣ секретаря [1]), тотъ самый, который оказалъ такую преданность королевскому семейству во время его бѣдственнаго изгнанія.

---

[1]) Въ этой должности онъ скончался отъ холеры въ іюнѣ 1848 года, въ Петергофѣ. Павелъ Ивановичъ Шамбо училъ нѣмецкому языку въ юности Императора Александра II.

Въ Мемелѣ встрѣтилъ свою невѣсту Великій Князь Николай Павловичъ со свитою [1]), назначенною сопровождать принцессу, состоявшею изъ престарѣлой княгини Волконской, дѣвицы Варвары Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера Альбедиля, камергера князя Василія Долгорукова и камеръ-юнкера Соллогуба. Въ Митавѣ и Ригѣ принцессѣ была представлена мѣстная аристократія. Несмотря на блескъ и радушный пріемъ, вездѣ встрѣчавшіе молодую путешественницу, благодаря стараніямъ ея царственнаго жениха, принцесса вполнѣ сознавала всю тяжесть трудной задачи, принятой ею на себя, и скромная неувѣренность въ собственныхъ силахъ, не разъ во время долгаго и утомительнаго пути, совершаемаго по невозможнымъ дорогамъ и при невыносимой жарѣ, заставляла ее не разъ проливать тайныя слезы.

«17-го іюня, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Императрица Александра Ѳеодоровна [2]), я много плакала при мысли, что мнѣ придется встрѣтиться со вдовствующей Государыней, разсказы о которой меня пугали».

День спустя Императоръ Александръ I писалъ графу А. А. Аракчееву [3]).

«У насъ, благодаря Бога, все хорошо, принцесса пріѣхала вчера въ Каськовъ, сегодня будетъ въ Павловскѣ, а завтра парадный въѣздъ въ городъ».

Вотъ что о своемъ пріѣздѣ писала потомъ Императрица Александра Ѳеодоровна: «18-го іюня, вечеромъ, въ Каськовѣ, я очутилась въ объятіяхъ моей будущей свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мое сердце. Императоръ Александръ и Михаилъ Павловичъ также выѣхали мнѣ на встрѣчу. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тѣмъ изяществомъ и въ тѣхъ сердечныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ, которыя ему одному были свойственны».

Она представила Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ принца

---

[1]) «Помню, говоритъ баронесса М. П. Фредериксъ, какъ отецъ разсказывалъ, до чего всѣ русскіе были восхищены этой «богиней красоты и граціи», какъ онъ выражался, когда она явилась взорамъ свиты своего Августѣйшаго жениха («Истор. Вѣст.» 1898 г. январская книга, стр. 61).

[2]) «Рус. Стар.» 1896 г. т. 88, стр. 1—60.

[3]) «Руск. Стар.» 1896 г. т. 86, стр. 326.

Вильгельма, сопровождавшаго сестру въ Россію, словами: «Рекомендую вамъ моего новаго брата»; на что вдовствующая Императрица, обнимая принца, сказала: «Значитъ, я буду еще однимъ сыномъ богаче».

— «Я нашла вдовствующую Государыню, пишетъ Александра Ѳеодоровна, гораздо моложе, стройнѣе и лучше сохранившеюся, нежели привыкла видѣть женщинъ лѣтъ подъ 60. (Ей было въ то время 58 лѣтъ).

Великій Князь Николай Павловичъ.

«На слѣдующій день я продолжала, съ невыразимымъ чувствомъ, путешествіе, и проѣхала черезъ Гатчину и вдоль ограды Царскосельскаго парка; меня сопровождалъ отрядъ лейбъ-казаковъ, что́, прибавлю въ скобкахъ, доставляло мнѣ истинно дѣтское удовольствіе. Мы подъѣхали къ Павловску, который на первыхъ же порахъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе, благодаря прекраснѣйшей погодѣ. Мой экипажъ остановился у собственнаго садика Ея Величества вдовствующей Государыни, которая прижала меня къ своему сердцу. Императоръ Александръ поцѣловалъ меня; я узнала тетушку Анту-

анету Виртембергскую [1]) и ея дочь Марію; тутъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь ко мнѣ: «А для меня вы не имѣете и взгляда!» и вотъ я бросилась въ объятія къ Императрицѣ Елисаветѣ [2]), которая тронула меня своимъ радушнымъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ преувеличеній, безъ всякихъ показныхъ излишнихъ чувствъ. Весь Дворъ былъ, кажется, собранъ въ садикѣ, но я ничего не различала; помню только прекрасные розаны въ полномъ цвѣту, а особенно бѣлые [3]), которые тѣшили мой взоръ и какъ бы привѣтствовали меня. Мнѣ представили нѣкоторыхъ, но я оказалась въ состояніи обдумать и

Императрица Марія Ѳеодоровна.

[1]) Жена герцога Александра Виртембергскаго, бѣлорусскаго генералъ-губернатора, а потомъ начальника путей сообщеній; его два сына, Александръ и Эрнестъ, служили въ Кавалергардскомъ и Конногвардейскомъ полкахъ. Дочь Марія была крестницей Императрицы, очень любившей ее и называвшей ma biche.

[2]) Державинъ въ торжественной одѣ, написанной въ 1815 году на отъѣздъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны за границу, къ своему супругу, въ первой строфѣ, трогательно изобразилъ ея характеръ:

«Ужь двадцать лѣтъ какъ украшаешь Виною чьихъ была ты слезъ?
Ты Росска трона вышину; Во храмѣ-ль ты благочестива;
Ужь двадцать лѣтъ изображаешь Въ чертогахъ-ли—ласкорѣчива;
Щедроту, кротость, тишину. Твой свѣтлый взглядъ есть взглядъ
Кто зрѣлъ лицо твое сурово? небесъ».

[3]) Въ семейномъ кругу Императрицу Александру Ѳеодоровну за ея любовь къ бѣлымъ розамъ называли «Blanchfleur».

отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ только, когда наконецъ очутилась одна, въ прелестномъ помѣщеніи, мнѣ отведенномъ. Только-что я усѣлась предъ зеркаломъ, чтобы заняться

Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна.

туалетомъ, какъ вошла ко мнѣ безъ церемоній какая-то пожилая женщина и промолвила по-нѣмецки: «Вы очень загорѣли, я пришлю вамъ огуречной воды умыться вечеромъ».

Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливенъ [1]), ко-

[1]) Шарлота Карловна Ливенъ, воспитательница Великихъ Княженъ, дочерей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. См. о ней «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», Дм. Кобеко. Спб. 1887 г.

торую я впослѣдствіи искренно полюбила, но признаюсь, эта первая фамильярная сцена показалась мнѣ весьма странной. Такъ какъ фургоны съ моею кладью еще не прибыли, то мнѣ пришлось явиться на большой обѣдъ въ закрытомъ платьѣ, весьма впрочемъ изящномъ, изъ бѣлаго гроденапля, отдѣланномъ блондами, и въ хорошенькой маленькой шляпкѣ изъ бѣлаго крепа съ султаномъ изъ перьевъ марабу. То была самая новѣйшая парижская мода. Въ длинной галлереѣ, ведущей въ церковь и наполненной нарядною публикою, я увидѣла въ амбразурѣ окна Цецилію [1]), и, ни у кого не спрашиваясь, бро-

---

[1]) Цецилія Владиславовна Фредериксъ, рожденная графиня Гуровская, была внучкой, по своей матери, пишетъ М. П. Фредериксъ въ своихъ воспоминаніяхъ (см. «Истор. Вѣст.» 1898 г., январскую книжку, стр. 57) извѣстнаго прусскаго фельдмаршала—графа фонъ-Бишофсфердеръ, родилась 24-го октября (5-го ноября) 1794 г. и воспитывалась съ самыхъ юныхъ лѣтъ, при прусскомъ дворѣ, въ семьѣ короля Фридриха Вильгельма III и супруги его королевы Луизы, съ дочерью ихъ принцессою Шарлотой. Онѣ были связаны самой нѣжной дружбой, которая не измѣнилась до ихъ смерти. Дружба эта была до того велика, что не проходило дня, до ихъ преклонныхъ лѣтъ, чтобы Императрица съ матерью моею не видалась; а если что либо помѣшаетъ ихъ свиданію, разлука, или болѣзнь той и другой въ одно время (потому что, если, напримѣръ, матушка моя была нездорова, то Императрица сейчасъ же пріѣзжала къ ней), тогда онѣ другъ другу писали хоть нѣсколько словъ каждый день. Онѣ дали себѣ это обѣщаніе при ихъ первой разлукѣ въ 1807 г., когда прусскій королевскій домъ бѣжалъ отъ Наполеона I, а мать моя оставалась въ Берлинѣ у своей тетки графини Бишофсфердеръ, которая была статсъ-дамой королевы Луизы. Это обѣщаніе, данное въ такіе юные годы, обѣ подруги свято исполняли до старости лѣтъ. Дружбу такую, признаюсь, я никогда не встрѣчала больше; это—рѣдкое и очень замѣчательное явленіе. Провидѣнію угодно было, чтобы эти двѣ подруги и въ замужествѣ не разставались, и отечество свое промѣняли на одно и то же. Мать моя въ 1814 г. поѣхала навѣстить свою матушку, проживавшую въ то время въ Бреславлѣ, и тамъ встрѣтила случайно молодого русскаго офицера—барона Петра Андреевича Фредерикса, жившаго у ея матери и лечившагося отъ раны, полученной подъ Кульмомъ. Молодые люди другъ другу понравились и въ тотъ же годъ были обвѣнчаны при дворѣ прусскаго короля въ дворцовой капеллѣ Шарлотенбурга, послѣ чего уѣхали въ Петербургъ. Это было за три года до пріѣзда принцессы Шарлоты въ Россію—въ 1817 г., невѣстой Великаго Князя Николая Павловича.

При торжественномъ въѣздѣ принцессы Шарлоты въ новое отечество,

силась къ ней; мы объ расплакались, не видавшись цѣлыхъ три года. Говорятъ, что это проявленіе нѣжности не только не возбудило неудовольствія, но даже тронуло большинство присутствующихъ. Сколько разъ впослѣдствіи мнѣ говорили о моемъ первомъ появленіи въ этой галлереѣ; юную принцессу осматривали съ головы до ногъ и нашли, повидимому, не столь красивой, какъ предполагали; но всѣ любовались моей ножкой, моей легкостью походки, благодаря чему меня даже прозвали птичкой («*голубкой*», говоритъ Гриммъ). Императоръ Александръ представилъ мнѣ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ я нашла не мало знакомыхъ мнѣ еще со времени войны 1813 и 1814 г.г. Дамы, представленныя мнѣ вслѣдъ затѣмъ вдовствующею Государынею, были для меня все новыя лица: m-lle Нелидова Екатерина Ивановна, какъ образецъ воспитанницъ Смольнаго [1]), поразила меня своею некрасивою наружностью, отсутствіемъ изящества. Графиня Орлова (Анна Алексѣевна) произвела на меня пріятное впечатлѣніе предупредительностью своего обращенія, и мнѣ показалось, что ей было жаль меня,—юной принцессы, бывшей вновѣ и столь чуждой всей величественной обстановки! Мы обѣдали въ большой четыреугольной залѣ. Я помню, что Императоръ указалъ мнѣ на княгиню Варвару Долгорукую и на княгиню Софію Трубецкую [2]), какъ на двухъ

такъ какъ мать моя не имѣла оффиціальнаго пріѣзда къ Высочайшему Двору, по невысокому еще чину мужа,—то Императоръ Александръ I, движимый всегда своимъ добрымъ и любящимъ сердцемъ, устроилъ такъ: онъ поставилъ матушку мою въ оконную амбразуру церковной галлереи Павловскаго дворца, по которой слѣдовало шествіе прямо въ церковь, дабы принцесса Шарлота, при первомъ своемъ шагѣ подъ кровъ своей новой семьи, имѣла сюрпризъ и удовольствіе увидать свою подругу дѣтства. Принцесса Шарлота была этимъ глубоко тронута и обрадована. Въ преклонныхъ лѣтахъ, уже вдовою, Императрица Александра Ѳеодоровна любила вспоминать объ этомъ сердечномъ вниманіи Императора Александра I и не разъ мнѣ о немъ говорила».

[1]) Перваго выпуска; въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ находится ея портретъ, писанный Левицкимъ, въ числѣ другихъ воспитанницъ Смольнаго: Алымовой, Левшиной и др., а біографія Е. И. Нелидовой издана въ нынѣшнемъ году Е. С. Шумигорскимъ.

[2]) Кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (съ 1816 г.), Софія Андреевна Вейсъ, супруга князя Василія Сергѣевича Трубецкаго, который во всю Отечественную войну находился при особѣ Императора Александра I.

молодыхъ женщинъ, самыхъ красивыхъ при Дворѣ и наиболѣе пользующихся успѣхомъ. Вечеръ проведенъ былъ въ семейномъ кругу».

19-го іюня 1817 года былъ назначенъ торжественный въѣздъ принцессы въ Петербургъ.

«На 7-ой верстѣ отъ Петербурга, пишетъ камеръ-пажъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны—Дараганъ [1]), по царскосельской дорогѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ шоссе, стоялъ двухъ-этажный каменный домъ съ бельведеромъ и садомъ. Этотъ домъ принадлежалъ пастору Коленсу, который считался тогда однимъ изъ лучшихъ частныхъ училищъ. Здѣсь обѣ Императрицы и принцесса должны были перемѣнить свой дорожный туалетъ, и здѣсь же въ первый разъ я представился Великому Князю Николаю Павловичу. Онъ тотчасъ же повелъ меня къ принцессѣ Шарлотѣ, бывшей еще въ сѣромъ, дорожномъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. «Voilà votre page»—«Ah, je suis charmée», сказала она, протягивая мнѣ руку, и тотчасъ прибавила: «je vous prie, monsieur, apportez moi mon parasol! il doit être dans la voiture».

Я бросился на дворъ къ дорожной каретѣ и съ гусарами Императрицы перерылъ всѣ подушки, перешарилъ всѣ углы, но зонтикъ не отыскался. Возвращаться наверхъ съ пустыми руками мнѣ было совѣстно. Эта неудача казалась мнѣ почти несчастіемъ, я былъ смущенъ, близокъ къ отчаянію. Вѣроятно все это отразилось на моемъ лицѣ, потому что Великій Князь, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, съ удивленіемъ спросилъ:

— «Что съ тобой?»

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ разсмѣялся и сказалъ: «не велика бѣда! найдется другой, ступай скорѣй наверхъ; Императрицы сейчасъ выйдутъ».

И точно, едва успѣлъ я присоединиться къ своимъ товарищамъ, какъ вышли Императрицы и принцесса. Проводивъ ихъ до кареты, я едва успѣлъ сѣсть на приготовленную мнѣ лошадь, какъ это умное животное понеслось догонять карету и, пробравшись къ лѣвому, заднему колесу, пошло церемоніальнымъ маршемъ».

---

[1]) «Рус. Стар.» 1875 г. т. VIII.

«Обѣ Императрицы, говоритъ Александра Ѳеодоровна, сѣли вмѣстѣ со мною и обѣими принцессами Виртембергскими въ золоченое, но открытое ландо; меня посадили по ту сторону, на которой были разставлены войска, т е. по лѣвую сторону отъ обѣихъ Императрицъ. Я чрезвычайно обрадовалась, когда увидѣла опять войска гвардіи, а особенно полки Семеновскій, Измайловскій и Преображенскій, знакомые мнѣ еще по смотру, произведенному въ Силезіи, близъ Петерсвальдена во время перемирія, въ 1813 году. Увидѣвъ кавалергардовъ, стоявшихъ возлѣ Адмиралтейства, я вскрикнула отъ радости, такъ они мнѣ напомнили дорогихъ моихъ берлинскихъ тѣлохранителей. Я не думала тогда, что буду современемъ шефомъ этого полка. Поднявшись по большой парадной лѣстницѣ Зимняго дворца, мы направились въ церковь, гдѣ я впервые приложилась ко кресту. Затѣмъ съ балкона мы смотрѣли на прохожденіе войскъ, что́ совершилось не особенно удачно, какъ я узнала впослѣдствіи. Съ этого же балкона показывали меня народу—балконъ этотъ болѣе не существуетъ; онъ былъ деревянный. Я познакомилась съ нѣсколькими статсъ-дамами. Графиня Литта [1]) показалась мнѣ еще красавицей,—она была бѣлолицая, пухленькая, съ дѣтскою улыбкою. Престарѣлая гра-

[1]) Графиня Екатерина Васильевна Литта, дочь подполковника Василія Андреевича Энгельгардта и Маріы Александровны, сестры свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, была пожалована фрейлиною въ 1775 г.; 10-го ноября 1781 г. вступила въ супружество съ графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, тайн. сов., полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Въ статсъ-дамы возведена 17-го августа 1786 г. необыкновеннымъ образомъ: въ спальнѣ князя Потемкина, на столикѣ, лежалъ портретъ Государыни, имъ носимый; 26-ти-лѣтняя графиня Скавронская, шутя, взяла его и, подойдя къ зеркалу, приколола на себя!—«Катенька, воскликнулъ Потемкинъ, поди благодарить Императрицу,—ты статсъ-дама!»—«Что вы со мною дѣлаете?» возразила Скавронская.—«Я тебѣ приказываю», повторилъ князь и, написавъ записочку, заставилъ идти къ Императрицѣ, которая, по словамъ Анны Никитичны Нарышкиной, тутъ бывшей, приняла это съ большимъ неудовольствіемъ, но впослѣдствіи имѣла большую привязанность къ графинѣ Скавронской, которая 31-го октября 1798 г. вступила во второй бракъ съ графомъ Юліемъ Помпеевичемъ Литта († 24-го января 1838 г.) («Рус. Стар.», 1870 г., т. II, стр. 477).

финя Пушкина была набѣлена и нарумянена, съ разрисованными жилами (на вискахъ), и все это дѣлало ея старое лицо еще болѣе некрасивымъ».

«Послѣ парада, замѣчаетъ Дараганъ, я проводилъ Великаго Князя и его невѣсту въ назначенныя для нея комнаты, гдѣ ожидалъ ея законоучитель Музовской, въ черной одеждѣ, въ бѣломъ галстухѣ и безъ бороды; трудно было признать въ немъ нашего православнаго священника. Онъ постоянно долженъ былъ находиться въ пріемной принцессы, чтобы, пользуясь каждымъ свободнымъ часомъ, помогать ей выучить наизусть символъ вѣры, который она должна была произнести при обрядѣ муропомазанія».

«Я любовалась новымъ моимъ помѣщеніемъ, говоритъ Александра Ѳеодоровна, меблированнымъ и драпированнымъ совершенно заново великолѣпными тканями. Съ этого дня вплоть до 24-го іюня, я, когда оставалась одна, не переставала плакать—ужъ очень для меня была тягостна перемѣна религіи—она сжимала мое сердце! На слѣдующій день былъ большой обѣдъ у вдовствующей Государыни, а затѣмъ мы заключились въ уединеніе. Священникъ Музовской, знакомившій меня съ догматами греческой церкви, долженъ былъ подготовить меня къ принятію св. тайнъ; онъ былъ прекрасный человѣкъ, но далеко не краснорѣчивъ на нѣмецкомъ языкѣ. Не такой человѣкъ былъ нуженъ, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ея смятеніе въ подобную минуту; въ молитвѣ однако же я нашла то, что одно можетъ дать спокойствіе, читала прекрасныя назидательныя книги, не думала о земномъ и была преисполнена счастіемъ пріобщиться въ первый разъ Святыхъ тайнъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь, ввелъ меня туда Императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ прочла я символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черномъ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣломъ, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе произвела я на всю нашу прусскую свиту, которая съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ взирала на участіе бѣдной принцессы Шарлоты въ церковномъ обрядѣ, естественно странномъ въ глазахъ протестантовъ. Конфирмація моей невѣстки, Цесаревны (супруги Императора Але-

ксандра II) [1]), совершалась совершенно при иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово въ слово всѣ догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она къ тому же имѣла время привыкнуть въ двухъ-мѣсячное пребываніе въ Россіи. Со мною же все это производилось быстро, все совершилось и окончилось въ какихъ-нибудь шесть дней. Съ той минуты, какъ я пріобщилась Св. тайнъ, я почувствовала себя примиренною съ самой собою и не проливала болѣе слезъ».

Въ своихъ *Запискахъ* графъ М. Д. Бутурлинъ [2]) говоритъ: «Тетка разсказывала намъ подробности церковной церемоніи обращенія въ православіе принцессы Александры Ѳеодоровны, и говорила, что новая русская Великая Княжна была восхитительно хороша, съ распущенными по плечамъ волосами, со свѣчей въ рукѣ».

25-го іюня, въ день рожденія Великаго Князя Николая Павловича, происходило обрученіе, и въ этотъ день былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ [3]), замѣчательный, какъ своимъ пророчествомъ, такъ и выраженіемъ того христіанскаго чувства смиренія и пламенной вѣры, которая такъ сильно была возбуждена въ Александрѣ I счастливымъ исходомъ Отечественной войны.

«Божіею милостію, мы, Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. Всемогущій Богъ, управ-

---

[1]) Учили Цесаревну два священника на нѣмецкомъ языкѣ: Бажановъ—догматамъ, а Пѣвицкій (изъ Штутгарда) исторіи церкви (см. «Переписку Плетнева съ Гротомъ», т. I, стр. 54).

Принявъ православіе, Императрица Марія Александровна не удовлетворялась наружнымъ выполненіемъ обрядовъ; она стала изучать церковь и сдѣлалась самою ревностнѣйшею ея дочерью и, можно сказать, защитницею. Ея жажда къ духовному просвѣщенію изумительна. Когда она была уже больна и доктора предписали ей ложиться въ 11 часовъ въ постель, она, оставаясь одна, предавалась чтенію книгъ богословскаго содержанія. (См. «Рус. Арх.» 1885 г., т. III, стр. 289).

[2]) «Рус. Арх.» 1897 г., т. I, стр. 436.

[3]) Напечатанныя курсивомъ строки въ подлинномъ манифестѣ, составленномъ А. С. Шишковымъ, написаны собственноручно Александромъ I. См. «Рус. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 146, а также «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1817 г., № 52, отъ 29-го іюня.

ляющій судьбами царствъ и народовъ, изліявшій въ недавнія времена толикія милости и щедроты на Россію, обращаетъ и нынѣ милосердный на нее взоръ свой. Волѣ Его Святой угодно, да умножится Россійскій Императорскій Домъ, и да укрѣпится въ силѣ и славѣ своей родственными и дружескими союзами съ сильнѣйшими на землѣ державами. Помазанію и благословенію Того, въ Его же десницѣ сердце Царей, и съ согласія вселюбезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳодоровны, *Мы, совокупно съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, положили на мерѣ, избрать дщерь его, свѣтлѣйшую принцессу Шарлоту, въ супруги вселюбезнѣйшему брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу, согласно собственному его желанію. Сего іюня въ 24 день*, по благословенію и благодати Всевышняго, воспріяла она православное *греко-россійской церкви исповѣданіе* и при святомъ мvропомазаніи наречена *Александрой Ѳеодоровной*, а сего-жъ іюня 25-го дня, въ присутствіи Нашемъ и при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, въ придворной Зимняго дворца соборной церкви, совершено предшествующее браку высокосочетавающихся обрученіе. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, повелѣваемъ ее, свѣтлѣйшую принцессу именовать Великой Княжной, съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества. Данъ въ престольномъ Нашемъ градѣ Санктъ-Петербургѣ, іюня 25-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1817, царствованія Нашего въ седьмое на десять».

По собственнымъ словамъ Александры Ѳеодоровны, она въ этотъ день: «впервые надѣла розовый сарафанъ, брилліанты и немного подрумянилась, что̀ оказалось очень къ лицу; горничная Императрицы, Яковлева, одѣла меня, а ея парикмахеръ причесалъ меня; эта церемонія сопровождалась обѣдомъ и баломъ съ полонезами. Меня возили по улицамъ Петербурга каждый вечеръ; свѣтлыя ночи показались мнѣ необычайными, но пріятными. Городъ не произвелъ на меня величественнаго впечатлѣнія, за исключеніемъ вида на Неву изъ комнатъ Императрицы Елисаветы. Мы обѣдали ежедневно въ саду Эрмитажа или въ прилегающихъ къ нимъ галлереяхъ. Признаюсь, все было для меня ново и я чувствовала себя настолько вновѣ въ этихъ новыхъ мѣстахъ, что мысль моя была этимъ болѣе

поглощена, нежели глаза; все было для меня смутно. Помнится мнѣ, что когда Великій Князь Константинъ Павловичъ пріѣхалъ изъ Варшавы, я нашла его весьма некрасивымъ, хотя я, будучи ребенкомъ, видѣла его въ Берлинѣ въ 1805 году.

Приближалось воскресенье, 1-го іюля—день нашей свадьбы. Мой женихъ становился все нѣжнѣе и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, когда назоветъ меня своей женой и поселится въ Аничковскомъ дворцѣ. Наканунѣ 1-го іюля, который былъ въ то же время и днемъ моего рожденія, я получила прелестные подарки, жемчугъ, бриллианты; меня все это занимало, такъ какъ я не носила ни одного бриллианта въ Берлинѣ, гдѣ отецъ воспиталъ насъ съ рѣдкой простотой. Съ какимъ чувствомъ проснулась я по утру 1-го іюля! Мои прислужницы-пруссачки убрали мою кровать цвѣтами, а добрая Вильдерметъ поднесла мнѣ букетъ изъ роскошнѣйшихъ бѣлыхъ розъ. Я не хочу здѣсь распространяться о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, но въ этотъ день невозможно пройти ихъ молчаніемъ. Меня одѣли на половину въ моей комнатѣ, а остальная часть туалета совершилась въ Бриллiантовой залѣ, прилегавшей въ то время къ спальнѣ вдовствующей Императрицы. Мнѣ надѣли на голову корону и, кромѣ того, безчисленное множество крупныхъ коронныхъ украшеній, подъ тяжестью которыхъ я была едва жива. Посреди всѣхъ этихъ уборовъ, я приколола къ поясу одну бѣлую розу».

Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Брачное вѣнчаніе совершено въ церкви Зимняго дворца; вѣнцы держали: надъ Его Высочествомъ — Великій Князь Михаилъ Павловичъ, а надъ Принцессою—братъ ея Вильгельмъ. По окончаніи бракосочетанія, Ново-

*

брачные приносили поздравленія Ихъ Величествамъ, а затѣмъ совершено было благодарственное молебствіе и, при пѣніи: «Тебѣ, Бога, хвалимъ», произведена пушечная пальба съ крѣпости.

«Я почувствовала себя очень, очень счастливой,—говоритъ Александра Ѳеодоровна,—когда руки наши, наконецъ, соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды! Остальную часть дня поглотилъ обычный церемоніалъ, этикетъ и обѣдъ. Во время бала, происходившаго въ Георгіевскомъ залѣ, я получила письма изъ Берлина, отъ отца и отъ родныхъ».

Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Передъ окончаніемъ бала, ГосударьИмператоръ и Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна отбыли во дворецъ Высоконовобрачныхъ. Туда же поѣхали Императрица Марія Ѳеодоровна, вмѣстѣ съ новобрачными, и прусскій принцъ Вильгельмъ. Впереди парадной золотой кареты, запряженной 8-мью лошадьми, шелъ эскадронъ лейбъ-гусаръ, а у самой кареты ѣхалъ оберъ-шталмейстеръ и личные адъютанты Великаго Князя Николая Павловича. Въ золотыхъ же каретахъ ѣхали: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Михаилъ Павловичъ и герцогиня Виртембергская Антуанета [1]).

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 52 за 1817 г.

Великому Князю Николаю Павловичу былъ подаренъ Государемъ Аничковскій дворецъ, который ранѣе былъ данъ для жительства любимѣйшей сестрѣ Александра I—Екатеринѣ Павловнѣ, при вступленіи ея въ бракъ съ принцемъ Ольденбургскимъ. Существуетъ преданіе, будто бы рисунокъ рѣшетки, окружающей садъ Аничкова дворца, составленъ отцемъ супруги Николая Павловича, королемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III.

Водворившись послѣ брака въ Аничковскомъ дворцѣ, Великій Князь Николай Павловичъ реставрировалъ его совершенно, уничтожилъ громадныя залы и приспособилъ ихъ для тихой и счастливой семейной жизни.

«Я въ первый разъ увидѣла этотъ прекрасный дворецъ, говоритъ Александра Ѳеодоровна, описывая свою свадьбу. На верху у лѣстницы Императоръ Александръ и Императрица Елисавета встрѣтили насъ съ хлѣбомъ-солью. Статсъ-дамы присутствовали при моемъ раздѣваньи; мнѣ надѣли утреннее платье изъ брюссельскихъ кружевъ на розовомъ чахлѣ; ужинали мы въ семейномъ кругу съ нѣкоторыми изъ старѣйшихъ приближенныхъ: графомъ Ламсдорфомъ (воспитателемъ Николая и Михаила Павловичей, пожалованнаго въ этотъ день въ графское достоинство), княгиней Ливенъ и нашими прусскими дамами».

«Съ прибытіемъ поѣзда въ Аничковъ дворецъ, говоритъ камеръ-пажъ Дараганъ, моя служба кончилась, но возвращаться въ корпусъ еще было рано и не хотѣлось, и я, съ товарищемъ княземъ Голицынымъ, пошли на Невскій бульваръ. Въ то время этотъ бульваръ, обсаженный съ обѣихъ сторонъ тощими липками, занималъ средину проспекта по образцу «Unter den Linden» въ Берлинѣ. Ночь была теплая, свѣтлая, тихая; плошки мерцали по тротуарамъ; тогда не знали другой иллюминаціи. На бульварѣ двигалась пестрая, веселая толпа гуляющихъ, въ ожиданіи обратнаго проѣзда Императора и Императрицъ въ Зимній дворецъ.

«Въ память совершившагося бракосочетанія, я, какъ камеръ-пажъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, получилъ перстень съ аметистомъ и брилліантами. На другой день я былъ дежурнымъ и въ 11 часовъ утра явился въ Аничковъ дворецъ. Не зная, гдѣ ожидать приказаній, я прошелъ до большого

пріемнаго зала съ балкономъ въ садъ. Въ комнатѣ никого не было, двери на балконъ были открыты, я пошелъ къ нимъ, но въ это самое время отворились двери внутреннихъ покоевъ и вышли новобрачные. Великій Князь, въ сюртукѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, обнявъ Великую Княгиню, которая была вся въ бѣломъ, подошли ко мнѣ. Я проговорилъ поздравленіе. Великая Княгиня подала мнѣ поцѣловать руку, а Великій Князь говорилъ о неудачѣ съ синимъ воротникомъ [1]). Меня отпустили съ приказаніемъ ожидать Великую Княгиню въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ день былъ назначенъ большой обѣдъ на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны».

«На слѣдующій день, замѣчаетъ Александра Ѳеодоровна, вдовствующая Государыня пріѣхала къ намъ первая. Императоръ привезъ великолѣпные подарки. Мы радовались, словно дѣти, удовольствію выѣхать впервые послѣ свадьбы въ коляскѣ вмѣстѣ, и сдѣлали визиты Императрицамъ, Великому Князю Константину и тетушкѣ принцессѣ Виртембергской. Свадебныя празднества, различные балы, baise-mains,—все это прошло для меня словно сонъ, отъ котораго я пробудилась лишь въ Павловскѣ, безконечно счастливая тѣмъ, что очутилась въ деревнѣ».

По случаю всѣхъ этихъ торжествъ В. А. Николаи [2]) писалъ графу С. Р. Воронцову слѣдующія строки:

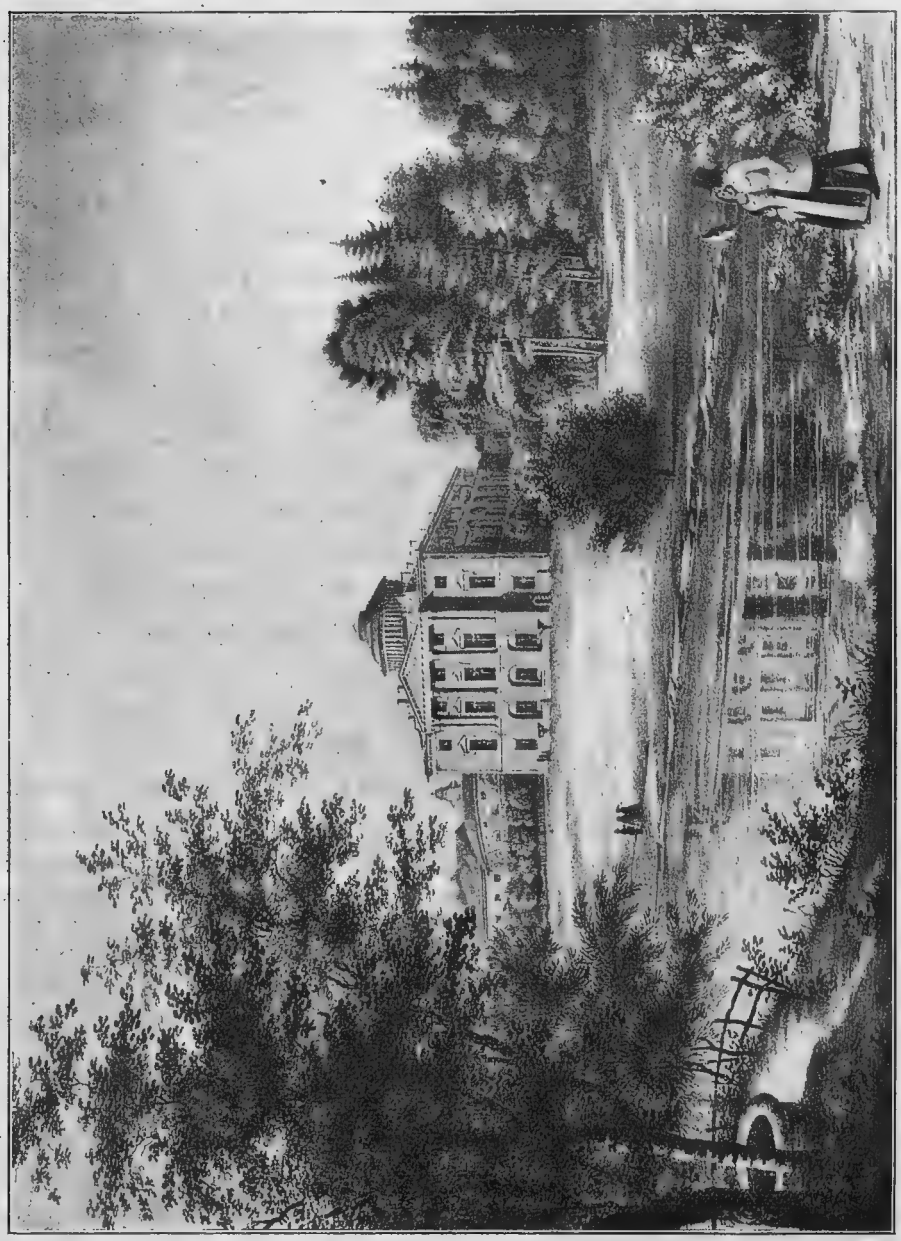
«Vous apprendrez par les gazettes les détails concernant les fiançailles et le mariage du grand-duc, qui a eu lieu dimanche dernier; mais je ne puis m'empêcher de vous parler de l'enchantement général que notre nouvelle grande-duchesse Александра Ѳеодоровна a produit ici par la manière dont elle a paru dès sa première arrivée à Pawlowsk, qui à précede d'un jour l'entrée publique en ville. Elle a fait preuve d'un grand caractère (ce n'est

---

[1]) Великій Князь Николай Павловичъ желалъ, чтобы камеръ-пажи его супруги носили на мундирахъ синіе воротники, цвѣта, присвоеннаго придворному штату его двора. Но Государь рѣшилъ, что такъ какъ камергеры и камеръ юнкера, состоящіе при Его Высочествѣ, были отъ большого двора, то и камеръ-пажи не должны были носить другого мундира.

[2]) «Арх. князя Воронцова», т. XXII, стр. 474; письмо отъ 16-го іюля 1817 года.

plus la même personne que nous avons vue à Berlin) et de beaucoup de jugement et de tact, et elle a déployé une reunion admi-



Видъ дворца въ Павловскѣ.

rable de dignité et de grace, d'ingénuité et d'abandon au milieu de sa nouvelle famille et d'affabilité envers le public. Le grand-duc sent profondement le tresor qu'il possède dans cette princesse et il

manifeste son bonheur d'une manière charmante et la plus naturelle».

Гофмаршаломъ при дворѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича повелѣно было быть камергеру Кириллу Нарышкину, а шталмейстеромъ—генералъ-маіору Ушакову; въ фрейлины къ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ пожалованы были: графиня Екатерина Шувалова и дѣвица Варвара Ушакова [1]).

Скоро Императорская фамилія оставила Петербургъ. Государь съ Государыней переѣхали въ Царское село, Великій Князь Константинъ Павловичъ возвратился въ Варшаву, а Императрица Марія Ѳеодоровна съ новобрачными, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Прусскимъ Вильгельмомъ переѣхали въ Павловскъ.

«Въ Павловскомъ дворцѣ, пишетъ Дараганъ, помѣщеніе было довольно тѣсно и неудобно. Императрица жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ была столовая и церковь. Молодая княжеская чета жила въ лѣвомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца полукруглою открытою галлереей, черезъ которую и приходилось проходить по нѣсколько разъ въ день. Внизу этого флигеля помѣщалась гауптвахта офицерскаго гусарскаго караула, и неизбѣжный шумъ отъ караула проникалъ и въ комнаты верхняго этажа. Въ осенніе, темные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщенъ разставленными черезъ комнату сальными свѣчами въ жестяныхъ, длинныхъ, наполненныхъ водою, подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ и на полу маленькаго балкона дворца при выходѣ въ галлерею. Здѣсь обыкновенно я ожидалъ Великую Княгиню Александру Ѳеодоровну, и когда отворялась дверь во флигелѣ и показывался Великій Князь съ супругой, я бралъ подсвѣчникъ и, неся его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не расплескать находящуюся въ немъ воду, шелъ впереди, чтобы хотя немного освѣтить дорогу Эта продѣлка забавляла Великую Княгиню, и она каждый разъ, смѣясь, говорила: «Merci, merci, page, благодарствуй». На балконѣ я ставилъ

[1]) См. «Спб. Вѣдом.», отъ 13-го іюля, № 56.

свѣчу на прежнее мѣсто, на полъ, и, принявъ отъ камердинера Ея Высочества работу или другія вещи, которыя она хотѣла имѣть съ собою, слѣдовалъ за нею. Другія комнаты также были въ полумракѣ; освѣщалась одна лѣстница.

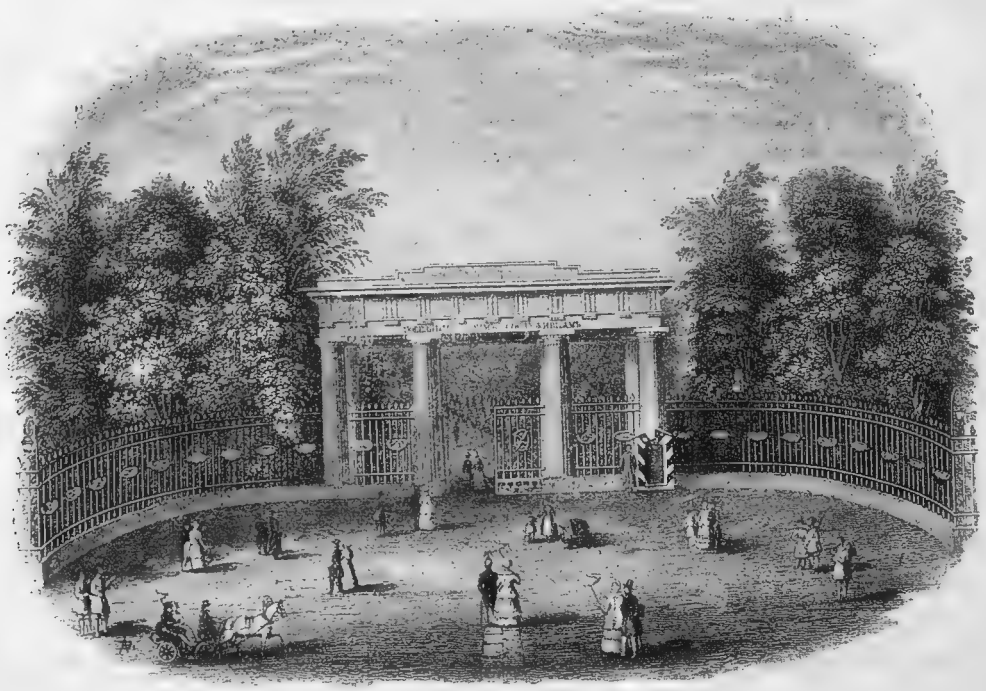
На первой недѣлѣ моего дежурства въ Павловскѣ, 15-го іюля, было бракосочетаніе адъютанта Великаго Князя, поручика л.-гв. Литовскаго полка, Владиміра Ѳедоровича Адлерберга [1]) съ Маріей Васильевной Нелидовой, фрейлиной Императрицы Маріи Ѳедоровны».

Императрица Александра Ѳеодоровна пишетъ:

«Образъ жизни въ Павловскѣ показался мнѣ особенно пріятнымъ, такъ какъ я привыкла съ дѣтства сообразоваться съ привычками другихъ, то мнѣ и въ голову не приходило жаловаться на то, что я должна обѣдать, гулять и ужинать при Дворѣ, болѣе или менѣе заботясь о своемъ туалетѣ. Впослѣдствіи, я часто слышала, что другія жаловались по этому поводу, впрочемъ иногда и мы сами чувствовали нѣкоторое желаніе быть независимыми, т. е. имѣть свой собственный уголъ. Но въ то время, какъ я уже замѣтила, подобная мысль меня не безпокоила. Напротивъ, я чувствовала даже признательность къ свекрови за ея нѣжныя ласки. Мнѣ ее описывали за особу весьма требовательную по отношенію къ дочерямъ, которыя почти и пошевелиться въ ея присутствіи будто-бы не смѣли, но ко мнѣ Императрица Марія Ѳеодоровна относилась иначе; повидимому, мой характеръ понравился ей. Я держала себя вполнѣ естественно, была весела, откровенна, жива и рѣзва, какъ подобаетъ молодой дѣвушкѣ, тогда какъ Великія Княжны держали себя чопорно въ ея присутствіи и даже въ обществѣ; все въ нихъ было строго соразмѣрено: ихъ манера держать себя въ обществѣ, разговаривать, кланяться, и это, я полагаю, было гораздо совершеннѣе моихъ тогдашнихъ манеръ. Я думаю и даже знаю навѣрное, что задѣвала при Дворѣ нѣ-

[1]) Сынъ полковника Густава-Фридриха фонъ-Адлерберга и второй жены его Юліи Ѳеодоровны, рожденной фонъ-Багговутъ (1760 † 1839), родился въ 1792 г. Въ 1828 г. былъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника Главнаго Штаба; въ 1832 г.—начальникомъ военно-походной канцеляріи; въ 1847 г. пожалованъ графскимъ достоинствомъ, а въ августѣ 1852 г. назначенъ былъ министромъ Императорскаго Двора.

которыхъ лицъ недостаткомъ вниманія къ нимъ, а оно, вѣдь, по ихъ мнѣнію, обязательно должно было сводиться къ извѣстному количеству фразъ, повторяемыхъ ежедневно. Что касается меня, то я проходила иногда слишкомъ скоро мимо этихъ лицъ, ибо они нагоняли на меня скуку, и, наоборотъ, останавливалась слишкомъ долго передъ молодежью, передъ юными фрейлинами, которыя внушали мнѣ гораздо менѣе страха. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ моимъ манерамъ,

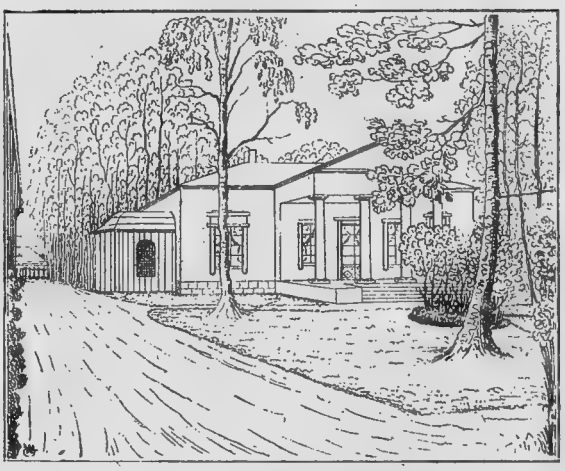


Ворота Царскосельскаго парка съ надписью: «Любимымъ моимъ сослуживцамъ».

видя мое неизмѣнное ко всѣмъ благоволеніе, проистекавшее отъ добраго сердца, и мнѣ простили маленькія отступленія отъ этикета ради врожденныхъ мнѣ изящества и живости. Maman очень забавлялась, глядя, какъ я похищаю вишни, чего не простила бы прежде своимъ дочерямъ, но меня она баловала снисходительностью. Старушка Ливенъ даже замѣтила мнѣ какъ-то: «Вы—любимица вдовствующей Государыни».

«Вообще замѣчали, что Императрица никогда прежде не была столь ласкова и снисходительна къ своимъ дочерямъ, какъ

теперь ко мнѣ. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы она мнѣ отъ времени до времени не дѣлала выговоровъ, а иногда не давала мнѣ совѣтовъ, которые для меня оказывались чрезвычайно полезны. Единственный случай, когда она насъ однажды побранила, былъ, помнится мнѣ, когда она встрѣтила насъ въ паркѣ въ кабріолетѣ и спросила:—гдѣ мы катаемся? Мы отвѣчали, что ѣдемъ изъ Царскаго, отъ Императрицы Елисаветы. Тогда она сдѣлала намъ замѣчаніе, что намъ слѣдовало предварительно спросить позволеніе сдѣлать этотъ визитъ; признаюсь, это мнѣ показалось даже страннымъ! Но со временемъ она позабыла объ этомъ выговорѣ, и мы могли ѣздить въ Царское, не спрашивая ни у кого позволенія». Увлекательною веселостью отличался и Великій Князь Николай Павловичъ, у котораго она была проявленіемъ душевнаго счастія юноши. Такъ, въ одинъ лѣтній день, Императрица-мать, Великій Князь съ супругою и камеръ-фрейлина Нелидова [1]) вышли на террасу Павловскаго сада. Великій Князь шутилъ съ Нелидовой, бывшей уже сухощавою старушкой, отличавшейся умомъ, добротою и веселостью. Вдругъ Великій Князь взялъ ее на руки, какъ ребенка, и пошелъ въ караульную будку, и приказалъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова стала просить о прощеніи, Императрица и Великая Княгиня смѣялись, а Николай Павловичъ снова бросился къ будкѣ и, принеся Нелидову, опу-



Домикъ Е. И. Нелидовой въ Павловскѣ.
(Съ рисунка В. А. Жуковскаго).

[1]) Для Е. И. Нелидовой въ Павловскѣ былъ построенъ особый домикъ, видъ котораго съ рисунка В. А. Жуковскаго нами и снятъ; рисунки поэта въ количествѣ 12-ти были приложены къ «Путеводителю г. Павловска», изданнаго В. Селезневымъ въ 1846 г.

стилъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ ея руки [1]).

Императоръ Николай I очень уважалъ Ек. Ив. Нелидову († 2-го января 1839 г.), которая любила разсказывать слѣдующій эпизодъ: живя въ Смольномъ, она пользовалась придворнымъ экипажемъ, но вдругъ неизвѣстно почему отпускъ лошадей Нелидовой былъ прекращенъ. Она написла Николаю Павловичу письмо, которое вызвало немедленный пріѣздъ Государя въ Смольный. Пройдя въ залъ Императоръ повернулъ въ корридоръ, ведшій въ комнаты Нелидовой. Лица, сопровождавшія Государя, замѣтили ему, что онъ, вѣроятно, ошибся и идетъ не туда.

«Нѣтъ,—сказалъ Николай I,—я знаю, гдѣ живетъ Нелидова!» и вошелъ къ ней въ комнаты. Этотъ пріѣздъ Государя привлекъ къ Нелидовой много старыхъ и новыхъ друзей [2]).

Возвращаемся къ разсказу Александры Ѳеодоровны о тогдашнемъ житьѣ.

«По воскресеньямъ въ Павловскѣ танцовали; въ прочіе дни играли въ petits jeux или ужинали въ томъ или другомъ шале или павильонѣ, что мнѣ очень нравилось. Къ несчастію, брата моего, Вильгельма, который очень веселился, укусила собака, принадлежавшая къ сворѣ Великаго Князя Михаила Павловича, который тутъ же, на мѣстѣ, приказалъ ее застрѣлить, но тѣмъ не менѣе докторъ Вилліе, изъ предосторожности, прижегъ и вырѣзалъ брату ранку на ногѣ. Это было весьма непріятное происшествіе. Когда брату стало лучше, его выносили въ садъ и даже въ гостиную, а потомъ раны его совсѣмъ зажили.

Maman находила Вильгельма [3]) чрезвычайно любезнымъ въ обществѣ; онъ танцовалъ, игралъ и веселился, какъ подобало

---

[1]) «Русск. Стар.», т. XII (2-го изд.), стр. 794.

[2]) См. «Correspondance de S. M. J. Marie Féodorowna avec M-elle Nélidoff. Publiée par la princesse Lise Troubetzkoï. Paris, 1896».

[3]) Въ «Путеводителѣ по саду и городу Павловску», изданному въ 1846 г. В. Селезневымъ, на стр. 46 въ описаніи сада сказано: «недалеко отъ тройной липовой аллеи, на краю холма находится «Вильгельмово мѣсто», получившее свое названіе отъ прусскаго принца Вильгельма, который былъ прельщенъ прекраснымъ видомъ, отсюда открывающимся».

молодому человѣку; и вотъ Императрица журила своихъ сыновей — Николая и Михаила за то, что они усаживались въ углу съ вытянутыми, скучающими физіономіями, точно медвѣди или марабу. Правда, у моего Николая лицо было слишкомъ серьезно для 21 года, особенно когда онъ посѣщалъ общество или балы. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, впрочемъ, какъ и я, когда мы оставались наединѣ въ своихъ комнатахъ; онъ бывалъ тогда со мною необычайно ласковъ и нѣженъ. Я уже называла дамъ, состоявшихъ при мнѣ; кромѣ нихъ нашъ Дворъ составляли: маршалъ Кириллъ Нарышкинъ, шталмейстеръ генералъ Ушаковъ, два адъютанта: Фредериксъ (женатый на Цециліи, моей подругѣ дѣтства) и В. Адлербергъ, который женился двѣ недѣли послѣ насъ на дѣвицѣ Маріи Нелидовой. Всѣ они, по милости вдовствующей Императрицы, жили въ Павловскѣ. Приблизительно въ это время пріѣхалъ изъ Берлина князь Антонъ Радзивиллъ, присланный отцомъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны съ поздравленіями. Этотъ вельможа былъ женатъ на прусской принцессѣ, сестрѣ принца Людвига-Фердинанда; онъ славился какъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени и меценатъ искусствъ. Какъ генералъ-губернаторъ Познани, князь Радзивиллъ принималъ въ 1818 г. Великаго Князя Михаила Павловича, путешествовавшаго по Европѣ, онъ не мало способствовалъ пріятному препровожденію вечеровъ своею веселостью, умѣя придумывать разныя забавы шарады въ лицахъ и устроивать музыкальные вечера, домашніе спектакли».

На придумываніе такъ называемыхъ «charades en action» былъ мастеръ Великій Князь Николай Павловичъ.

«Я помню шараду tapage, говорилъ камеръ-пажъ Дараганъ, въ которой я представлялъ второй слогъ, а при исполненіи цѣлаго Его Высочество поднялъ такой шумъ, что Императрица и Великая Княгиня, закрывъ уши, закричали: «assez de tapage, assez». Другая шарада, вызвавшая всеобщій смѣхъ и одобреніе, была «corpulance», исполненная однимъ Великимъ Княземъ. Сперва онъ весьма искусно подражалъ звуку рожка, потомъ прошелся, дѣлая гримасы и зажимая носъ; затѣмъ явился съ биллiардным кіемъ, который держалъ какъ копье, наконецъ, пришелъ обвязанный подушками и съ трудомъ, какъ

бы отъ тучности, передвигалъ ноги. Шарады всегда исполнялись безъ всякихъ приготовленій, безъ всякихъ пособій. Можно было пользоваться только тѣмъ, что находилось въ смежной билліардной комнатѣ».

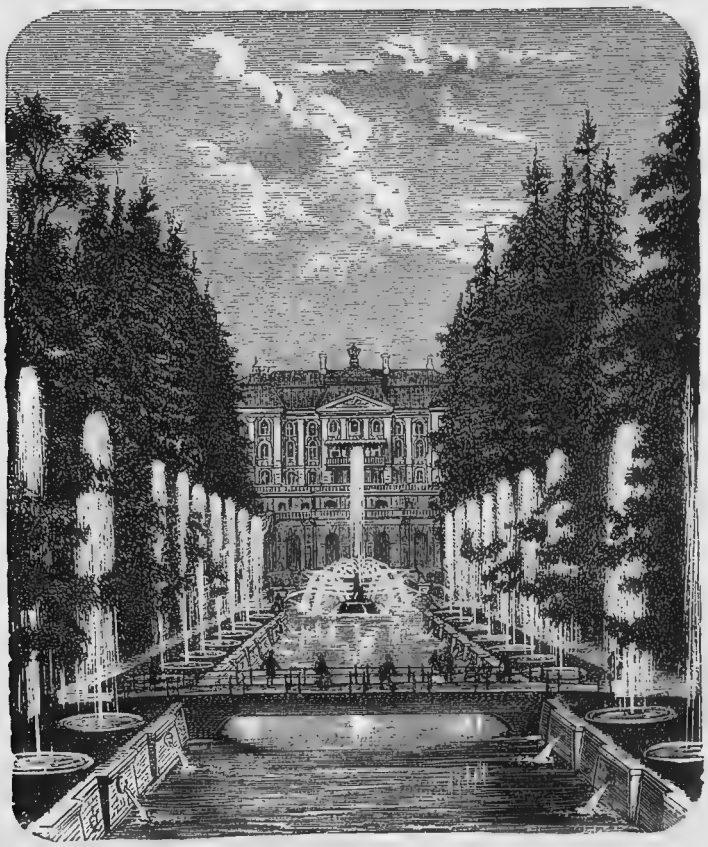
Наконецъ Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ.

«Короткое пребываніе передъ тѣмъ, говоритъ Александра Ѳеодоровна, въ Царскомъ Селѣ сблизило меня съ Императоромъ Александромъ[1]); это было для меня истиннымъ счастьемъ! Я привыкла съ самаго ранняго дѣтства любить его, преклоняться передъ нимъ и эти чувства, походившія до нѣкоторой степени на обожаніе, съ годами превратились въ глубокую и искреннюю дружбу.

Николай повезъ меня отъ Стрѣльны по нижней дорогѣ; я поминутно вскрикивала отъ радости при видѣ моря, старыхъ деревьевъ, растущихъ по берегу, и фонтановъ въ паркѣ! Однимъ словомъ, я была въ восторгѣ, и это мѣсто произвело на меня съ перваго взгляда гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ Павловскъ и Царское. Празднества удались какъ нельзя лучше, иллюминація 22-го іюля мнѣ чрезвычайно понравилась. День ангеля вдовствующей Государыни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ рожденія моего отца; поэтому сердце мое въ этотъ день преисполнилось воспоминаніями о родительскомъ домѣ. Нѣсколько дней спустя Дворъ отправился въ Ораніенбаумъ, гдѣ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Мы занимали въ Петергофѣ правый деревянный флигель почти цѣликомъ—его отдѣлали заново для насъ, новобрачныхъ; все было изящно и свѣжо и обито шелковыми обоями. Одна только спальня, задрапированная темно-зеленымъ бархатомъ, произвела на меня мрачное и тяжелое впечатлѣніе. Въ этой самой комнатѣ, три года спустя, я захворала и такъ тяжко, что никогда послѣ того у меня не хватало духа снова поселиться въ этой комнатѣ. Мы совершали прогулки, поѣздки, экскурсіи моремъ въ Кронштадтъ, гдѣ Императоръ производилъ смотръ флоту. Многочисленное общество, въ которомъ дамы отличались болѣе нарядами, чѣмъ красотою, а кавалеры были скорѣе натя-

[1]) Изъ всѣхъ роскошныхъ покоевъ Екатерины II Государь въ Царскосельскомъ Дворцѣ занималъ лишь двѣ скромныя комнаты.

нуты, чѣмъ любезны, было однако весело. Присутствіе Императора Александра, очарованіе, которое онъ умѣлъ придать всему, что ни предпринималъ, наэлектризовывали весь Дворъ. Спустя нѣсколько лѣтъ все это въ немъ измѣнилось въ обратную сторону, о чемъ я вспоминаю съ грустью. Я помню, какъ однажды Императоръ взялъ самъ ружье, далъ по ружью каж-

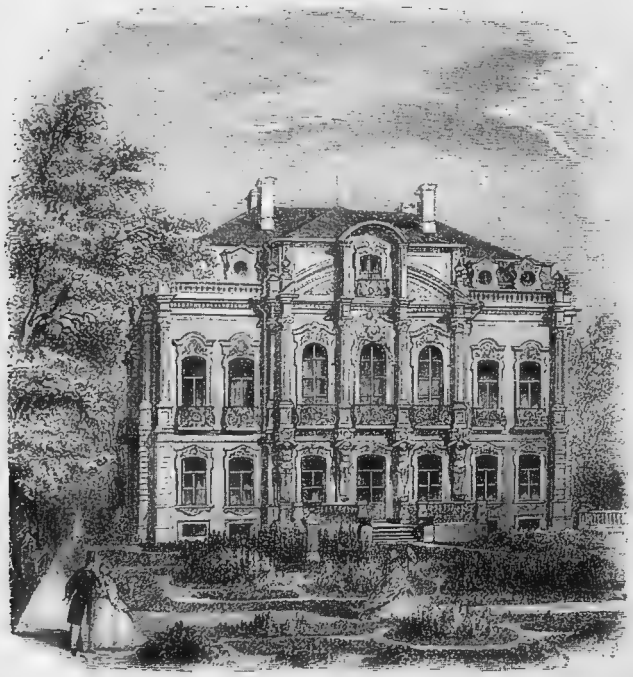


Видъ на Петерговскій дворецъ отъ Военной гавани.

дому изъ братьевъ и приказалъ командовать имъ ружейные пріемы, что весьма позабавило присутствующихъ. По вечерамъ мы съ Николаемъ катались неоднократно верхомъ. Однажды мы пили чай на «собственной дачѣ», куда отправились верхомъ; по дорогѣ мы повстрѣчали Кавалергардскій полкъ, шедшій на маневры, и maman сдѣлала намъ потомъ замѣчаніе, что насъ долженъ бы былъ сопровождать генералъ Ушаковъ, такъ какъ мы слишкомъ юны, чтобы ѣздить только вдвоемъ».

За празднествами послѣдовали маневры; они происходили между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. На нихъ присутствовали иногда Императрицы и обѣ принцессы Виртембергскія и Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна. По возвращеніи въ Павловскъ, все вернулось къ прежнему образу жизни.

«Въ дурную погоду, пишетъ Дараганъ, собирались въ нижней залѣ дворца, съ выходомъ въ садъ. Тамъ иногда было



Видъ собственной дачи Ея Величества близъ Петергофа.

литературное чтеніе, читали: Жуковскій [1]), Уваровъ [2]), Плещеевъ [3]); дамы занимались вышиваньемъ, а Великій Князь чертилъ каррикатуры.

---

[1]) Жуковскій былъ приглашенъ черезъ Н. М. Карамзина,—смотри письмо послѣдняго къ поэту отъ 25 августа 1817 г. въ «Рус. Ар.» 1868 г., стр. 1830.

[2]) Извѣстный С. С. Уваровъ, который, по словамъ Гумбольдта, въ молодости, живя въ Вѣнѣ, написалъ стихотвореніе, принятое всѣми за произведеніе Шиллера, который въ то время еще былъ живъ (См. «Отеч. Записки» 1839 г., т. VI, стр. 94).

[3]) С. И. Плещеевъ любимецъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, кавалеръ молодости Павла Петровича.

Въ концѣ августа, въ одно воскресенье, въ церкви, во время литургіи, Великой Княгинѣ сдѣлалось дурно. Николай Павловичъ почти на рукахъ вынесъ ее и провелъ во флигель. Я былъ дежурнымъ и слѣдовалъ за ними. Успокоившись на счетъ здоровья Великой Княгини, онъ вышелъ изъ ея комнаты и подошелъ ко мнѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ онъ меня.

— Семнадцать,—отвѣчалъ я.

— Вотъ видишь,—продолжалъ онъ весело,—Я тебя старше только четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этомъ онъ поцѣловалъ меня; лицо его сіяло счастіемъ».

«Этотъ случай, говоритъ Александра Ѳеодоровна, въ первую минуту напугавшій присутствовавшихъ, былъ какъ бы предвѣстникомъ того, что скоро я сдѣлаюсь матерью; это извѣстіе обрадовало всѣхъ! Говорятъ, будто на томъ мѣстѣ, гдѣ я упала, нашли осыпавшіеся лепестки розъ, вѣроятно изъ моего букета, и это нашимъ дамамъ показалось очень поэтичнымъ.

«Начались приготовленія къ поѣздкѣ въ Москву[1]), гдѣ Дворъ долженъ былъ поселиться на зиму. Дѣлалось это съ цѣлью поднять духъ древней столицы, истребленной въ 1812 г. пожаромъ. Передъ отъѣздомъ, мы возвратились въ Аничковскій дворецъ, въ которомъ почти не жили еще вовсе. Мы устроили тамъ маскированный вечеръ для нашего всегдашняго Павловскаго общества».

О маскарадѣ этомъ сохранились любопытныя подробности въ письмѣ фрейлины Александры Ив. Архаровой (1795 — 1855 г.)[2]), участвовавшей въ этомъ веселомъ семейномъ праздникѣ.

«Маскарадъ 13-го сентября былъ прелестенъ; я веселилась на немъ гораздо болѣе, чѣмъ ожидала, и несмотря на малое

---

[1]) Императоръ Александръ I выѣхалъ изъ С.-Петербурга 24-го августа, о чемъ сообщалось въ № 70 «Спб. Вѣдомостей»; въ эту поѣздку Государь проѣхалъ чрезъ Могилевъ и Бобруйскъ въ Черниговъ, Кіевъ и Кременчугъ, а оттуда въ Москву, гдѣ собралось все Императорское семейство.

[2]) «Рус. Арх.», 1867 г., стр. 1028—36.

число гостей, маскамъ удалось интриговать отлично. Угадай, кто особенно оживлялъ общество и восхитительно разыгрывалъ роль маски? Бьюсь объ закладъ на тысячу противъ одного, что ты не отгадаешь. Императрица Елисавета. Но надобно тебѣ разсказать подробности. Начну съ того, что, пріѣхавъ первыя, мы прошли на половину Маріи Яковлевны Нарышкиной, которая по болѣзни не выходила. Мы застали у нея княгиню Волконскую, наряженною пилигримкой; маменька никакъ не могла ее узнать: то принимала она ее за княжну Туркестанову, то за Кочетову. Это насъ до крайности забавляло. Тамъ же были Кологривовъ, наряженный смѣшнымъ старикомъ, и Софья Нелединская въ костюмѣ крестьянки, который къ ней очень шелъ. Мы всѣ вмѣстѣ поднялись на верхъ. Тамъ уже было нѣсколько масокъ. Александръ Соллогубъ въ костюмѣ аббатиссы интриговалъ всѣхъ; но никто не могъ узнать. Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, всегда со своими осторожностями, вообразилъ, что это какой-нибудь незваный гость и выпроводилъ бы его, если-бъ я не предупредила. Странно то, что въ теченіе всего вечера онъ не былъ узнанъ. Онъ такъ хорошо игралъ свою роль, что В. К. Николай Павловичъ и Императрица Елисавета, которыхъ онъ много интриговалъ, приняли его за вдовствующую Императрицу. Но возвращаюсь къ моему разсказу. Великій Князь и принцъ Вильгельмъ Прусскій были наряжены старыми нѣмецкими военными. На Великомъ Князѣ была надѣта маска съ огромною бородавкою; онъ шелъ подъ-руку съ дамой въ старинномъ, очень смѣшномъ нѣмецкомъ костюмѣ; принцъ—тоже. Они узнали другъ друга, какъ бы старые товарищи, участвовавшіе въ Семилѣтней войнѣ. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна явилась въ костюмѣ индійскаго принца, который былъ прелестенъ. Этимъ временемъ пришла графиня Ливенъ и шепнула маменькѣ, что Императрица ждетъ меня въ покояхъ княгини Волконской и что она желаетъ войти въ залу вмѣстѣ со мною. Тотчасъ же я спустилась по большой лѣстницѣ и велѣла себя проводить въ комнаты княгини. Нахожу Императрицу, стоящую съ камеръ-фрейлиной Нелидовой и своей камеръ-юнгферой, Яковлевой. На ней былъ костюмъ волшебника и замаскирована она была на-глухо. Нелидова была въ сарафанѣ. Я была въ маскѣ; Импе-

ратрица позвала меня и спросила: я-ли Архарова. Я отвѣтила утвердительно и сказала, что пришла по приказанію гр. Ли-

Аничковскій дворецъ.

венъ. Тогда она спросила, узнаю-ли я ее, и нашла мой костюмъ прелестнымъ; и дѣйствительно, онъ мнѣ очень удался. Она послала Нелидову другимъ ходомъ, а мнѣ сказала, что войдетъ

*

въ залу одна, вмѣстѣ со мною. Я подаю ей руку, и мы всходимъ на лѣстницу, проходимъ черезъ аванзалу и минуемъ нѣсколько залъ, не будучи узнаны никѣмъ. Дорогой она спросила меня, пріѣхала-ли уже Императрица Елисавета, вышла-ли Великая Княгиня; какъ наряженъ Великій Князь и т. д. Когда я довела ее до того мѣста, гдѣ находилось все общество, она оставила мою руку, начала произносить заклинанія и интриговать масокъ. Между ними были очень смѣшныя: князь Антонъ Радзивиллъ и княжна Туркестанова, съ одной стороны, въ костюмахъ аббата и аббатиссы, съ другой—въ рыцарскомъ и очень нарядномъ дамскомъ. Это было очень смѣшно; лица у нихъ были также двухстороннія: одна половина красная, а другая—набѣленная; съ одной стороны усъ и мушка, а съ другой—ничего. Наконецъ, приходитъ Императрица Елисавета въ бѣломъ домино, съ капюшономъ на головѣ, подушкой спереди, на-глухо замаскированная, и до того разговорчивая и въ веселомъ расположеніи духа, что я не могла рѣшиться и подумать, чтобъ это была она, хотя должна была быть въ томъ увѣрена, ибо все общество было въ полномъ сборѣ, а фрейлины ея пришли раньше. Она подошла къ намъ, говорила, перемѣнивъ голосъ; особенно много она интриговала Софью Самойловну, разсказывая ей со всѣми подробностями объ институтѣ. Радзивиллъ ангажировалъ ее на вальсъ, она отвѣчала: «и желала бы; но я для этого слишкомъ стара». Особенно странно было видѣть, что она веселилась отъ души. Наконецъ, когда дамы стали снимать маски, она надѣла черное домино и капюшонъ. Что до меня касается, то я начала балъ вальсомъ съ Великимъ Княземъ. Онъ перемѣ-

Императрица Елизавета Алексѣевна.

нилъ костюмъ и одѣтъ былъ черкесомъ съ бородой, безъ маски. Онъ былъ восхитителенъ и говорилъ мнѣ, что онъ «обновляетъ со мною домъ и эту залу, въ которой еще никто не танцовалъ»[1]). Было много масокъ, о которыхъ я тебѣ не сказала и очень смѣшныя, между прочими Кочетова[2])въ кофточкѣ и бабушкиной «стеганой» атласной юбкѣ, въ старинной прическѣ и на красныхъ каблукахъ. Я также привезла съ собою «самару» и также хотѣла вырядиться въ смѣшной костюмъ, но не вырядилась по лѣности, а уступила его Варварѣ Ушаковой. Послѣ танцевъ и многихъ дурачествъ пошли къ ужину. Послѣ ужина Императрица уѣхала, но Великая Княгиня пожелала, чтобы танцы продолжались».

Говоря объ этомъ маскарадѣ въ своихъ «воспоминаніяхъ», Императрица Александра Ѳеодоровна замѣчаетъ: «всѣ были замаскированы съ головы до ногъ. Maman — волшебницею, Императрица Елисавета Алексѣевна — летучею мышью; я — индійскимъ принцемъ, съ чалмой изъ шали, въ длинномъ ниспадающемъ верхнемъ платьѣ и широкихъ шараварахъ изъ восточной ткани. Когда я сняла маску, мнѣ наговорили массу комплиментовъ».

---

[1]) Эти слова вставлены по-русски во французскій текстъ.

[2]) Другой камеръ-пажъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны — Гангебловъ разсказываетъ, какъ онъ въ павловскомъ паркѣ напугалъ эту Кочетову и какъ трусилъ ея жалобы: «Когда Государыня съ Великою Княгинею проходили черезъ комнату, гдѣ мы ихъ ожидали, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, поровнявшись со мной, усмѣхнулся и мнѣ въ полголоса сказалъ: «Съ побѣдой!» Худо, подумалъ я. Сѣли за столъ (расположенный глаголемъ); фрейлины всѣ вмѣстѣ сидѣли сбоку, у меня на виду; между ними и Кочетова. Она большую часть обѣда съ ними тараторила; онѣ шушукались, поглядывали на меня и смѣялись. Я былъ какъ на ножахъ. Къ довершенію несчастія, Великой Княгини пришла охота переговариваться знаками съ одной изъ фрейлинъ: она указываетъ ей на лѣвый рукавъ платья и прижимаетъ его къ груди, а та дѣлаетъ знакъ, что не понимаетъ. Великая Княгиня, поворотивъ ко мнѣ голову, говоритъ: «Dites à la comtesse Samoilow que c'est ma couleur favorite». Пока я шелъ, у меня кружилась голова, рябило въ глазахъ. Я наклонился къ самому ушку графини, навралъ ей чепуху, и когда повернулся, чтобы идти къ своему мѣсту, услышалъ за собой взрывъ молодаго смѣха. Вечеромъ, передъ выходомъ къ собранію, Великій Князь Михаилъ Павловичъ потѣшился вдоволь надъ моей «aquipée». («Рус. Арх.» 1886 г., т. 3, стр. 198).

«Мы покинули Петербургъ 18-го сентября [1]). По предписанію докторовъ пробыли мы въ дорогѣ ради меня 12 дней. Впослѣдствіи я слышала, будто Императрица Екатерина, будучи Великой Княгиней, на этотъ путь и по той же причинѣ употребила шесть недѣль».

Въ началѣ 1817 года былъ сдѣланъ первый шагъ введенія въ Россіи шоссированныхъ дорогъ. Работы начаты отъ Петербурга до Москвы и лишь къ 1825 году оконченъ участокъ до Новгорода, 180 верстъ [2]). Конечно, дороги, хотя и не шоссированныя, были приведены въ порядокъ для проѣзда Высочайшихъ особъ, но осеннее время все-таки сказывалось. Но за то въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1817 г., № 100) сообщалось: «Пріѣзжающіе изъ Петербурга въ одинъ голосъ превозносятъ похвалами почтовые дома, состоящіе на станціяхъ: Черногрязской, Подсолнечной, Спаско-полистской и Померанской, гдѣ открыты гостиницы, и проѣзжающіе находятъ въ нихъ покойный ночлегъ, изобильное и отлично изготовленное кушанье. Цѣны за все назначены умѣренныя, такъ что проѣзжающіе платятъ иногда добровольно прибавку. На одной изъ станцій (Спаско-полистской) одинъ путешественникъ сказалъ: «Право, жаль, что этого дома нельзя взять съ собою; я бы не желалъ жить въ лучшемъ домѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Парижѣ». Увѣряютъ многіе изъ проѣзжающихъ, что подобныхъ домовъ на станціяхъ нѣтъ во всей Европѣ».

По всей вѣроятности эти дома служили для продолжительныхъ остановокъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровнѣ, которая говоритъ: «Я страдала тошнотою и испытывала отвращеніе къ нѣкоторымъ блюдамъ и запахамъ, но вообще чувствовала себя какъ нельзя лучше, а длинное это путешествіе совершила весьма пріятно, такъ какъ ѣхала съ мужемъ, и мы не мало ребячились, къ тому же мой братъ

---

[1]) Объ отъѣздѣ Ихъ Высочествъ и прусскаго принца Вильгельма 18-го сентября изъ Петербурга было напечатано въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (№ 77, 1817 г.), а о пріѣздѣ въ Москву въ 10-мъ часу пополудни 30-го сентября въ «Московскихъ Вѣдомостей», № 79.

[2]) «Сбор. Историч. Общ.», т. 98, стр. 555.

Вильгельмъ былъ еще съ нами. Въ Клинѣ мы дождались прибытія вдовствующей Государыни и Императора Александра. Ихъ Императорскія Величества не совершали торжественнаго въѣзда въ Москву; всякій изъ насъ добрался туда самъ по себѣ ночью. Проснувшись поутру, я подошла къ окну и, когда увидѣла великолѣпный видъ, открывавшійся на Москву, которая разстилалась словно панорама у моихъ ногъ, и сердце мое забилось: я поняла Россію и стала гордиться тѣмъ, что принадлежу ей!»

Совершенно справедливо сказалъ поэтъ:

Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ,
По цѣлой Руси изъ Кремля.

Въ Москвѣ выковалась государственность русскаго народа; здѣсь сложилось русское царство, выработались разныя стороны нашего быта, коими до сихъ поръ объединяется и укрѣпляется матушка Россія. Недаромъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III съ глубокой мѣткостью сказалъ: «Москва — это храмъ, а Кремль—это его алтарь». Дѣйствительно, Москва готова была стать храмовыми святцами, ибо въ до-петровской Руси, въ Москвѣ, то въ томъ, то въ другомъ концѣ слышался звонъ храмоваго праздника. Позже, главою Россіи, хотя и сталъ Петербургъ, но сердцемъ ея продолжаетъ оставаться Москва...

«Въ то время Москва, говоритъ камеръ-пажъ Дараганъ [1]), не успѣла еще оправиться отъ нашествія французовъ и пожара. Вездѣ, даже на главныхъ улицахъ, напримѣръ Тверской, виднѣлись обгорѣлые остовы стѣнъ, закоптѣлые, полуразрушенные дома, забранные заборомъ пустыри. Но эти слѣды разрушенія не вызывали, какъ обыкновенно, грустнаго сожалѣнія; оно пересиливалось отраднымъ чувствомъ національной гордости. Недавнія бѣдствія и пламя пожара Москвы блѣднѣли предъ блескомъ славы и величія, озарявшимъ Россію. Ожидая пріѣзда Государя, Москва хлопотала и старалась по возможности укрыть эти слѣды разрушенія; вездѣ строилось, краси-

[1]) «Рус. Стар.», т. XIII, стр. 2—3.

лось, очищалось. Тысячи народа стекались въ городъ, и населеніе его съ каждымъ днемъ увеличивалось; изъ Петербурга приходили отряды гвардіи; изъ отдаленныхъ концовъ Имперіи пріѣзжали дворяне съ семействами. Казалось, вся Россія, готовилась привѣтствовать въ матушкѣ Москвѣ-искупительницѣ своего Монарха, побѣдителя непобѣдимаго Наполеона, умиротворителя Европы. Въ ожиданіи пріѣзда Двора, время проходило пріятно и весело.

Наконецъ, 30-го сентября Государь и Императорская Фамилія прибыли въ Москву. Прежній Кремлевскій дворецъ былъ мало помѣстителенъ. Для Великаго Князя Николая Павловича съ супругой было приготовлено Троицкое подворье (въ Чудовомъ монастырѣ), гдѣ помѣщеніе, хотя было просторнѣе, чѣмъ въ Павловскѣ, но не особенно роскошно».

Про это помѣщеніе вотъ что говоритъ, въ письмѣ къ издателю «Русскаго Архива» [1]), г. М. Евреиновъ:

«По сосѣдству съ монастырскою стѣною находился двухъ-этажный домъ, принадлежавшій московскому митрополиту Платону, съ имѣвшимся на фронтонѣ его вензелемъ. Въ 1817 г. прибыла въ Москву Императорская фамилія и не на краткое время. За тѣснотою бывшаго тогда Кремлевскаго дворца, Великій Князь Николай Павловичъ со своею супругою занялъ сей митрополичій домъ, въ которомъ 17-го апрѣля и родился Императоръ Александръ II. По сему случаю домъ сей причисленъ къ придворному вѣдомству и названъ малымъ Николаевскимъ дворцомъ; впослѣдствіи, уже въ царствованіе Николая I, надстроенъ надъ домомъ симъ третій этажъ и пристроена къ нему галлерея, ведущая изъ дворца прямо въ Чудовскую церковь съ четыреугольною надъ нею башнею въ древнемъ вкусѣ. Въ нижнемъ этажѣ находилась церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Противъ сего дворца на Кремлевской площади стояла небольшая церковь Святителя Николая, именуемая Гостунскимъ соборомъ; въ 1818 г. или 1819 г. она была сломана для расширенія площадки, предназначенной для разводовъ».

---

[1]) См. «Рус. Арх.» 1877 г., т. III, стр. 180.

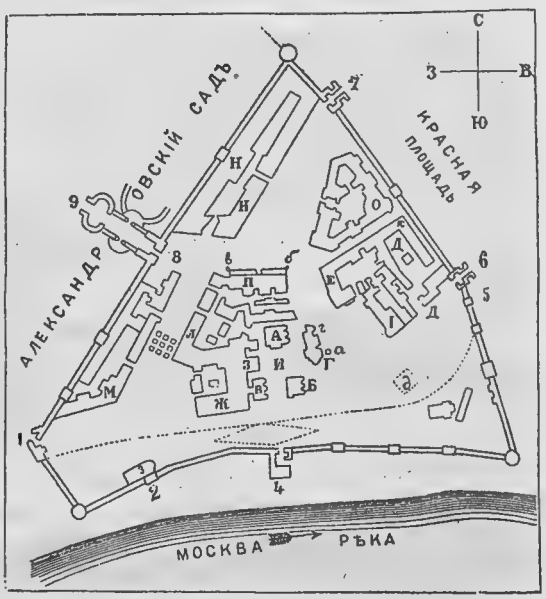
Для того, чтобы читатель видѣлъ, гдѣ помѣщалось Троицкое подворье, прилагаемъ современный планъ Кремля.

Октября 1-го, въ день Покрова, Государь съ всею Царскою фамиліею показался народу. «Съ ранняго утра, говоритъ Дараганъ, со всѣхъ концовъ Москвы волны народа устремились въ Кремль и скоро залили всю Кремлевскую площадь. Изъ оконъ дворца я любовался невиданнымъ мною дотолѣ зрѣлищемъ. Все пространство до рѣки было покрыто сплошною массою народа и только виднѣлись поднятыя вверхъ головы

1. Боровицкія ворота.
2. Благовѣщенская башня.
3. Ц. Благовѣщ. на Житн. дворѣ.
4. Тайницкія ворота.
5. Набатная башня.
6. Спасскія ворота.
7. Никольскія ворота.
8. Троицкія ворота.
9. Башня Кутафья.

А. Успенскій соборъ.
Б. Архангельскій соборъ.
В. Благовѣщенскій соборъ.
Г. Иванъ Великій.
Д. Вознесенскій монастырь.
Е. Чудовъ монастырь.
Ж. Николаевскій кремлевскій дворецъ.
З. Грановитая палата.
И. Ивановская площадь.
І. Малый Никольскій дворецъ.
К. Синодальный домъ.
Л. Кавалерскій корпусъ.
М. Оружейная палата.
Н. Арсеналъ.
О. Судебныя учрежденія (прежній сенатъ).
П. Кремлевскія казармы.

а. Царь-колоколъ.
б. Царь-пушка.
в. Единорогъ-пушка.
г. Филаретовская пристройка при Иванѣ Великомъ.
д. Мѣсто для памятника Императору Александру II-му.



Планъ Московскаго Кремля.

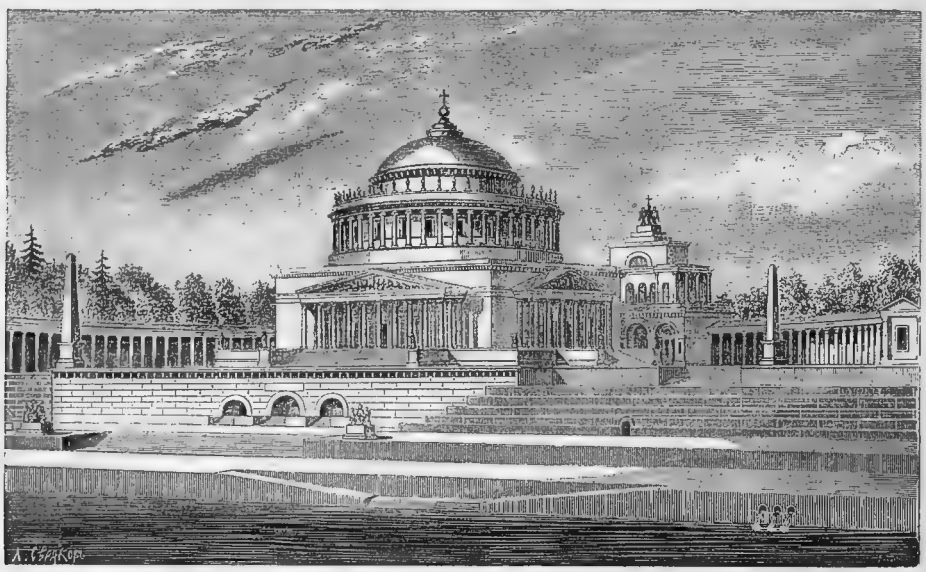
съ глазами, устремленными на дворецъ. Все это стояло въ безмолвномъ ожиданіи выхода царя.

«Въ 10 часовъ, Государь, въ сопровожденіи обѣихъ Императрицъ, вышелъ на красное крыльцо. По древнему обычаю, поклонился онъ на три стороны народу. Не одинъ обычный крикъ «ура!» встрѣтилъ и сопровождалъ Императорское семейство до вступленія его въ Успенскій соборъ Нѣтъ, тутъ вырывались слова любви изъ души восторженнаго народа. «Да здравствуетъ Государь! да здравствуетъ нашъ отецъ! наше красное солнышко! наши желанные!» На глазахъ обѣихъ Императрицъ и Великой княгини Александры Ѳеодоровны показались слезы. Всѣ присутствовавшіе были тронуты».

Съ такою торжественною церемоніею Императорская фамилія обошла кремлевскіе соборы.

Не легко было вынести все это Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Мнѣ пришлось пролежать въ постели, а затѣмъ на кушеткѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней; настолько утомили колѣнопреклоненія мои ноги, я даже съ трудомъ могла двигать ими».

Дѣйствительно, только 11-го октября состоялось представленіе Великому Князю Николаю Павловичу и Великой Кня-



Видъ храма Христа Спасителя.
(По проекту Витберга).

гинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ московскихъ чиновниковъ первыхъ V классовъ и штабъ-офицеровъ.

На слѣдующій день, 12-го октября, «въ достопамятный день, какъ писали «Московскія Вѣдомости», въ который совершилось пятилѣтіе со времени освобожденія Москвы отъ непріятеля», совершилась закладка храма Спасителя, на Воробьевыхъ горахъ, по проекту академика Витберга [1]).

[1]) «Записки А. Л. Витберга», см. въ «Рус. Старинѣ» 1872 г. Витбергъ, представивъ проектъ колоссальнаго храма, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ и хозяйственный способъ сооруженія, по которому избѣгалась подрядная система, и взамѣнъ ежегодныхъ отпусковъ отъ казны испрашивался единовре-

13-го октября, въ субботу, Ихъ Величествамъ Императрицамъ и Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ представлялись московскія дамы.

Во вторникъ, 15-го октября, въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Успенскомъ соборѣ была совершена литургія, а вечеромъ состоялся балъ въ Грановитой палатѣ.

Послѣ этого праздники прекратились, по случаю кончины Его Королевскаго Высочества, герцога Людвига Виртембергскаго (брата Императрицы Маріи Ѳеодоровны) и Ея Королевскаго Высочества, супруги эрцъ-герцога, палатина Венгерскаго, эрцъ-герцогини Гермины, урожденной принцессы Ангальтъ-Бернбургъ-Шаумбургской. Трауръ былъ наложенъ по первомъ на 6 недѣль, а по второй—на 2 недѣли [1]).

Наконецъ, 8-го ноября былъ данъ балъ московскими дворянами, на который съѣхалось 3.580 человѣкъ. Ихъ Величества и Ихъ Высочества прибыли въ 8 часовъ вечера и послѣ танцевъ и великолѣпнаго ужина изволили еще танцовать поль-

---

менный кредитъ въ 10 милліоновъ рублей, для покупки помѣщичьихъ имѣній съ 18.600 душъ крестьянъ; изъ нихъ 3.500 тяглъ, или семействъ, должны были употребляться въ теченіе 6-ти лѣтнихъ мѣсяцевъ на строеніе храма, а 2.000 на заготовку и поставку матеріаловъ. Всѣ имѣнія, поступившія въ вѣдѣніе коммиссіи храма, по окончаніи строенія должны были войти въ общій составъ государственныхъ крестьянъ, возвративъ казнѣ употребленный на ихъ пріобрѣтеніе капиталъ—10 милліоновъ. Экономическій этотъ проектъ былъ утвержденъ, а при исполненіи улучшился еще тѣмъ, что, вмѣсто предположенныхъ 18.600 душъ, на ту же сумму было пріобрѣтено до 24.000, за что Витбергъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени.

По происками всесильнаго въ то время графа Аракчеева, который былъ недоволенъ тѣмъ, что коммиссія построенія была не у него въ рукахъ, Витбергъ вмѣстѣ съ другими лицами былъ преданъ суду и указомъ 1812 г. признанъ виновнымъ въ злоупотребленіяхъ и противузаконныхъ дѣйствіяхъ въ ущербъ казнѣ. Въ вознагражденіе убытка казны описаны были имѣнія подсудимыхъ, и, сверхъ того, Витбергъ, хотя и признанъ отчасти подлежащимъ прощенію по манифесту 1826 г., но тѣмъ не менѣе въ 1835 г. былъ сосланъ въ Вятку.

[1]) «Спб. Вѣдомости» 1817 г., № 87.

скій и возвратились во дворецъ въ третьемъ часу по полуночи. Въ ту же ночь прибылъ въ Москву Великій Князь Михаилъ Павловичъ изъ путешествія по Россіи, а 15-го ноября московскіе дворяне повторили свой балъ.

«Обыкновенно передъ выѣздомъ Великой Княгини, говоритъ ея камеръ-пажъ Дараганъ, на балъ, я приходилъ въ Троицкое подворье, получалъ отъ камердинера флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ и духами, перемѣнныя перчатки и носовые платки; размѣстивъ все это по карманамъ, я отправлялся туда, гдѣ былъ назначенъ балъ. Тамъ, въ пріемной, встрѣчалъ я Великаго Князя и Великую Княгиню, принималъ ея шаль, которую укладывалъ на руку и слѣдовалъ за ними въ бальную залу. Великая Княгиня любила танцы. Всѣ восхищались ея юностью и миловидностью, граціей ея движеній и прелестнымъ, стройнымъ станомъ, къ которому такъ шелъ бальный нарядъ того времени. Любопытныя московскія дамы окружали меня, однѣ просили пощупать шаль Великой Княгини, другія—посмотрѣть ея носовой платокъ. Разспросы о ея туалетѣ, о ея занятіяхъ сыпались со всѣхъ сторонъ. Но мнѣ часто приходилось досадовать на любопытство и разспросы хорошенькихъ московскихъ дамъ, мѣшавшихъ мнѣ слѣдить за Великой Княгиней, чтобы не пропустить ея призывнаго знака. Танцы того времени были не разнообразны. Польскій, замѣнившій минуэтъ, продолжался довольно долго и повторялся для отдыха нѣсколько разъ во время бала. Потомъ шелъ круглый польскій съ вальсомъ, экосезъ, самый продолжительный и веселый изъ тогдашнихъ танцевъ, гавотъ и опять польскій. Во время танцевъ дамы не садились, танцовали только изъ удовольствія потанцовать и выказать свое хореографическое искусство».

24-го ноября, въ день тезоименитства Великой Княгини Екатерины Павловны, была совершена литургія въ Успенскомъ соборѣ и въ этотъ день баталіонъ л.-гв. Семеновскаго полка праздновалъ храмовой праздникъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, въ селѣ Семеновскомъ, гдѣ былъ Государь и Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи; угощеніе было въ домѣ купцовъ Алексѣевыхъ. Затѣмъ 30-го ноября происходило освященіе отстроеннаго манежа, въ присутствіи Москов-

скаго генералъ-губернатора графа А. П. Тормасова [1]), у котораго 28-го декабря состоялся балъ.

Графъ А. П. Тормасовъ.

Съ 30-го августа 1814 г. по день своей кончины († 13-го ноября 1819 г.) графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ занималъ важный постъ главнокомандующаго Москвы; жители первопрестольной благодарили Императора за дарованіе имъ начальника, который, «сохраняя законы, былъ равно внимателенъ къ богатому и бѣдному, сильному и слабому, въ чести сущему и въ убожествѣ пребывающему». Въ 1816 г. Императоръ Александръ, изъявляя признательность Москвѣ особою грамотою, данною 30-го августа, тогда же возвелъ Тормасова въ графское достоинство [2]).

Среди баловъ и развлеченій Великая Княгиня Александра

---

[1]) Государь Александръ Павловичъ, очевидно, былъ доволенъ порядкомъ, встрѣченнымъ въ Москвѣ, такъ какъ тамошній полиціймейстеръ, полковникъ Брокеръ, былъ переведенъ на ту же должность въ Петербургъ (см. «Спб. Вѣд.» № 96). Адамъ Фед. Брокеръ былъ московскимъ полиціймейстеромъ въ 1812 г., при гр. Ѳ. В. Ростопчинѣ, и сохранилъ съ нимъ дружбу. По поводу этого назначенія гр. Ростопчинъ писалъ Брокеру: «Весьма лестно для васъ получить мѣсто въ пребываніе Государя и столь необыкновеннымъ образомъ вмѣсто отставки. Сперва васъ Тормасовъ гналъ, а послѣ нашелъ нужнымъ. Признайтесь, что лестно и почтенно служить честно, но куда тяжело! Если бы вы получили отставку, то кубка бы не получить, а это расчетъ плута головы; подумалъ: ну, не равно со временемъ нагрянетъ въ Москву оберъ-полиціймейстеромъ» («Рус. Арх.» 1868 г., стр. 1913).

[2]) Въ 1839 г. единственный сынъ графа Тормасова, Александръ, окончилъ жизнь самоубійствомъ и съ нимъ прекратился родъ графовъ Тормасовыхъ. Товарищъ его юности, покойный вице-президентъ Академіи Наукъ, Викторъ Яковлевичъ Буняковскій, 21 года былъ признанъ докторомъ математическихъ наукъ въ Парижѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ жилъ Тормасовъ.

Ѳеодоровна принялась серьезно за уроки русскаго языка. «Въ учителя мнѣ былъ, говоритъ она, данъ Василій Андреевичъ Жуковскій [1]), въ то время уже извѣстный поэтъ; но человѣкъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики, какое-нибудь отдѣльное слово рождало въ немъ идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила для бесѣды; такимъ образомъ проходили уроки. Поэтому русскій языкъ я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ оказывался на столько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ».

В. А. Жуковскій.

«Въ личности Жуковскаго, говоритъ Гриммъ, было нѣчто дѣтски-простосердечное, дѣвственно-робкое, въ обращеніи съ людьми онъ былъ не только не развязенъ, но положительно застѣнчивъ; впрочемъ, это послѣднее свойство уступало его искренности и душевной глубинѣ тамъ, гдѣ онъ встрѣчался съ существами, сродными ему. Онъ первый изъ окружающихъ понялъ высокоженственную натуру Великой Княгини, и во всю послѣдующую его жизнь она осталась для него идеаломъ женщины».

---

[1]) 22-го октября 1817 г. была первая лекція Жуковскаго; новая дѣятельность пришлась поэту по сердцу, и онъ съ жаромъ принялся за нее, тѣмъ болѣе, что въ своей царственной ученицѣ онъ встрѣтилъ высокую душу. Къ этому времени относится слѣдующая запись въ дневникѣ поэта:

27-го (октября), суббота. Моей лекціи не было: Великая Княгиня нездорова. Я люблю свою должность, и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ею заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастіе быть *привязаннымъ* къ тому, что *должно*. Я надѣюсь современемъ сдѣлать уроки свои весьма интересными. Они будутъ не только со стороны

По вечерамъ образовался избранный кружокъ въ кабинетѣ Александры Ѳеодоровны, въ которомъ не умѣщалось болѣе 12-ти человѣкъ. На этихъ интимныхъ собраніяхъ Императоръ Александръ и обѣ Императрицы не появлялись почти никогда, что́ еще болѣе способствовало образованію того свободнаго, изящно непринужденнаго тона, которымъ впослѣдствіи такъ рѣзко отличался Зимній дворецъ отъ всѣхъ почти европейскихъ дворовъ и въ особенности отъ строгаго этикета дворовъ предъидущихъ царствованій.

«Я познакомилась съ двумя дамами, говоритъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, которыя часто бывали на этихъ вечерахъ, Кутузовою [1]) женою того, который сопровождалъ моего жениха въ Англію, въ качествѣ ментора; другою же была княгиня Трубецкая, молодая женщина моихъ лѣтъ, красавица собою, умница и очень осторожная, хотя и бывшая замужемъ за некрасивымъ старикомъ, обожавшимъ ее, впрочемъ. Графиня Орлова (Анна Алексѣевна) съ перваго же дня моего пріѣзда въ Петербургъ выказала мнѣ столько дружескаго состраданія и жалости (такъ какъ молодая принцесса, оторванная отъ семьи, въ новой для нея странѣ и среди новаго міра, казалась ей вполнѣ достойной сочувствія), что это сразу пріобрѣло ей мое расположеніе. Я часто видалась съ нею въ Москвѣ; ей былъ пожалованъ Императорскій портретъ для ношенія 12-го декабря 1817 г., и хотя она была еще очень молода и при томъ чуть-ли не самая богатая изъ русскихъ аристократокъ, но не пожелала выйти замужъ. Я бывала часто у

языка ей полезны, но дадутъ пищу размышленію и подѣйствуютъ благодѣтельнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ, до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: *извнѣ и внутри души.* Честолюбіе молчитъ; въ душѣ одно желаніе добраго. Безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность! Поэзія! Свобода! Заслуженное уваженіе по чистотѣ намѣреній и дѣлъ, желаніе добра всѣмъ и сердечная увѣренность, что не буду ни скѣмъ соперникомъ и не огорчусь потерею выгодъ, ибо не ищу ихъ—вотъ теперь мое положеніе. Да сохранитъ Богъ его неизмѣннымъ». «Рус. Вѣст.» 1889 г., августъ, стр. 357.

[1]) Урожденная Екатерина Петр. Неклюдова.

Императрицы Елисаветы, которая относилась ко мнѣ въ то время весьма дружественно.

«Моя кузина Марія Виртембергская также часто посѣщала насъ. Мы обѣдали или проводили вечера у maman; по воскресеньямъ бывалъ обѣдъ, на который приходилось являться въ платьяхъ со шлейфомъ, и такой же парадный вечеръ, на которомъ можно было умереть съ тоски».

«Обѣдали, говоритъ Дараганъ, за круглымъ столомъ; возлѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, по правую руку, сидѣла Императрица Елисавета Алексѣевна, по лѣвую—Императоръ, подлѣ него—Великая Княгиня, Великій Князь, потомъ семейство герцога Александра Виртембергскаго. Возлѣ Императрицы Елисаветы Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Служить за этимъ фамильнымъ столомъ было для меня наслажденіемъ. Стоя за стуломъ Великой Княгини, я могъ не только любоваться Императоромъ, но могъ слышать каждое его слово, даже одиночный разговоръ съ Александрой Ѳеодоровной. Она напоминала ему свою мать, прелестную Луизу, которой онъ былъ преданъ до ея смерти. Можетъ быть, это воспоминаніе усиливало то рыцарское, нѣжное, задушевное обращеніе, съ которымъ онъ относился къ Великой Княгинѣ».

Тишина домашней жизни великокняжеской четы въ эти мирные мѣсяцы нарушилась слѣдующимъ обстоятельствомъ:

«Подъ Рождество, при нашемъ маленькомъ Дворѣ, говоритъ Александра Ѳеодоровна, случилось событіе, о которомъ я должна упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ: нашъ маршалъ К. А. Нарышкинъ дѣлалъ ежеминутно непріятности моему мужу; за малѣйшую шутку онъ сердился до того, что то зеленѣлъ, то желтѣлъ отъ злости. Кромѣ того, онъ пытался не разъ дѣлать Великому Князю неумѣстныя замѣчанія на мой даже счетъ. Человѣкъ въ высшей степени желчный, онъ иногда впадалъ въ змѣиную злость; всѣ ненавидѣли его и удалялись при его приближеніи. Однимъ словомъ, я чувствовала, что не могу быть покойной, пока этотъ человѣкъ будетъ при нашемъ Дворѣ. Имѣть въ такомъ маленькомъ кружкѣ постоянно возлѣ себя человѣка, который кляузничаетъ, говоритъ съ злымъ умысломъ колкости — было невыносимо, и хотя многіе принимали въ немъ участіе, но у меня хватило харак-

тера поставить на своемъ и добиться того, чтобы онъ оставилъ это мѣсто. Я думаю, меня за это осуждали [1]) и находили характеръ мой не достаточно покладистымъ, но я сознавала, что это вопросъ слишкомъ важный, тутъ дѣло шло о мирѣ, о спокойствіи въ нашемъ домѣ: я исполнила свой долгъ и никогда въ этомъ не раскаявалась. Послѣдствія доказали, что характеръ у меня былъ довольно покладистый. Жена Нарышкина, Марія Яковлевна, столь же красивая, сколько кроткая и добрая... Нарышкинъ [2]) покинулъ нашъ Дворъ и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Моденъ».

Наканунѣ Рождества въ первый разъ на Руси, по желанію Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, зажглась германская рождественская елка [3]), такъ быстро завоевавшая себѣ права гражданства по всей Россіи у молодого поколѣнія.

[1]) «Но это обвиненіе, пишетъ Гриммъ, пало передъ неизмѣнной кротостью и снисхожденіемъ, оказанными Государынею въ теченіе сорока лѣтъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ при ней въ какой бы то ни было должности». Графъ М. Д. Бутурлинъ также говоритъ: «не могу удержаться не высказать, что Императрица Александра Ѳеодоровна была буквально обожаема ея приближенными и проста въ обращеніи съ ними и была мягкаго чувствительнаго сердца». «Рус. Арх.» 1898 г., кн. 3, стр. 423.

[2]) Нарышкинъ былъ пожалованъ въ Гофмаршалы Двора Его Императорскаго Величества 21 декабря 1817 г. («Спб. Вѣдомости» 1817 года, № 64). Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая снова былъ сдѣланъ гофмаршаломъ, затѣмъ оберъ-гофмаршаломъ пожалованъ 13 апрѣля 1829, а 2-го апрѣля 1838 въ званіе оберъ-Гофмейстера. Женатъ былъ на княжнѣ М. Я. Лобановой-Ростовской, которая скончалась въ Гейдельбергѣ въ 1854 г. Оба погребены въ Невской лаврѣ.

[3]) Еще до эпохи реформаціи въ Германіи 24 декабря каждый домъ устраивалъ у себя райское дерево и праздникъ этотъ сталъ, такъ сказать, національнымъ. Въ эпоху среднихъ вѣковъ, на праздникахъ Рождества Христова, въ западной Европѣ для народа устраивались зрѣлища, имѣвшія отношенія къ этому дню. На такихъ зрѣлищахъ представлялись всегда Адамъ и Ева, а также можно было видѣть на сценѣ змія и зеленое райское дерево. Ученые того времени старались разрѣшить вопросъ: къ какой именно породѣ принадлежало райское дерево, плоды котораго повели человѣка къ грѣхопаденію. Въ Шампаньи утверждали, что это виноградная лоза, а въ Германіи и вообще во всей средней и сѣверной Европѣ признавали плоды этого дерева яблоками, не только ради ихъ заманчиваго румянца, но и по поводу игры словъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ «malum», значитъ зло, а «e malo»—съ яблони. Такимъ образомъ яблоня сдѣлалась чудеснымъ символомъ исторіи человѣчества отъ Адама до Христа. Дерево со змѣею давало

«Въ это время, говоритъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, Аракчеевъ [1]) былъ самымъ главнымъ совѣтникомъ при Императорѣ. Онъ былъ необходимъ ему и работалъ съ нимъ ежедневно. Черезъ его руки проходили почти всѣ дѣла. Этого человѣка боялись, его никто не любилъ и я никогда не могла понять, какимъ способомъ онъ съумѣлъ удерживаться въ милости Императора Александра до самой его кончины.

Графъ А. А. Аракчеевъ.

Другою личностію, пользовавшеюся особою милостью и дружбою Императора, былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ [2]). Проведя молодость бурно, онъ отличался впослѣдствіи набожностью. Таково же было и настроеніе Императора. Великія событія 1812, 13 и 14 г.г. глубоко потрясли его умъ;

плоды смерти. Дерево, сравниваемое съ крестомъ, олицетворяло Самого Христа, несшаго съ собою плоды жизни. За неимѣніемъ «зеленой яблони» на Рождество въ Германіи стали считать райскимъ деревомъ ель—die Tanne, имѣющее большое сходство съ другимъ словомъ древне-германскаго языка «der Tann», которое въ средніе вѣка означало то же, что въ священномъ писаніи называется Эдемомъ, т. е. садъ, рай. См. нами составленный очеркъ «Какъ праздновалъ и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово». Изд. Ледерле. Спб. 1895 г.

[1]) Графъ Л. Н. Толстой въ романѣ «Война и миръ» приводитъ разговоры современниковъ о гр. Аракчеевѣ, которые называли его не Алексѣемъ Андреевичемъ, а Силою Андреевичемъ.

[2]) Тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія, а 1 января 1818 года и Духовныхъ Дѣлъ. Въ 1816 г. подъ покровительствомъ Голицына возникло «Общество любителей русской словесности», составившееся преимущественно изъ молодыхъ писателей и начавшее издавать журналъ, прибыль съ котораго предназначалась для пособія нуждающимся литераторамъ и учащимся. Съ 1817 г. кн. Голицынъ былъ предсѣдателемъ «Человѣколюбиваго Общества»;

до той поры онъ былъ суетенъ и легкомысленъ въ дѣлѣ религіи. Ханжа госпожа Крюднеръ повліяла на него въ томъ-же смыслѣ, почва была хорошо подготовлена и принесла плоды. Кромѣ того, съ княземъ Голицынымъ связывала Императора, съ молодыхъ лѣтъ, давнишняя дружба; князь состоялъ камергеромъ при его Дворѣ, когда Александръ Павловичъ былъ еще Великимъ Княземъ, и первый питалъ ко второму вполнѣ искреннюю и непроходящую привязанность. Я чувствовала себя пріятнѣе въ обществѣ Голицына, чѣмъ Аракчеева, который говорилъ только по-русски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ. Въ то время много говорили о военныхъ поселеніяхъ, основанныхъ всего какой-нибудь годъ

Князь А. Н. Голицынъ.

при его же содѣйствіи образовалось и «Попечительное о тюрьмахъ Общество» въ обѣихъ столицахъ, а также попечительство о бѣдныхъ и пріютъ для неизлечимо-больныхъ. Князь Голицынъ, начавшій свою службу еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, знавшій всѣ сокровенныя событія въ жизни семьи царской болѣе, чѣмъ за полвѣка, другъ Императора Александра I, писавшій отреченіе Великаго Князя Константина Павловича отъ престола, безгранично и безкорыстно преданный началу самодержавія, но въ то же время показавшій необычайное благородство въ бытность свою членомъ комиссіи, учрежденной послѣ 14-го декабря 1825 г. для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ, не могъ не внушать къ себѣ пріязни со стороны Императора Николая I, который высоко цѣнилъ нравственныя свойства людей и самъ лично съ глубокимъ уваженіемъ относился къ исторіи и завѣтамъ минувшаго. Старикъ князь Голицынъ являлся для Государя Николая Павловича вѣрнымъ и скромнымъ хранителемъ семейныхъ преданій, живымъ звеномъ между настоящимъ и славнымъ прошлымъ. Желая это чувство привить и дѣтямъ своимъ, Императоръ Николай I посылалъ Великаго Князя Константина Николаевича къ княгинѣ Е. Ѳ. Долгоруковой (дочери князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго) слушать ея разсказы про старину («Рус. Арх.» 1898 г., кн. I, стр. 100).

*

назадъ по мысли самого Государя; осуществленіе этой затѣи было возложено на Аракчеева и производилось далеко не съ кротостью, а напротивъ того—грубымъ и жестокимъ образомъ, что́ вызывало неудовольствіе въ бѣдныхъ крестьянахъ. По пути намъ попадались тамъ и сямъ жители деревень, колѣнопреклоненные и умолявшіе о томъ, чтобы не измѣняли ихъ положенія (т. е. не обращали бы въ поселянъ).

«Въ концѣ декабря [1]) братъ покинулъ меня. Я проводила его съ грустью и почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцемъ, братьями и сестрами,—то была ужасная минута! Но, переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору въ моей новой родинѣ, и нѣжность его вполнѣ вознаградила меня за все мною утраченное».

Пребываніе въ Россіи будущаго Императора Вильгельма I имѣло на него большое вліяніе. «Величіе царской власти, говоритъ Лоренцъ [2]), оказало сильное воздѣйствіе на политическія убѣжденія серьезнаго принца Вильгельма, рано принявшагося за изученіе военнаго дѣла. Императоръ Александръ I своею, исполненною загадочнаго обаянія, личностью сумѣлъ внушить ему чувства благоговѣнія такъ же, какъ и большинству изъ тѣхъ, кто вступалъ въ близкое общеніе съ тѣмъ, кого называли «мстителемъ за Европу», а возбуждавшій впослѣдствіи восторженное удивленіе Запада Императоръ Николай I былъ мужемъ любимѣйшей сестры Вильгельма».

Про конецъ 1817 года и начало 1818 года Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна говоритъ: «Мы выѣзжали очень мало, при Дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновенно у maman, въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ появлялись опять въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, вечера эти ужасно мнѣ наскучали по сравненію съ

[1]) 28 декабря л.-г. егерскаго полка поручикъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, впослѣдствіи бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Николаю Павловичу («Моск. Вѣд» 1818 г. № 1).

[2]) Авторъ статьи въ «Deutsche Rundschau», мартъ 1897 г.—«Kaiser Wilhelm I zum 22 Marz 1797—1897».

воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, болтали и оживленно веселились, и я теперь съ трудомъ могла скрывать свою скуку Общество на этихъ собраніяхъ бывало ужасно древнее, въ стилѣ рококо: старые, полуслѣпые сенаторы, вельможи [1]) временъ Императрицы Екатерины, находившіеся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати».

Однимъ словомъ это было время Грибоѣдовской Москвы [2]).

Если это мужское общество наводило на Великую Княгиню Александру Ѳеодоровну скуку, за то дамское отвлекало ее отъ занятій. Жуковскій въ своемъ дневникѣ, отъ 3 ноября 1817 г., записалъ: «Она не выучила своей басни и съ большимъ горемъ разсказывала мнѣ, что ей было некогда: La princesse Moustache (статсъ-дама кн. Наталія Петровна Голицына, рожденная гр. Чернышева) a été chez moi l'aprèsdinée et a passé deux heures entières. Quand ces dames à portrait vous arrivent il ne faut plus badiner. Et moi j'aime tant, quand mon aprèsdinée est à moi.»

«Императрица Марія Ѳеодоровна, говоритъ Оже, французъ, служившій въ л.-г. Измайловскомъ полку [3]), строго держалась придворнаго этикета, установленнаго въ предыдущія царствованія, и покуда она была жива, въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ни малѣйшаго измѣненія». Камеръ-пажи ходили въ пудренныхъ парикахъ, и даже вышеупомянутый князь А. Н. Голицынъ до конца своей жизни носилъ сѣрый фракъ, когда фраки такого цвѣта давнымъ-давно вышли изъ моды.

Точно такимъ же воплощеніемъ типа старинныхъ баръ XVIII вѣка былъ Юрій Александровичъ Головкинъ (оберъ-камергеръ царствованія Императора Николая I), съ кончиною котораго (умеръ въ 1844 году) угасла фамилія графовъ Головкиныхъ. Графъ В. А. Сологубъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что гр. Ю. А. Головкинъ былъ всегда

---

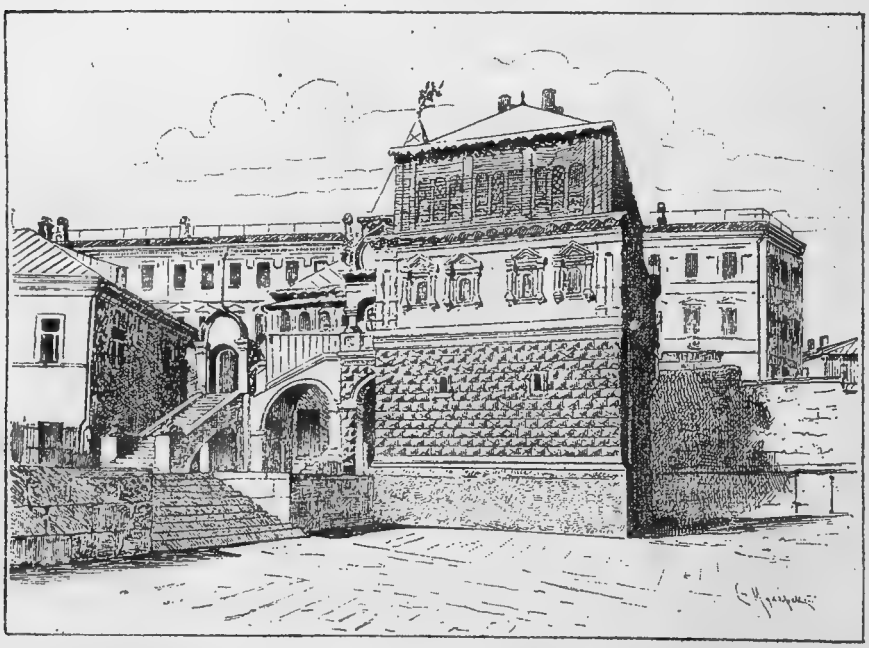
[1]) Позже всѣхъ вельможъ екатерининскаго времени жилъ въ Москвѣ Ив. Ник. Корсаковъ (умеръ въ 1831 г), къ которому ѣзжалъ А. С. Пушкинъ слушать его разсказы про Матушку-Царицу и ея пышный дворъ.

[2]) Въ нынѣшнемъ году «Горе отъ ума» на сценѣ петербургскихъ Императорскихъ театровъ впервые шло въ костюмахъ модныхъ журналовъ 1817—1818 гг., а не 1830-хъ годовъ. Описаніе «Грибоѣдовской Москвы» г-жи Свистуновой «Вѣст. Европы» 1875 г.

[3]) «Рус. Арх.» 1877 г., т. I, стр. 73.

одѣтъ изысканно, по старинному, носилъ чулки и башмаки съ необычайно красивыми пряжками. Когда онъ входилъ въ комнату, покачиваясь и опираясь на трость съ драгоцѣннымъ набалдашникомъ, то распространялъ очень сильный и пріятный запахъ «Bouquet à la Marechale», коимъ были продушены всѣ его одежды.

Но еще большимъ щеголемъ являлся вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (1752 † 1838), про котораго Оже пишетъ, что ему каждое утро камердинеръ подавалъ книгу съ образчиками его цвѣтныхъ кафтановъ и къ каждому наряду, соотвѣтственно его цвѣту, имѣлись особый перстень и табакерка; послѣднихъ у него имѣлось болѣе 150 («Рус. Арх.» 1898 г., кн. 3, стр. 367); князь Куракинъ, играя въ карты у Императрицы Маріи Ѳеодоровны, взглянулъ на свой перстень и увидѣлъ, что онъ вовсе не гармонировалъ съ надѣтымъ костюмомъ. Это обстоятельство такъ сильно смутило и разстроило князя, что онъ проигралъ вѣрную игру, стоившую крупной суммы денегъ.



Палаты бояръ Романовыхъ.

Глава III.

РОЖДЕНІЕ СЫНА.

Александръ Благословенный оказалъ чрезвычайное вниманіе Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ день Богоявленія. Именно 6 января, на Москвѣ рѣкѣ происходило водосвятіе, въ особо устроенной Іордани, причемъ всею кавалеріею командовалъ Великій Князь Николай Павловичъ, а пѣхотою Михаилъ Павловичъ. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна не присутствовала на этой церемоніи. Но Императоръ Александръ по окончаніи парада лично повелъ войска чрезъ Спасскія ворота въ Кремль мимо митрополичьяго дома, куда поспѣшили обѣ Императрицы, и откуда вмѣстѣ съ Великою Княгинею Александрою Ѳеодоровною смотрѣли на церемоніальный маршъ кавалеріи и пѣхоты [1]).

На слѣдующій день 7 января былъ данъ балъ гра-

[1]) «Москов. Вѣд.» 1818 г., № 4, стр. 83—84.

фомъ Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ [1]), на которомъ для ужина была устроена особая столовая. «Столъ, за которымъ кушали Императрицы, былъ убранъ прекраснѣйшею бронзою и цвѣтами. Вся середина залы оставалась пустою и служила, такъ сказать, мѣстомъ прогулки для тѣхъ, которые не садились ужинать. Въ этой залѣ горѣло болѣе 2000 свѣчъ и кенкетовъ: обширный квадратъ искусственныхъ деревьевъ соединялся цвѣточными гирляндами, на которыхъ были укрѣплены свѣчи, разливавшія необыкновенное сіяніе по всему пространству, центромъ котораго была клумба изъ живой зелени и различныхъ цвѣтовъ, возвышавшаяся до самаго потолка. Девять музъ и Аполлонъ—гипсовыя статуи въ натуральный ростъ,—показывались на пьедесталахъ между деревьями и напоминали, вмѣстѣ со всѣми предметами, о вѣчно радостномъ Олимпѣ и о роскошныхъ пиршествахъ боговъ. Во время ужина гремѣла музыка. По окончаніи стола танцовали еще болѣе получаса и лишь въ половинѣ перваго отбыла Царская фамилія» [2]).

9 января балъ давала княгиня Анна Михайловна Прозоровская, а 13 числа, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, былъ данъ обѣдъ «для знатнѣйшихъ особъ» Свѣтлѣйшимъ Княземъ Петромъ Вас. Лопухинымъ [3]); затѣмъ, 23 числа состоялся балъ у графини Орловой-Чесменской [4]). «Лишь только Государь изволилъ поя-

---

[1]) Жуковскій, бывшій на обѣдѣ у Апраксина (7 ноября 1817), записалъ въ своемъ дневникѣ: «Тонъ стариннаго боярства кажется страннымъ, потому что не похожъ на обыкновенный нынѣшній. Нѣтъ простоты, но есть величавость»

[2]) «Москов. Вѣд.» 1818 г. № 5.

[3]) Тамъ-же № 8.

[4]) Впослѣдствіи гр. А. А. Орлова жила отшельницей въ Юрьевскомъ монастырѣ, Новгородской губ. «Она сохранила, говоритъ баронесса М. И. Фредериксъ, до старости лѣтъ свой веселый складъ ума, далеко не была ханжей, напротивъ, была проста въ своей набожности. Возвращаясь на короткое время въ свѣтъ, гр. Анна Алексѣевна обращалась опять въ свѣтскую даму, надѣвала брилліанты и ѣздила на пріемы къ Высочайшему Двору. Въ церкви не только не представлялась богомолицей, а молилась просто, какъ всѣ, не дѣлая даже земныхъ поклоновъ и не снимая перчатки съ руки, чтобы креститься. Говорили, что ея духовникъ и руководитель, архимандритъ Фо-

виться, занавѣсь двери поднялась и представила изумленнымъ взорамъ огромную залу, отличавшуюся благородною простотою и блескомъ снѣгу подобнаго мрамора; въ углахъ стояли величественныя мирты, по правую сторону находился бюстъ Императора, въ рощѣ померанцовыхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, во всемъ ихъ цвѣтѣ и во всей красотѣ, а по лѣвую, въ подобной же рощѣ, находилось мѣсто для Августѣйшихъ гостей» [1]). Въ домѣ Орловой, въ одной изъ залъ, находились два огромные портрета: одинъ князя Григорія Григ. Орлова, въ римской одеждѣ, а другой графа Алексѣя Григорьевича. «Во время бала, даннаго графинею для персидскаго посла, за ужиномъ, поданнымъ на кругломъ столѣ, въ серединѣ его стояло столь огромное померанцевое дерево, что вѣтвями своими, цвѣтомъ и плодами всѣхъ насъ осѣняло, говоритъ М. Евреиновъ [2]), не смотря на то, что за столомъ этимъ находилось до 40 человѣкъ. Въ этомъ-то домѣ и давала графиня Орлова балъ для Императора Александра I. Послѣ онъ былъ

Императоръ Александръ I.

тій, налагалъ на нее это наружное послушаніе, когда она возвращалась въ свѣтъ, но что подъ нарядными платьями она будто бы носила власяницу и вериги. Она была высокаго роста, очень полная, не была красива даже въ молодости, но у нея было удивительно свѣтлое и доброе выраженіе лица. Голосъ ея звучалъ замѣчательно пріятно, когда она говорила, и рѣчь ея была увлекательно хороша».

[1]) «Москов. Вѣд.» 1818. г. № 7.

[2]) «Рус. Арх.» 1877 г. т. III, стр. 184-85. Отецъ Орловой за ужиномъ входилъ на хоры и трубилъ въ рогъ, что было сигналомъ къ отъѣзду гостей.

уступленъ для лѣтняго пребыванія Александры Ѳеодоровны и съ тѣхъ поръ сталъ называться Александринскимъ дворцомъ. Прекрасный садъ этого дома соединялся съ садомъ Нескучнаго».

Наконецъ сезонъ баловъ окончился баломъ, даннымъ 10 февраля П. А. Кологривовымъ, женатымъ на кн. П. Ю. Гагариной [1]).

Въ этотъ день извѣстный баснописецъ и бывшій министръ юстиціи, Ив. Ив. Дмитріевъ, былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, за его предсѣдательство въ коммисіи для помощи разореннымъ москвичамъ [2]). Въ томъ-же февралѣ мѣсяцѣ Ив. Ив. Дмитріевъ [3]) писалъ А. И. Тургеневу:

И. И. Дмитріевъ.

«Какъ вы обрадовали меня извѣстіемъ о молодомъ Пушкинѣ. Я его не знаю, но всѣмъ сердцемъ бралъ участіе въ его болѣзни. Радуюсь и окончанію «Грамматическихъ таблицъ» (которыя Жуковскій составлялъ для В. К. Александры Ѳеодоровны—«Esquisse de grammaire russe St.-Petersbourg 1818» [4]), и возвращенію Жуковскаго въ отечество, изъ поѣздки въ Дерптъ».

---

[1]) Рожд. кн. Трубецкой, за которой ухаживалъ кн. Потемкинъ-Таврическій, въ лагерѣ подъ Очаковымъ.

[2]) Въ двукратное пребываніе Императора Александра I въ Москвѣ, въ 1816 и 1817 г., поступило прошеній въ коммисію 20.959, изъ нихъ 15.330 прошеній были уважены и роздано 1.391.280 руб.

[3]) Сочиненія Ив. Ив. Дмитріева, изданіе 1893 г., журнала «Сѣверъ», стр. 230. Начальникъ III отдѣленія М. М. Кохъ писалъ о немъ: «Лучшій пробный камень честности и безкорыстія министровъ—сравненіе финансоваго ихъ положенія до вступленія въ управленіе министерствомъ и при выходѣ изъ онаго. Дмитріевъ, оставивъ министерство, не имѣлъ средствъ выѣхать отсюда въ Москву» (см. «Рус. Стар.» 1881 г., т. XXXIII).

[4]) Таблицы эти были напечатаны всего въ 10 экземплярахъ; см. «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго» К. К. Зейдлица». Спб. 1883 г., стр. 113.

Ковалевскій, авторъ замѣчательной монографіи: «Графъ Блудовъ и его время» [1]), говоритъ: «Жуковскій, назначенный преподавателемъ русскаго языка къ молодой В. К. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, также находился въ Москвѣ. Привязавшійся всею поэтическою душею къ своей ученицѣ, онъ переводилъ, по ея желанію, лучшія стихотворенія изъ нѣмецкихъ поэтовъ [2]) и издавалъ ихъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ небольшими брошюрками, подъ названіемъ: «Для немногихъ»—«Fur Wenige», которыхъ вышло 6-ть книжекъ. Онѣ не были въ продажѣ и печатались въ числѣ 75 или 100 экземпляровъ, почему составляютъ библіографическую рѣдкость».

---

[1]) См. Главу VI, стр. 117.

[2]) Замѣтимъ здѣсь, кстати, о романтикахъ, предшествовавшихъ въ русской литературѣ Жуковскому. Присутствіе поэтической грусти замѣтно уже у Карамзина и другихъ представителей сантиментальныхъ вкусовъ въ литературѣ; ею проникнуты въ особенности многія раннія стихотворенія Карамзина, напримѣръ, его посланіе къ И. И. Дмитріеву (1793 г.), въ которомъ онъ высказываетъ своему другу такое неутѣшительное убѣжденіе:

Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ—люди вѣчно!

Точно также баллада «Графъ Гвариносъ», напечатанная Карамзинымъ въ 1789 г. Эта литературная связь Жуковскаго съ Карамзинымъ вполнѣ оправдывается и тѣми личными чувствами дружбы и благоговѣйнаго уваженія, которыя питалъ Жуковскій къ своему славному современнику. Вторымъ предшественникомъ Жуковскаго въ области романтической баллады былъ Гавріилъ Петр. Каменевъ (1772—1805), которому принадлежитъ баллада «Громвалъ». Это произведеніе, по словамъ профессора Е. В. Пѣтухова (см. его статью «О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII и XIX вѣка», напечатанной въ 4 книгѣ «Ученыхъ записокъ Юрьевскаго университета» за 1895 г.) еще ближе, чѣмъ «Графъ Гвариносъ» Карамзина, подходитъ къ типу настоящей баллады въ романтическомъ вкусѣ. Самъ А. С. Пушкинъ отдавалъ дань уваженія литературнымъ заслугамъ Каменева: «Этотъ человѣкъ, говорилъ онъ, достоинъ былъ уваженія; онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти». Не лишено интереса также и то мелкое обстоятельство, замѣчаетъ г. Пѣтуховъ, что названіе баллады Жуковскаго 1810 г. «Громобой» задолго было предвосхищено Каменевымъ въ его повѣсти того же имени, напечатанной въ журналѣ «Муза» 1796 года.

Вотъ образецъ письма Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, относящійся къ этому времени [1]): 7 февр. 1818 г.

«Мнѣ очень непріятно, что я не могу видѣть васъ, какъ обыкновенно. Живописецъ пріѣдитъ сегодня ко мнѣ, потому что вчера было недоразумѣніе. Басни «Людьмила», «Рыцарь Тогенбургъ» должны имѣть терпѣніе до завтра. Вы будете смѣяться надъ этою запискою. Я позволяю и прошу васъ мнѣ сказать, какъ много ошибокъ я сдѣлала. Александра».

Затѣмъ 18-го февраля 1818 года, въ присутствіи Императора Александра I, послѣдовало открытіе въ Москвѣ памятника Минину и Пожарскому. Весьма любопытными являются сооб-

Видъ Красной площади съ памятникомъ Минину и Пожарскому.

щенія объ этомъ событіи въ тогдашней періодической печати. Издатель журнала «Вѣстникъ Европы», М. Т. Каченовскій [2]),

[1]) «Рус. Арх.» 1897 г., т. I, стр. 493.

[2]) Историкъ С. М. Соловьевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ: «Полемика Каченовскаго противъ Карамзина и Пушкина доставила ему много враговъ. Разсказывали, что Императоръ Николай I, при выборѣ инспектора классовъ къ Наслѣднику, обратилъ вниманіе на Каченовскаго, го-

писалъ: «Слава Царю, хвала благодарнымъ сынамъ Россіи! Безсмертные подвиги Минина и Пожарскаго оживлены для потомства еще въ изваянномъ ихъ образѣ, украшающемъ нынѣ то самое мѣсто, гдѣ за два вѣка прежде, совершилось великое дѣло избавленія Отечества». «Московскія Вѣдомости» свое описаніе открытія памятника начинали словами: «Древняя столица—Москва, разграбленная и сожженная кровожаднымъ непріятелемъ, часъ-отъ-часу болѣе и болѣе приходитъ въ первобытное цвѣтущее состояніе попеченіями и дѣятельностью Монарха».

Фигуры Минина и Пожарскаго, изображающія то мгновеніе, когда Козьма Мининъ приходитъ съ зовомъ на брань къ страждущему отъ ранъ, среди бранныхъ своихъ доспѣховъ, князю Пожарскому, и, указывая на гибнущую Москву, раздуваетъ въ немъ искру того пламени, которымъ озарено лицо героя, вылѣплены знаменитымъ скульпторомъ Академіи Художествъ, Мартосомъ, а отлиты извѣстнымъ литейщикомъ той же академіи, Якимовымъ. Насколько колоссальны фигуры Минина и Пожарскаго, можно судить по тому, что вышина ихъ около $6^1/_2$ аршинъ, т.-е. болѣе на одинъ аршинъ фигуры Петра I на памятникѣ въ Петербургѣ, работы Фальконета. Подножіе памятника Минина и Пожарскаго представляетъ гранитный правильный четыреугольникъ, имѣющій 9 аршинъ въ основаніи; его покрываютъ бронзовые барельефы, относящіеся къ событію, а внизу надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому—благодарная Россія». Весь памятникъ приготовленъ въ С.-Петербургѣ и осенью перевезенъ въ Москву; несмотря на все это, стоимость сооруженія простиралась не болѣе 150.000 рублей. Изображенія Пожарскаго и Минина въ римскихъ одѣяніяхъ—характерная черта художественнаго вкуса того времени.

18-го февраля 1818 года, вся находившаяся въ Москвѣ гвардія собралась въ 9 часовъ утра на Красную площадь, гдѣ поставленъ памятникъ, и расположилась колоннами: кавалерія—

воря, что уважаетъ этого ученаго, по журналу котораго онъ выучился читать по-русски. Но поклонники Карамзина помѣшали Каченовскому, выставивъ на видъ его вредное направленіе, скептицизмъ» («Рус. Вѣст.» февр. 1896 г., стр. 12).

по правую, а пѣхота и артиллерія—по лѣвую сторону Кремля почти отъ самой часовни Иверской Божіей Матери до Покровскаго собора. Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ и Великіе Князья, а вскорѣ послѣ того выѣхала изъ Спасскихъ воротъ карета съ Императрицами Маріею Ѳеодоровною и Елисаветою Алексѣевною; въ это время деревянный чехолъ, закрывавшій памятникъ, разсыпался. Государь провожалъ ѣхавшую шагомъ карету вдоль всего фронта. Затѣмъ, мимо памятника прошли подъ музыку скорымъ маршемъ войска. Торжество привлекло огромное число жителей Москвы: всѣ лавки, крыши Гостинаго двора, мѣста, устроенныя для дворянства около кремлевской стѣны, наконецъ—самыя стѣны и башни Кремля были усыпаны народомъ.

Спустя три дня, 21-го февраля, Императоръ Александръ I[1]) уѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, а Дворъ остался въ Москвѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ (по старому стилю 21 февраля) Императоръ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна,—уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ произойти первый сеймъ со времени учрежденія новаго Царства Польскаго и съ тѣхъ поръ какъ ему была дарована конституція. Рѣчь [2]), произнесенная Государемъ при открытіи сейма, надѣлала не мало шуму: упоминаю о ней лишь затѣмъ, чтобы напомнить, какъ нѣкоторыя слова этой рѣчи громко отозвались въ русскихъ сердцахъ, возбудивъ ложныя надежды.

---

[1]) Открывъ памятникъ героямъ 1612 года, Императоръ Александръ I рѣшилъ соорудить памятники и героямъ 1812 года—Кутузову и Барклаю, поставивъ ихъ въ Петербургѣ, противъ Казанскаго собора. Статуи ихъ были заказаны лифляндскому уроженцу, скульптору Деннекеру, при чемъ поставлено условіемъ изобразить ихъ въ современныхъ костюмахъ, а не въ тогахъ, какъ было принято въ то время. Но смерть Монарха остановила исполненіе его мысли; почему были забракованы фигуры скульптора-иностранца—неизвѣстно, но впослѣдствіи Императоръ Николай I поручилъ ихъ исполненіе извѣстному скульптору Б. И. Козловскому.

[2]) Онъ въ ней сказалъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «Политическое образованіе, существовавшее уже въ вашемъ краю, дозволило мнѣ ввести немедленно тѣ постановленія, которыя я вамъ даровалъ, руководствуясь началами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помысловъ».

Отголосокъ этотъ былъ настолько силенъ, что давалъ себя чувствовать и много еще лѣтъ спустя, а отчасти оказался причиною даже мятежа, сопровождавшаго восшествіе на престолъ моего Николая. Эти политическіе вопросы занимали меня тогда весьма мало: надежда сдѣлаться матерью всецѣло переполняла мое сердце. Эта минута, наконецъ, наступила! На святой недѣлѣ, когда колокола своимъ перезвономъ славословили праздникъ Воскресенія, въ среду, 17-го апрѣля, въ чудный весенній день, въ 11 часовъ, я услышала крикъ моего перваго ребенка!

Видъ комнаты, въ которой родился Великій Князь Александръ Николаевичъ.

Никсъ (Великій Князь Николай Павловичъ) цѣловалъ меня и плакалъ, и мы поблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная даже еще, послалъ ли онъ намъ сына или дочь, но тутъ подошла къ намъ maman и сказала: «это сынъ». Мы почувствовали себя еще болѣе счастливыми при этомъ извѣстіи, но помнится мнѣ, что я ощутила нѣчто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоитъ нѣкогда сдѣлаться Императоромъ».

Профессоръ - акушеръ Михаилъ Вилимовичъ Рихтеръ разсказывалъ, говоритъ графъ М. В. Толстой [1]), что

[1]). «Рус. Арх.» 1888 г., т. 2, стр. 75.

отецъ его, Вилимъ Вилимовичъ Рихтеръ, знаменитый въ свое время акушеръ, лично извѣстный Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ по многолѣтней службѣ въ должности директора Московскаго повивальнаго института, былъ приглашенъ для наблюденія за здоровьемъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны. Вилимъ Вилимовичъ посовѣтывалъ пустить кровь Великой Княгинѣ, но она отозвалась, что никому, кромѣ его самого, не дозволитъ сдѣлать эту неважную операцію. Старикъ-акушеръ, очень давно уже отвыкшій отъ употребленія ланцета, поспѣшилъ снова учиться, пустилъ кровь многимъ женщинамъ въ повивальномъ институтѣ и затѣмъ уже, набивъ руку, рѣшился пустить кровь Ея Высочеству.—Богъ хранилъ мать и младенца, а В. В. Рихтеръ былъ пожалованъ званіемъ лейбъ-акушера [1]).

Въ день рожденія В. К. Александра Николаевича Ѳ. И. Булгаковъ [2]) писалъ князю П. А. Вяземскому слѣдующія строки:

«Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени. Гдѣ? въ Москвѣ, въ Кремлѣ! Когда? Въ святую недѣлю! Кѣмъ? Сыномъ! Великимъ Княземъ! Имя Александръ. Какое стеченіе радостныхъ обстоятельствъ! Въ городѣ радость, торжество, народъ стекается въ Кремль, гдѣ, по московскому обычаю, тотчасъ образовалось гулянье, въ каретахъ, коляскахъ, дрожкахъ. Время прекрасное. Жуковскій былъ ввечеру у Ея Высочества, отъ которой получилъ приказаніе быть по утру въ восемь часовъ для обыкновенныхъ упражненій. Завтра съѣздъ въ Дворецъ по утру и молебствіе въ Успенскомъ соборѣ. Съ радостнымъ возвѣщеніемъ отправились: въ Берлинъ—Фредериксъ, а къ Императору Перовскій».

Жуковскій былъ знакомъ Раичу и отцу будущаго поэта Ѳ. И. Тютчева—Ивану Николаевичу, который захотѣлъ представить ему своего сына и 17 апрѣля рано утромъ повелъ его въ Кремль. Но тамъ колокола и пушки возвѣстили имъ

---

[1]) Біографію его смотри въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, изд. подъ редакціею Старчевскаго.

[2]) «Истор. Вѣст.» 1881 г., т. V, стр. 6.

о рожденіи Великаго Князя Александра Николаевича. Много лѣтъ спустя Ѳ. И. Тютчевъ вспомнилъ это событіе въ стихахъ[1]):

На ранней дней моихъ зарѣ,—
Въ Кремлѣ, рано утромъ въ Чудовомъ монастырѣ.
Въ уютной кельѣ, темной и смиренной—
Тамъ жилъ тогда Жуковскій незабвенный —
Я ждалъ его, и въ ожиданіи
Колоколовъ Кремля я слушалъ завыванье.
За мѣдною слѣдилъ я бурей,
Поднявшейся въ безоблачной лазури
И вдругъ смѣненной пушечной пальбой и т. д.

Въ день рожденія Великаго Князя Александра Николаевича Жуковскій въ своемъ дневникѣ сдѣлалъ слѣдующую запись:

«Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе Великаго Князя. Прелестное утро. Чувства веселыя, ясныя, живыя, безъ примѣси. Радость истинная. Конецъ безпокойству. Черты истинной высокости въ характерѣ матери: это великое счастіе. Чѣмъ больше причинъ къ ней привязываться, тѣмъ болѣе прелести въ жизни. Я бы желалъ найти въ ней все. И это будетъ. Она осмотрится въ своемъ новомъ мѣстѣ, узнаетъ свои должности. А эти должности усовершенствуютъ душу ея; душа ея способна совершенствоваться. Поздравленіе Великаго Князя Императрицы».

«Московскія Вѣдомости», въ № 32, отъ 20 апрѣля, писали:

«Богъ услышалъ теплыя молитвы вѣрноподданныхъ, и праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія восхотѣлъ ознаменовать счастливѣйшимъ событіемъ для Россіи. Въ 11 часовъ утра [2]), 17-го числа сего мѣсяца, т. е. въ среду, выстрѣлъ изъ пушки возвѣстилъ намъ благополучное разрѣшеніе отъ бре-

[1]) «Рус. Арх.» 1874 г., т. II, стр. 18.

[2]) Странно, писалъ тотъ-же Булгаковъ къ князю Вяземскому, что Великій Князь Александръ Николаевичъ родился во время парада, въ ту минуту, какъ командовали скорый маршъ. Извѣстіе сіе радостное получено въ Петербургѣ также во время парада и также въ минуту, какъ разводъ пошелъ скорымъ маршемъ», ibidem, стр. 8.

мени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Ѳеодоровны и обрадовалъ какъ Императорскій благословенный Домъ, такъ и всѣхъ жителей древней столицы Москвы новорожденнымъ Великимъ Княземъ Александромъ. Сіе счастливое событіе пребудетъ навѣки незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Москвы, а паче въ сердцахъ жителей ея, издревле приверженныхъ къ Царямъ и Отечеству».

Баронъ П. А. Николаи по тому же поводу говорилъ въ письмѣ къ князю М. С. Воронцову [1]):

«A present rejouissons-nous ensemble de cette magnifique nouvelle de la naissance d'un fils grand et fort à notre cher grand-Duc Nicolas. Je me représente son bonheur et je m' en rejouis de toute mon âme. Nous avons lu ici cette nouvelle de Berlin, ou l'aide de camp Friedrichs l'avait apportée au roi avec une célérité etonnante La bonne grande-Duchesse, qui s'est acquittée de son travail le 17 avril le plus heureusement du monde avait ajouté de sa main quelques lignes à la lettre que le grand-Duc adressa au roi. Quelle bonne journée pour la ville de Moscou».

«Отецъ мой, пишетъ баронесса М. П. Фредериксъ [2]), былъ посланъ въ Берлинъ и удостоился подходить къ кровати и цѣловать руку Августѣйшей матери, въ первыя же минуты рожденія малютки, чтобы быть свидѣтелемъ состоянія здоровья ея и новорожденнаго сына, дабы сообщить объ этомъ ея царственному отцу», который, при первомъ извѣстіи о рожденіи первороднаго внука, пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла.

Императоръ Александръ I получилъ извѣстіе о рожденіи племянника 22 апрѣля [3]) въ г. Староконстантиновѣ (Волынской губ.), гдѣ и былъ данъ слѣдующій рескриптъ:

«Въ 17-ый день Апрѣля наша любезная невѣстка, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, разрѣшилась отъ бремени

---

[1]) «Арх. кн. Воронцова» т. 37, стр. 161.

[2]) «Историч. Вѣст.» январь 1898 г. стр 61.

[3]) См. «Моск. Вѣд.» 1818 г., № 42. Біографы Импер. Александра I и Александра II, М. И. Богдановичъ, Н. К. Шильдеръ, С. С. Татищевъ по чему-то говорятъ, что извѣстіе это Импер. Александръ I получилъ 27-го апрѣля, въ мѣстечкѣ Бѣльцахъ.

рожденіемъ Намъ племянника, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ сына, нареченнаго Александромъ. Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемлемъ мы вящшимъ залогомъ благодати Всевышняго, на Насъ и Нашу Имперію обильно изливаемой, и потому возвѣщая о семъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, пребываемъ удостовѣрены, что всѣ они соединятъ съ Нами усердныя къ Богу молитвы о благополучномъ возрастѣ Новорожденнаго и преуспѣяніи во всемъ, что къ утвержденію вѣры и къ расширенію славы и пользы отечества служить можетъ. Повелѣваемъ впрочемъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, писать и именовать сего любезнаго Намъ племянника Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ. Данъ въ Главной квартирѣ Нашей въ городѣ Староконстантиновѣ Апрѣля 22-го дня въ лѣто отъ Рождества Христова 1818, царствованія же Нашего осьмнадцатое» [1]).

«Пріѣхалъ Перовскій, извѣщалъ Булгаковъ Тургенева, отъ Государя, который чрезмѣрно былъ обрадованъ племянникомъ. Гонецъ-вѣстникъ пожалованъ капитаномъ, а новорожденный шефомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Великій Князь сказалъ, что получилъ прекрасное письмо отъ Государя. Жуковскій спросилъ, можно-ли прочесть оное. Великій Князь отвѣчалъ, что оно не для всѣхъ. Перовскій возразилъ, что, по крайней мѣрѣ, письмо для немногихъ [2]). Великій Князь посмотрѣлъ на Жуковскаго, улыбнулся и перемѣнилъ рѣчь».

«Я помню, пишетъ камеръ пажъ Дараганъ, когда возвратился адъютантъ Великаго Князя Николая Павловича, штабсъ-капитанъ Перовскій, посланный къ Государю съ извѣстіемъ о счастливомъ событіи, Великій Князь поспѣшилъ во дворецъ. Это было во время гофмаршальскаго стола. Онъ удостоилъ зайти и къ намъ въ комнату, гдѣ мы обѣдали. Удивленные и обрадованные мы вскочили съ мѣстъ.

---

[1]) Въ Петербургѣ о рожденіи Великаго Князя Александра Николаевича узнали 23 апрѣля; «по сему радостному случаю было отправлено въ Казанскомъ Соборѣ архіерейское служеніе, также и во всѣхъ прочихъ церквахъ благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, и во весь тотъ день продолжался колокольный звонъ. «С-Петер. Вѣдом.» 1818 г. № 34.

[2]) Намекъ на названіе его переводовъ для Великой Княгини Александры Ѳеодоровны.

*

«Поздравляю васъ съ новымъ шефомъ гусаръ — сказалъ онъ намъ съ лицомъ, сіяющимъ счастіемъ,—Государь удостоилъ этимъ назначеніемъ моего сына».

Мы бросились цѣловать его плечи. Онъ цѣловалъ насъ всѣхъ и велѣлъ подать шампанское, чтобы мы пили за здоровье шефа гусаръ».

Много лѣтъ спустя князь П. А. Вяземскій вспомнилъ событія эти, въ стихотвореніи «17 Апрѣля 1855 г.»:

«Нашъ славный Кремль Тебѣ былъ славной колыбелью,
А воспріемницей вся Русская Земля:
Въ парадномъ торжествѣ надъ свѣтлою купелью
Святыня древняго и новаго Кремля,
И Царскихъ тѣней ликъ съ Петромъ, съ Екатериной,
И доблестью Отцовъ нетлѣнные вѣка
Съ побѣдоносной Ихъ и свѣтлою дружиной,
И Онъ, еще живой, котораго рука
Высоко вознесла честь Русскаго Народа,
Дала Европѣ миръ въ возмездье за войну,
Благословенный Царь двѣнадцатаго года,
Въ одну молитву всѣ сліявшись, въ мысль одну,

Пророчески Тебѣ на Царство указали [1]),
Благословивъ Тебя Наслѣдникомъ Своимъ—
И Кремль и вся Москва, гордясь, вострепетали,
Помолодѣвъ съ Тобой, младенцемъ ихъ роднымъ»

Пять лѣтъ спустя послѣ рожденія Великаго Князя Александра Николаевича поэтъ К. Ѳ. Рылѣевъ въ пророческой одѣ «Видѣніе», написанной на день тезоименитства будущаго Царя-Освободителя, устами Императрицы Екатерины II говорилъ:

«Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истинны свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье—истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей.
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждан.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

---

[1]) Здѣсь поэтъ очевидно имѣлъ въ виду слова, сказанныя Императоромъ Александромъ I Фридриху Вильгельму III, когда Великая Княгиня, сіяя счастьемъ, поднесла ему своего маленькаго сына: «Вспомнимъ, Государь, что этотъ ребенокъ родился въ древнемъ дворцѣ Царей, не далеко отъ колыбели дома Романовыхъ и близъ святыхъ вратъ (Иверскихъ), гдѣ чудесный образъ Пресвятой Дѣвы бодрствуетъ и печется о судьбахъ этого города и Россіи» Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Ѳ. И. Булгаковъ писалъ отъ 22 апрѣля 1818 г. князю П. А. Вяземскому слѣдующія строки:

Великія дѣлаются приготовленія для крещенія Великаго Князя. Иванъ Алексѣевичъ Нарышкинъ прискакалъ безъ ума изъ Петербурга, думая, что въ таковыхъ случаяхъ церемоній-мейстеръ нужнѣе кума и кумы. Лаваль [1]), говорятъ, въ отчаяніи, что не хватился и далъ себя опередить».

Видъ Малаго Николаевскаго дворца.

Таинство св. крещенія было совершено надъ новорожденнымъ въ церкви Чудова монастыря 5 мая. «Въ 11 часовъ утра, пишетъ камеръ-пажъ Дараганъ, обѣ Императрицы, сойдя по Красному крыльцу и встрѣченныя громкими радостными криками народа, сѣли въ парадную придворную карету, запряженную въ 8 лошадей, и переѣхали къ дому, занимаемому Великимъ Княземъ. Разстояніе отъ дворца, какъ извѣстно, самое незначительное. По ихъ прибытіи, началось шествіе въ

[1]) Графъ Ив. Ст. Лаваль былъ французскій эмигрантъ, начавшій свою службу учителемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Дочь статсъ-секретаря Козицкаго влюбилась въ него и подала просьбу Императору Павлу I о раз-

церковь святителя Алексѣя, находящуюся въ Чудовомъ монастырѣ, смежномъ съ домомъ [1]), который занимали Ихъ Высочества.

«Шествіе открывали, какъ обыкновенно, гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры, церемоніймейстеръ, камеръ-юнкера, камергеры и придворные чины. За ними шли обѣ Императрицы рядомъ, а сзади Ихъ Великій Князь Николай Павловичъ. За ними статсъ-дама графиня Ливенъ несла царственнаго младенца; покрывало поддерживали съ одной стороны генералъ-отъ-кавалеріи графъ Гормасовъ, а съ другой — дѣйствительный тайный совѣтникъ Юсуровъ. За новорожденнымъ шли герцогъ и герцогиня Виртембергскія и принцесса Марія. При входѣ въ церковь, Императрицы были встрѣчены митрополитомъ Августиномъ и духовенствомъ съ крестомъ и святою водою. Началось крещеніе духовникомъ Императора (протопресвитеромъ Криницкимъ). Воспріемниками были Императоръ Александръ I, Король Прусскій и Императрица Марія Ѳеодоровна. Но она одна величественная и радостная стояла предъ купелью, бережно держа на рукахъ залогъ будущаго счастія Россіи. Великій Князь Николай Павловичъ вышелъ въ ближайшій покой и тамъ оставался все время крещенія».

По окончаніи обряда, во время пѣнія Тебѣ Бога хвалимъ произведенъ салютъ въ 201 выстрѣлъ изъ пушекъ, поставлен-

рѣшеніи ей вступить съ нимъ въ бракъ, такъ какъ мать ея, наслѣдница богатаго купца, не соглашалась на это. Государь потребовалъ объясненій и на отвѣтъ вдовы Козицкой, что Лаваль не нашей вѣры и что у него маленькій чинъ, далъ такую резолюцію: «Онъ христіанинъ, я его знаю, и для Козицкой чинъ у него весьма достаточный, а потому—обвѣнчать». Потомъ Лаваль, во время пребыванія Людовика XVIII, снабжалъ его деньгами, за что и былъ пожалованъ графомъ. Домъ Лаваля въ Петербургѣ находился рядомъ съ Сенатомъ (теперь г.г. Поляковыхъ) и славился роскошью и своими праздниками, точно также какъ Лавальская дача на Аптекарскомъ островѣ (принадлежитъ нынѣ книгопродавцу Вольфу, но самый домъ сгорѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ корсетною фабрикою, которая въ немъ помѣщалась). Рядомъ съ дачею Лаваля находилась дача Д. А. Нарышкина, у Крестовскаго моста (теперь въ ней устроенъ лѣсопильный заводъ), супруга котораго Марья Антоновна, рожденная Святополкъ-Четвертинская, была красивѣйшею изъ женщинъ того времени. О ней разсказано выше, на стр. 19.

[1]) Малый Николаевскій дворецъ былъ построенъ архитекторомъ Казаковымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ 1879 г. дворецъ

ныхъ въ Кремлѣ, у Алексѣевскаго монастыря, при колокольномъ звонѣ [1]) всѣхъ московскихъ церквей.

Въ тотъ-же день въ покояхъ вдовствующей Императрицы былъ обѣденный столъ для высшаго духовенства, статсъ-дамъ и особъ первыхъ трехъ классовъ, а вечеромъ по всей Москвѣ зажглась блестящая иллюминація.

Нѣсколько дней послѣ этого событія В. А. Жуковскій поднесъ слѣдующее стихотвореніе Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которое вошло въ собраніе его сочиненій, изданныхъ въ томъ-же 1818 году.

В. А. Жуковскій.
(Съ портрета Кипренскаго 1817 г.)

этотъ капитально ремонтированъ, но въ немъ все осталось такъ, какъ было въ 1818 г. Меблировка дворца въ стилѣ Empire; въ немъ есть замѣчательныя картины, какъ напримѣръ: «Коронація Станислава Августа», писанная Белоти-Каналети; «Пожаръ Кремля» Айвазовскаго и др. Къ дворцу примыкаетъ съ востока садъ—за нимъ дворъ, а далѣе другой, служебный, гдѣ у одной изъ стѣнъ совершенно неожиданно встрѣчается запертая рѣшетчатая желѣзная дверь, за которой видны ряды надгробныхъ плитъ. При реставраціи дворца и подведеніи подъ него фундамента, на глубинѣ 9 аршинъ, онѣ были найдены и изъ нихъ сдѣлано это кладбище.

[1]) Нынѣшняго успенскаго или праздничнаго колокола, вѣсящаго 4 т. пуд., тогда на Иванѣ Великомъ не было, а висѣлъ меньшаго вѣса, отлитый мастеромъ Слизовымъ въ 1760 г., который перелитъ въ настоящій вѣсъ не ранѣе 1819 г.

Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ

НА РОЖДЕНІЕ

Великаго Князя Александра Николаевича.

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искусство?..
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій припѣвъ существованью,
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей,
И прелесть устъ, открывшихся дыханью...
О! какъ дерзну я мыслію моей
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья?
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость Покой,
И тишина исполненной надежды;
И первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ Ангелъ, спитъ Твой сынъ передъ Тобой...
О Матерь, кто, какой языкъ земной
Изобразитъ сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленіе,
И ясное для сердца Провидѣнье,
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала —
То все теперь безъ словъ Тебѣ сказала
Священная младенца колыбель...
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный?..
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный Твой часъ—
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ;
О! какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса:
Ихъ мирный блескъ, младой зари краса,
Всходящая какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо Рокомъ
Нетронутый свидѣтель Божества,
И всюду гласъ святаго торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной...
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ.
И съ вѣрою, что близко Провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ Матери священное мученье
Свершалося, какъ жертва въ оный часъ...
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,
Сей часъ, когда два Ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны,
Еще стоятъ въ невѣдѣньи, безгласны,
И робко ждутъ, что скажетъ Судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизнь илъ смерть велитъ благовѣстить?..
О! что въ сей часъ подъ тѣмъ сбывалось кровомъ,
Гдѣ мигъ одинъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ Промысла намѣреніе тайно,
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
«Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно».
И вѣрила безтрепетно душа.
Межь тѣмъ, востокъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;

Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
И тишины исполненъ величавой,-
Торжественно державный Кремль стоялъ...
Казалось, все съ надеждой ожидало.
И въ оный часъ предъ мыслію моей
Минувшее безмолвно воскресало.
Сія рѣка, свидѣтель давнихъ дней,
Протекшая межь стольких поколѣній,
Спокойная межь стольких измѣненій,
Мнѣ славною блистала стариной;
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней, какъ дымъ, влетали предо мной:
Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликалъ полки Донской;
Пожарскій мчалъ, сквозь ужасы и пламя,
Свободу въ Кремль по трупамъ Поляковъ;
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы;
Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
Чудесный Петръ въ столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцова съ вождями предъ Москвой
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
И дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремился.
Давно - ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?.. Во прахѣ домъ Царей;
Безславіе разбитыхъ алтарей;
Святилища, лишенныя святыни;
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что жь теперь?.. Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуяся Москвою—
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремлѣ семья Царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ...
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О! сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, Младенецъ, гость, желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младый Отецъ предъ Матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;
Передъ Твоей невинностью смиренной
Безмолвная Праматерь слезы льетъ;
Уже Москва *своимъ* Тебя зоветъ...
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ Твоей, младая Мать, душой?
О! для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи;
Чистѣйшія зажглись въ ней упованья;
Не для Тебя теперь Твои желанья,
Не о Тебѣ днесь радости Твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ Твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, Его прекрасенъ сонъ,
И жизни вѣсть къ Нему не достигала...
Но ужь Судьба свой судъ объ немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
Но Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля!
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый,
Кругомъ Его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцевъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?..
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ Твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ Его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу съ бури свѣта
Пускай Тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,

Великое съ величіемъ сносить.
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила Царей великихъ внуку.
Съ Тобой ему начать сію науку.
Теперь, едва проснувшійся душой,
Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой,
Безпечно Онъ играетъ въ колыбели,
И радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять;
Житейское отъ ней еще далеко...
Храни ее, заботливая мать,
Твоя любовь всевидящее око;
Въ Твоей любви святая благодать.

---

13 мая Императрица Марія Ѳеодоровна возвратилась изъ богомольнаго путешествія въ Троицко-Сергіевскую лавру, Ростовъ и Воскресенскъ, а на слѣдующій день въ тѣ же мѣста отправилась Императрица Елисавета Алексѣевна. Въ это же время Великій Князь Николай Павловичъ архіепископу Августину написалъ письмо, такого содержанія [1]):

«Преосвященнѣйшій Владыко! Со страхомъ, свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ, и ожидалъ съ покорностію воли Божіей.

Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца; Онъ сохранилъ и мать и младенца! Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима (въ Троицко-Сергіевской лаврѣ): — это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо участь жены и сына.

Васъ, преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай передъ Алтаремъ, воздвигаемымъ благо-

---

[1]) «Моск. Вѣд.» 1818 г. № 42.

дарностію отца, приносятся молитвы и о матери и сынѣ; да продлитъ Всемогущій Ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу отечества».

Видъ Троице-Сергіевской лавры.

22-го мая пріѣхалъ въ Москву Великій Князь Константинъ Павловичъ, который во все время своего пребыванія въ Москвѣ помѣщался въ уборной Государя [1]).

«Шесть недѣль послѣ рожденія Великаго Князя Александра Николаевича прошли для меня, пишетъ Александра Ѳеодоровна, самымъ пріятнымъ, спокойнымъ и однообразнымъ образомъ; княгиня Софія Трубецкая приходила иногда вечеромъ почитать вслухъ часъ или два. Я пережила чудную минуту, когда понесла новорожденнаго на рукахъ въ Чудовскую церковь, къ гробницѣ св. Алексѣя.

«Вскорѣ Москва сдѣлалась сіяющей и оживленной. Императоръ возвратился изъ Польши и изъ поѣздки въ Одессу и Крымъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ принцъ Филиппъ Гессенъ-Гамбургскій, посланный отъ имени австрійскаго императора въ Варшаву. Онъ настолько понравился Государю и такъ сошелся съ нимъ, что Императоръ пригласилъ принца сопровождать его въ путешествіи».

[1]) Письмо Булгакова къ Тургеневу отъ 23-го мая 1818 г.

Цѣна 2 руб.

Складъ изданія въ **Товариществѣ „Общественная Польза“** тамъ-же имѣются слѣдующія книги того-же автора:

Графъ Е. Ф. Канкринъ его жизнь, литературные труды и его двадцатилѣтнее управленіе Министерствомъ Финансовъ. Цѣна **5** руб.

Первый Царственный Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ (1798—1898) съ 8-ю портретами. Цѣна **2** руб.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.